

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
"Российский университет транспорта (МИИТ)"

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 5(70)

Сентябрь - Октябрь

Москва
2018

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н,
профессор) Сергеев В.К. (заместитель главного редактора,
д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответственный секретарь, к.пол.н., доцент),
Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор), Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор),
Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.)
Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

**ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура:** научный и социокультурный жур-
нал // М.: РУТ (МИИТ), 2018. – Вып. №5 (70). – 139 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Российский университет транспорта (РУТ - МИИТ)

The editorial board

Marshak Arcadiy L'vovich Chief Editor, Gorbunov Alexander Alexandrovich Deputy Chief Editor, Mineralov Vladislav Ur'evich Deputy Chief Editor, Kravchenko Sergej Aleksandrovich Deputy Chief Editor, Sergeev Vladimir Konstantinovich Deputy Chief Editor, Ksenofontov Vladimir Nikolaevich Deputy Chief Editor, Kretov Boris Ivanovich Deputy Chief Editor, Rozhkova Liliya Valer'evna Deputy Chief Editor, Evlaev Andrey Nikolaevich Executive Secretary

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.): scientific and socio-cultural journal: M.: RUT (MIIT), 2018. – Edition 5(70). – 139 p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestation-tion Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 1 Dec 2015 No. 13-6518.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Russian university of transport (RUT - MIIT)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент ФНИСЦ РАН, советник ФНИСЦ РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН - ФНИСЦ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник ИС РАН - ФНИСЦ РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Мионов А.В. Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Чупров В.И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН - ФНИСЦ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шабров О.Ф

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

Шувакович Урош

Член-корреспондент Сербской академии образования, профессор Белградского университета, кафедра философии и социальных наук

COMMUNITY EDITORIAL BOARD
Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A.

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities MGUPS (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N.

Corresponding Member of ISRAS - FCTAS RAS, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N.

Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission

Zapesotskiy A.S.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kapto A.S.

Doctor of Philosophy, Head of UNESCO's Social and Human Sciences at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS

Kulashik Peter

Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Marshak A.L.

Senior Researcher of ISRAS - FCTAS RAS, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Mironov A.V.

Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

- Narbut N.P.*** Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia
- Smolin O.N.*** Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma
- Sosunova I.A.*** Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor
- Chuprov V.I.*** Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS - FC-TAS RAS, honored worker of science of the Russian Federation
- Shabrov O.F.*** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science
- Shuvakovich Urosh*** Corresponding Member of the Serbian Academy of Education, Professor of the Belgrade University, Department of Philosophy and Social Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

БАШАРАТЬЯН М.М. Феномен безопасности в региональном контексте «среднеазиатского» постсоветского пространства.....12

**ФЕДЯКИН А.В.
ФЕДЯКИН И.В.** К вопросу об основных путях и механизмах реализации региональной политики государства.....19

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

МАТВЕЕВА Е.В. Традиционный праздник как метод культурной референтации: анализ культурных практик.....31

**ШМЕЛЕВА Н.В.
СМЕТАНИНА Т.А.** Роль агрессии в современной культуре.....37

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

БУРЦЕВ С.А. Лидерство в российской молодежной среде: структурные стимулы и ограничения.....43

НАЗАРОВА Р.К. Особенности управления процессом формирования локального патриотизма у студентов посредством физической культуры и спорта.....54

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

КРАСИНА Я.С. Факторы успешной социокультурной адаптации иммигрантов: зарубежный опыт.....60

РУБАС А.В. Социально-демографический профиль и особенности психологического состояния пассажиров подземной транспортной сети Москвы.....67

СОЦИОЛОГИ ЮГА РОССИИ

- ВАСИЛЬЕВ В.Н.** Инновационная деятельность субъектов социального управления в российских регионах: критерии исследования.....76
- ДЕНИСОВА Г.С.
ЛУБСКИЙ А.В.
ВОЙТЕНКО В.П.** Институциональные практики межэтнического взаимодействия в региональных сообществах на Юге России: возможности использования их потенциала в укреплении общероссийской идентичности.....86
- КУЗНЕЦОВА К.И.** Цифровой разрыв и эффективное использование информационно-коммуникационных технологий.....102
- ЛЕЖЕБОВ А.А.** Самопозиционирование населения и реальность социальной структуры регионального сообщества.....109
- ЛУШНИКОВ Д.А.** Дегуманизация и демонизация как механизмы формирования образа врага в кампаниях по негативному информационному воздействию.....116

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- ЗУБКОВ С.А.** Глобальные профсоюзы в рядах международного экологического движения.....123
- НАШИ НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ (ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ)...**132
- КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....**134
- ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ.....**137

CONTENTS

POLITICS AND SOCIETY

BASHARATYAN M.M. Security phenomenon in the regional context of the "Central Asian" post-Soviet countries.....12

FEDYAKIN A.V.
FEDYAKIN I.V. To the question about directions and mechanisms of realization of state regional policy.....19

CULTURAL SENSE

MATVEEVA E.V. Traditional celebration as a method of cultural reference: analysis of cultural practices.....31

SHMELEVA N.V.
SMETANINA T. A. The role of aggression in modern culture.....37

SOCIOLOGY OF YOUTH

BURTSEV S.A. Leadership in the Russian youth environment: structural incentives and limitations.....43

NAZAROVA R.K. Management features of local patriotism formation among students through physical education and sport.....54

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

KRASINA J.S. Factors of successful socio-cultural adaptation of immigrants: foreign experience.....60

RUBAS A.V. Actors of regional management in the context of implementation of social and investment development of the region.....67

SOCIOLOGY OF THE SOUTH OF RUSSIA

VASILEV V.N.	Innovative activity of subjects of social management in Russian regions: research criteria.....	76
DENISOVA G.S. LUBSKY A.V. VOYTENKO V.P.	Institutional practices of interethnic interaction in regional communities in the South of Russia: opportunities to use their potential in strengthening the all-Russian identity.....	86
KUZNETSOVA K.I.	Digital divide and effective use of information and communication technologies.....	102
LEZHEBOKOV A.A.	Self-positioning of the population and the reality of the social structure of the regional community.....	109
LUSHNIKOV D.A.	Global trade unions in the international environmental movement.....	116
POINT OF VIEW		
ZUBKOV S.A.	Global trade unions in the international environmental movement.....	123
OUR NEW PUBLICATIONS (INSTEAD OF REVIEW).....		132
CONFERENCE. SEMINARS. SYMPOSIUMS.....		134
RULES OF PUBLICATION.....		137

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

БАШАРАТЪЯН

*Михаил Михайлович
аспирант кафедры
региональных проблем
мировой политики
факультета мировой
политики Московского
государственного
университета им. М. В.
Ломоносова. Москва, Россия
michael.bash07@gmail.com.*

BASHARATYAN

*Mikhail Mikhailovich
post-graduate student of the
Department of regional prob-
lems of world politics at the
faculty of world politics of Lo-
monosov Moscow State Univer-
sity.
Moscow, Russia
michael.bash07@gmail.com.*

Феномен безопасности в региональном контексте «среднеазиатского» постсоветского пространства/ Security phenomenon in the regional context of the “Central Asian” post-Soviet countries

Аннотация

Статья посвящена семантической интерпретации понятия «безопасность», ее позитивному и негативному пониманию в контексте соответствующих проблем Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова

Безопасность и ее виды, коллективная, региональная, международная, позитивная и негативная, вызовы и угрозы.

Abstract

The article is dedicated to the semantic interpretation of the security concept, its positive and negative understanding in the context of the relevant problems in the Central Asia region.

Keywords

Security and its types, collective, regional, international, positive and negative, threats and challenges.

Понятие «безопасность» и отраженный в нем феномен является фундаментальным во всем многообразии подходов к ее исследованию, включая и философско-политический дискурс. Не претендуя на его комплексное рассмотрение, обратим внимание на некоторые характерные концептуальные черты данного явления и содержания соответствующего понятия.

Известно, что в рамках античного универсализма (Платон, Аристотель и др.) безопасность, связанная с идеальными формами государства, понималась сквозь призму справедливости, блага,

пользы «правильных» в сравнении с «неправильными» типами государственного устройства. Считается, что одной из первых попыток раскрытия содержания понятия «безопасность» было определение английского философа Роббера в XII в.: «спокойное состояние духа человека, считающего себя защищенным от любой опасности»¹. Впрочем, указанная дефиниция, претендуя на некую всеобщность, не получила дальнейшего развития в качестве теоретико-методологической основы. Наиболее определенно феномен безопасности был рассмотрен И.Бентамом, для которого «идеалом была безопасность, а не свобода»². По его мнению, важнейшей функцией любого государства (правительства) является достижение блага через защиту своего общества от других во всех сферах социального бытия. «Истинное политическое благо заключается в той неизмеримой выгоде, которую доставляет людям существование правительства и которая заставляет их поддерживать его. Без правительства нет безопасности...»³.

Несмотря на многообразие подходов и аспектов (онтологических, антропо-этических и др.), этатистское измерение безопасности как многоуровневого социального явления нам представляется фундаментальным в соотношении с интересами личности, общества и государства. «Национальный интерес миролюбивой страны, – отмечал Г. Монгентау, – может формулироваться только через призму национальной безопасности, а она должна предполагать целостность национальной территории и неприкосновенность ее институтов»⁴. Собственно, в этом и заключается предельно конкретное понимание безопасности в ее национальном, государственном измерении, актуальность которого отражают сложившиеся современные реалии. При этом, с известными оговорками, мы можем предположить, что субъект-объектная индивидуальная, корпоративно-групповая, общественная безопасность при своей актуализации сводится к национальной (государственной) безопасности. В свою очередь, последняя является казуальным условием осуществления региональной (межрегиональной), а также международной (коллективной) безопасности.

Выше было отмечено, что содержательной коннотацией безопасности является отсутствие какого-либо риска, а в случае его реализации возникают негативные последствия, наносится вред тому или иному субъекту – личности, обществу, государству. При этом состояние их защищенности предполагает, с одной стороны, отсутствие опасности и сопряженных с ней угроз, с другой – наличие системы защиты (превентивной или актуализированной) от них. В этой связи убедительным и вполне правомочным взглядом предположение о том, что семантическая интерпретация рассматриваемого нами феномена безопасности может существенно прояснить его многоаспектное содержание, прежде всего, с точки зрения политической праксеологии. Именно в этом ключе мы продолжим анализировать понятие «безопасность», имеющее не только многообразные (в том числе и

1 Цит. по: Гончаренко П.П., Куценко Е.С. Управление безопасностью. М.: КНОРУС, 2005. С.20-21.

2 Рассел Б. История Западной философии. Новосибирск, 2007. С.904.

3 Цит. по: Антология мировой политической мысли. Т. 7. М., 1997. С.561.

4 Цит. по: Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997. С.505.

лингвистические) толкования, но, что особенно важно, практическую актуализацию, отраженную во внешней политике и соответствующих стратегиях. Обратим внимание на то, что понятие и феномен безопасности, как впрочем, многие явления социального бытия, возможно, анализировать как в негативном, так и в позитивном ключах. Даже этимологически безопасность понимается в негативном смысле, как отсутствие опасности, антиподом которой является некая опасность, ее безальтернативная угроза для личности, общества и государства. Второй вариант трактовки безопасности, по нашему мнению, связан с позитивной интерпретацией ее вариативного обеспечения. Иными словами, у «позитивной безопасности» всегда есть выбор между альтернативами ее реализации, а также соблюдения баланса сил и интересов, особенно на национальном и международном уровнях. Здесь с необходимостью следует вывод о том, что «негативная безопасность» по своей сути линейна с односторонне предполагаемой возможностью своей реализации прежде всего на межличностном уровне.

«Позитивное» понимание безопасности и механизмов ее реализации, напротив, предполагает многовариантные решения возникающих в этой сфере проблем между государствами и мировым сообществом в целом. Тем самым, напрашивается вывод о том, что коллективная (региональная) и международная безопасность в принципе не могут подразумеваться как негативные явления с односторонним обеспечением преимуществ какому-либо одному субъекту. Иными словами, политика государства по обеспечению собственной безопасности в ее негативно понимаемом контексте, а также его абсолютизация чреваты усилением международной напряженности, разного рода опасными коллизиями в этой сфере.

Здесь мы согласны с Г.Монгентау: «Если страна определила свои интересы как интересы национальной безопасности, она уже способна жертвовать своими отдаленными форпостами, расположенными вблизи или внутри сферы национальной безопасности другой страны, и отойти в пределы собственной сферы, являющейся самодостаточной. Эти отдаленные форпосты ничего не дают для ее национальной безопасности. Они являются лишь помехой...»¹. Несмотря на то, что данное умозаключение было сделано более полувека назад, оно актуально и сейчас, когда государство «может разумно подойти к своим национальным интересам (и безопасности. – М.Б.), только отказавшись от мессианства политических доктрин. Компромисс... невозможен, если стороны не уверены в защищенности собственных национальных интересов»².

В современных реалиях сложно и достаточно драматично складывающегося многополярного мирового порядка совершенно очевидно, что лишь диалектика между негативной и позитивной интерпретациями феномена национальной безопасности, их взаимообусловленным дополнением друг друга дает объективно возможную основу обеспечения баланса сил и баланса интересов в межгосударственных отношениях.

По нашему мнению, именно это имел ввиду Президент

1 Цит. по: Антология мировой политической мысли. Т. 2. М., 1997. С.505-506.

2 Там же. С.507.

РФ В.В.Путин в Послании Федеральному Собранию, носящем «рубежный» характер: «...не нужно создавать для мира новых угроз, а нужно, наоборот, садиться за стол переговоров и вместе думать над обновленной, перспективной системой международной безопасности и устойчивого развития цивилизации... военная мощь России... сохраняет и будет сохранять стратегическое равновесие и баланс сил в мире, что, как известно, было и остается одним из важнейших факторов международной безопасности после Второй мировой войны и до наших дней»¹. В этой связи, мировой баланс сил, стабильность в контексте безопасности также являются фактором общей безопасности, структурно складывающейся из национального, межгосударственного и регионального уровней, в конечном счете, предполагающих безопасность личности, общества и государства.

Именно из этого положения мы исходим, рассматривая региональный контекст обеспечения безопасности в Центральной Азии и вокруг нее. При этом мы предполагаем следующую констатацию: за последние десятилетия произошла трансформация периферийного среднеазиатского пространства в Центрально-Азиатский регион, занимающий ключевую позицию в системе геополитических координат всего Евразийского континента. Очевидно, это связано в том числе и с тем, что «современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться... происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион ... проявляется многообразие культур и цивилизаций в мире, множественность моделей развития государств»², поэтому стремление исторического Запада «удержать свои позиции... проведение политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит... к усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях»³.

Центральная Азия сегодня становится своеобразным полем геополитической активности не только региональных соседей – России и Китая, но и «отдаленных игроков» в лице США и НАТО, а также частично ЕС и Японии. Очевидно, что в подобной ситуации бесперспективными выглядят попытки обеспечения безопасности на отдельных территориях и региональных пространствах. В данном случае, помимо международной безопасности речь может идти об обеспечении принципа равной и универсальной безопасности Европейско-Атлантического, Азиатско-Тихоокеанского и Евразийского пространств, включая, несомненно, Центрально-Азиатский регион. Иными словами в современных реалиях наблюдается сложная геополитическая «картина» обеспечения общей и региональной безопасности в контексте их диалектического единства – «общего» и «особенного».

При этом, когда в качестве «общего» выступает конкретный

1 Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 1 марта 2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.03.2018).

2 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 30.11.2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 27.03.2018).

3 Там же.

регион, например, Центральная Азия, то «особенным» в рамках безопасности выступают связанные с ней внутрирегиональные проблемы. Общие проблемы региональной безопасности выступают в качестве общезначимых как для государств региона, так и для соседних стран, на которые в указанном контексте влияют внутри региональные проблемы, конфликты и т.д.

В частности, угрозы внутривнутриполитической стабильности в странах Центральной Азии непосредственно воздействуют на весь Евразийский континент и государства, его составляющие. «Распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в целом ряде регионов... обусловлена как обнажившимися на фоне процессов глобализации системными проблемами развития, так и в значительной степени внешним вмешательством», что в совокупности привело к «разрушению традиционных механизмов государственного управления и обеспечения безопасности, увеличению масштабов незаконного распространения оружия и боеприпасов»¹.

Применительно к Центрально-Азиатскому региону данное указание более чем актуально, поскольку религиозный фактор в форме радикального ислама неоднократно создавал угрозы национальной безопасности, например, Узбекистана и Таджикистана (деятельность запрещенного в РФ «ИГ» и прочих группировок). Именно в этом регионе фиксируется «расширение характера и географии таких имеющих трансграничную природу вызовов и угроз, как неконтролируемый трафик оружия, нелегальная миграция, торговля людьми, незаконный оборот наркотических средств..., а также угрозы в области... экологической и санитарно-эпидемиологической безопасности»².

К отмеченным проблемам, с которыми с разной степенью успешности пытаются бороться центральные-азиатские государства, добавляется проблема легитимной и «несиловой» передачи власти, а также территориальные претензии и пресловутый «водный» вопрос. Собственно, по этой причине Центральную Азию некоторые исследователи и эксперты представляют как нечто непредсказуемое и опасное с точки зрения региональной безопасности. В этой связи среди приоритетов внешней политики Российской Федерации для «обеспечения надежной и равной безопасности каждого члена мирового сообщества» можно обнаружить меры по укреплению стабильности и безопасности не только на стратегическом, но и региональном уровнях³.

Во-первых, это связано с укреплением сотрудничества с государствами-членами СНГ, а также в рамках ЕАЭС и ШОС для укрепления экономической безопасности, взаимного доверия и партнерства в Центральной Азии. Кроме того, в качестве элемента безопасности на постсоветском пространстве рассматриваются структуры ОДКБ, особенно в части создания единой системы ПВО, миротворческой деятельности и антитеррористического центра СНГ.

Во-вторых, серьезным вызовом межрегиональной безопасности является Афганистан, превратившийся на фоне вывода интернациональных военных континентов в реальную угрозу своим

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

центрально-азиатским соседям, а также России¹.

Таковы, по нашему мнению, основные угрозы безопасности как Центрально-Азиатскому региону, так и России, соседствующей с ним. И в интересах всех государств – их скорейшая нейтрализация².

Подводя краткие итоги нашему исследованию, можно сделать следующие выводы.

Изначальное понимание безопасности сквозь призму реализации блага и справедливости эволюционировало к неприкосновенности институтов того или иного общества, его защищенности. В негативном смысле под безопасностью понимается отсутствие опасности или ее угрозы. Позитивная семантика исходит из наличия альтернатив реализации безопасности при соблюдении баланса сил и интересов, ее многовариантном обеспечении.

В современных реалиях зарождения многополярного мира лишь позитивное понимание национальной и международной безопасности может послужить основой их выстраивания и обеспечения. Отражением ее потенциального существования, в свою очередь, является наличие стабильности мирового порядка и институтов, его образующих.

В условиях трансформации периферийного (в геополитическом отношении) среднеазиатского ареала в один из ключевых регионов евразийского континента, проблемы обеспечения его безопасности выглядят более чем актуально.

При этом угрозы внутривосточной стабильности в Центральной Азии непосредственно влияют на весь Евразийский континент, особенно на соседние государства. Очевидно и вовсе неслучайно Россия выстраивает стратегии безопасности в этом регионе посредством консолидации усилий государств-членов СНГ и его структур, прежде всего ОДКБ, а также в рамках ШОС, других заинтересованных институций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Семченков А.С. Дестабилизация политической обстановки в современных государствах: технологические аспекты // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 2.

2. Федякин А.В. Внешняя политика современной России: национальные интересы и приоритеты в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 2008-2016 гг. // Вестник Российской нации. 2017. № 2.

REFERENCES

1. Semchenkov A.S. Destabilization of political situation in modern states: technological aspects [*Destabilizatsija politicheskoy obstanovki v sovremennykh gosudarstvakh: technologicheskije aspekty*] // POISK: Poli-
cy. Social science. Art. Sociology. Culture. 2017. № 1. P. 70-86.

2. Fedyakin A.V. Foreign policy of modern Russia: national interests

1 См.: Семченков А.С. Дестабилизация политической обстановки в современных государствах: технологические аспекты // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 2. С. 34-43.

2 См.: Федякин А.В. Внешняя политика современной России: национальные интересы и приоритеты в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 2008-2016 гг. // Вестник Российской нации. 2017. № 2. С. 85-112.

and priorities in Addresses of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly in 2008-2016 [*Vneshnaja politika sovremennoj Rossii: nacional'nye interesy i priority v Poslanijakh Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju 2008-2016*] // Bulletin of Russian nation. 2017. № 2. P. 85-112.

ФЕДЯКИН

*Алексей Владимирович
доктор политических наук,
профессор, заведующий
кафедрой «Политология,
история и социальные
технологии» Российского
университета транспорта,
Москва, Россия
avf2010@yandex.ru*

FEDYAKIN

*Aleksey Vladimirovich
doctor of political sciences,
professor, head of department
«Political science, history and
the social technologies» of
Russian university of transport,
Moscow, Russia
avf2010@yandex.ru*

ФЕДЯКИН

*Иван Владимирович
доктор политических наук,
доцент, профессор кафедры
«Политология, история и
социальные технологии»
Российского университета
транспорта, Москва, Россия
fedyakin_iv@mail.ru*

FEDYAKIN

*Ivan Vladimirovich – doctor of
political sciences, assistant
professor, professor of depart-
ment «Political science, history
and the social technologies» of
Russian university of transport,
Moscow, Russia
fedyakin_iv@mail.ru*

К вопросу об основных путях и механизмах реализации региональной политики государства/To the question about directions and mechanisms of realiza- tion of state regional policy

Аннотация

В статье анализируются основные подходы к определению типов региональной политики государства, а также путей и механизмов ее реализации. Отмечается имеющееся в профильной научной литературе многообразие взглядов как на типологические модели деятельности государства в региональной сфере, так и на конкретные инструменты ее осуществления. Подчеркивается значимость использования дифференцированного подхода к различным типам территорий и регионов государства при формировании и реализации такого комплексного и многоаспектного феномена, каким является региональная политика.

Ключевые слова

Региональная политика государства; основные направления и механизмы; адресный подход; дифференцированный подход.

Abstract

The article analyzes the main approaches to determining the types of regional policy of the state, as well as ways and mechanisms of its implementation. The variety of views available in the profile scientific literature both on typological models of activity of the state in the regional sphere,

and on concrete tools of it's implementation is noted. The importance of using a differentiated approach to different types of territories and regions of the state in the formation and implementation of such a complex and multidimensional phenomenon as regional policy is emphasized.

Keywords

Regional policy of the state; main directions and mechanisms; targeted approach; differentiated approach.

Поиск основных путей и эффективных механизмов реализации региональной политики государства – комплексного, многоаспектного, динамично эволюционирующего социополитического феномена, о чем нами уже неоднократно упоминалось ранее¹, представляет собой одну из востребованных исследовательских задач современной политической науки. Ее решение в современных условиях не представляется возможным без кропотливого и всестороннего анализа сформировавшихся к настоящему времени концептуальных подходов к оценке роли и значения государства в развитии своих интегральных частей – регионов, сложившихся в т.ч. на базе результатов осмысления региональной политики в целом и ее сущностных черт в частности. В этой связи представляется целесообразным обратиться к имеющимся в профильной научной литературе позициям по данному вопросу, чему и будет посвящена настоящая статья.

Прежде всего, необходимо выделить те исследования, авторы которых предпринимают попытки типологизации теоретических и практических подходов к выбору путей и механизмов реализации региональной политики. В частности, отечественный исследователь О.В. Кузнецова выделяет три течения, которые по-разному, исходя из различного осознания сущностных характеристик региональной политики, определяют ее основные направления:

1) «неинтервенционалисты» – отрицают необходимость любого воздействия государственного центра на региональное развитие;

2) «адаптеры» – предлагают смягчать воздействие стихийных рыночных сил и постепенно корректировать развитие территорий, стимулируя миграцию рабочей силы и инвестиции;

3) «радикалы» – выступают за активное государственное регулирование пространственных параметров роста.

При этом, как отмечает О.В. Кузнецова, хотя за рубежом преобладает течение «адаптеров», в то же время резкий контраст между другими типами региональной политики постепенно уходит в прошлое, уступая место компромиссным (комбинированным) подходам².

Р.Ф. Туровский в ходе анализа региональной политики государства выделяет три основных подхода к ее реализации:

- адресный (селективный или индивидуальный) подход, предпо-

1 См., например: Федякин А.В. Региональная политика государства: теоретико-методологические и прикладные аспекты политологического анализа // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 4. С. 94-97; Федякин А.В. Регион в фокусе политической теории и практики // Вестник Российской нации. 2009. № 5. С. 162-182.

2 См.: Кузнецова О.В. Мировой и российский опыт региональной экономической

лагающий акцент на развитии (или подавлении) конкретных территорий страны. Его концептуальным основанием служит определение (селекция) территорий, в отношении которых государственные центры принимают соответствующие адресные (индивидуальные) решения (создание институционально-правовых условий для развития региона, вмешательство и т.д.). На практике данному подходу соответствуют оказание адресной помощи, создание «полюсов» («коридоров») роста, формирование особых (специальных) экономических зон (кластеров), территорий опережающего развития и т.п.;

- комплексный подход, развивающийся на общенациональном уровне с учетом территориального эффекта принимаемых решений. Он предполагает создание по инициативе государственного центра соответствующих структур, которые будут задействовать необходимые механизмы при максимальном учете интересов регионов и их специфики. На практике данному подходу соответствует активное перераспределение, т.е. сначала «первичное» (общенациональное по своему формату) распределение средств между уровнями территориально-политической системы, а затем их «вторичное» перераспределение центром (или региональными центрами) в пользу более бедных (неблагополучных) территорий;

- автономный подход, предполагающий наделение регионов определенной степенью автономии, которая дает им возможности для самостоятельного развития в рамках предоставленных им полномочий. В отличие от адресного подхода, который также оперирует конкретными регионами, речь идет не о помощи или вмешательстве центра, а о противоположном действии – предоставлении автономии и невмешательстве¹.

Несколько иная вариация типов региональной политики, в зависимости о характера административно-управленческого воздействия государственного центра на регионы, выглядит так: стимулирующая, компенсирующая, адаптирующая, противодействующая². В более поздних исследованиях данный типологический ряд описывается следующим образом:

1) стимулирующая региональная политика – направлена на ускорение регионального развития путем поощрения новых видов деятельности, общественных отношений, инфраструктурной и информационной подготовки территории;

2) компенсирующая региональная политика – осуществляется с целью смягчения негативных явлений и процессов путем перераспределения доходов, предоставления дополнительных дотаций, льгот отсталым и депрессивным территориям;

3) адаптирующая региональная политика – содействует адаптации жизнедеятельности людей к природным и хозяйственным условиям территории;

4) противодействующая региональная политика – носит негативный характер и проявляется по причине некомпетентности управленческих

политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2003. № 10. С. 60-69.

1 Туровский Р.Ф. *Политическая регионалистика: Учебное пособие для вузов*. М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 88-89.

2 См.: Грицай О.В., Иоффе Г.В., Тревиш А.И. *Центр и периферия в региональном развитии*. М., 1991. С. 111.

структур. Она может сдерживать объективный процесс регионального развития и одновременно стимулировать тупиковые процессы¹.

При этом данная группа исследователей выделяет и два других подхода к содержанию региональной политики государства, встречающихся в теории и на практике:

- политика выравнивания уровня развития территорий, имеющая целью достижение однородности социально-экономического и т.д. развития регионов, а тем самым основанная на обеспечении одинаковых подходов ко всем территориям и условий их жизнедеятельности;

- политика поляризованного развития, ориентированная на выделение и поддержку особых территорий («точек», «полюсов», «локомотивов» роста, «коридоров» развития, «опорных» регионов и т.д.), которые изначально имеют соответствующие конкурентные преимущества и способны на определенном этапе оказать позитивное воздействие на соседние регионы (в т.ч. посредством механизма «диффузии» инноваций)².

В других источниках данные направления региональной политики государства получили несколько иные наименования. В частности, В.А. Дергачев и Д.Б. Вардомский выделяют такие ее типы, как:

- во-первых, перераспределительная региональная политика – направлена на финансовую помощь депрессивным территориям за счет регионов-доноров (в ее рамках широко используются такие инструменты, как различного рода налоговые и др. преференции);

- во-вторых, стимулирующая региональная политика – направлена на поощрение самостоятельного развития (характерна преимущественно для государств с высоким уровнем социально-экономического развития территорий и основывается на принципе субсидиарности)³.

О.В. Кузнецова выделяет следующие два направления региональной политики государства и соответствующие им инструменты:

1) ограничение роста экономически наиболее развитых регионов: во-первых, административные меры, например, ограничение строительства; во-вторых, финансовые меры, в частности, дополнительные расходы фирм;

2) стимулирование развития проблемных регионов: во-первых, финансирование выезда населения; во-вторых, размещение государственных предприятий и учреждений; в-третьих, улучшение свойств территории (нефинансовые меры – административные льготы, упрощенные визовый и таможенный режимы; финансовые меры – создание инфраструктуры, реклама, решение проблем экологии, трудовых ресурсов, разведки недр); в-четвертых, оказание помощи отдельным предприятиям (осуществление бюджетных расходов – субсидии, создание совместных предприятий, гарантии, кредиты; недополучение бюджетных расходов – налоговые льготы).

При этом в подавляющем большинстве случаев инструментарий осуществления конкретных мероприятий региональной политики

1 Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. С. 12-13.

2 Там же. С. 13.

3 Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 43.

государства, по мнению автора, включает в себя программы развития регионов, стимулирование приграничного сотрудничества, создание свободных экономических зон¹.

Еще один известный отечественный исследователь А.Н. Швецов в качестве основных направлений государственной региональной политики выделяет:

- общесистемную (направлена на создание общих предпосылок, благоприятствующих развитию регионов; в числе ее возможных инструментов автором называются: снижение излишней централизации; снятие «барьеров» (правовых, организационных, административных), препятствующих привлечению и эффективному использованию инвестиций в регионы; законодательное установление и практический контроль за соблюдением требований обязательного учета региональных условий и оценки региональных последствий решений, принимаемых на общенациональном уровне);

- селективную (выражается в целенаправленном влиянии на определенные части территории страны, в воздействии на складывающиеся в них конкретные экономические, социальные, экологические и т.п. ситуации; в этом случае задачей является систематическая оценка положения в регионах, селекция региональных ситуаций, требующих вмешательства центра, а также выработка и применение мер такого вмешательства)².

Развивая данный подход, О.В. Сидоренко предлагает следующую типологию основных направлений региональной политики государства:

1) общерегиональная политика – направлена на создание общих предпосылок регионального развития, ее меры не имеют избирательного назначения и равномерно влияют на все регионы страны, формируя правовую, организационную, экономическую и т.д. среду их самостоятельной активности; в ее рамках осуществляется определение сферы самостоятельных и совместных действий, конкретизируются полномочия и ответственность органов власти по всем аспектам развития регионов, а также устанавливаются общие правила, процедуры и нормы центрально-регионального разделения собственности, природных ресурсов, финансов и т.п.);

2) селективная региональная политика – избирательно воздействует на развитие регионов, исходя из общих целей и приоритетов территориального развития страны; она, в свою очередь, может быть двух видов: поляризованной (ее объектами выступают регионы-«полюса роста», а целью является достижение максимального общенационального благосостояния за счет эффективного использования их экономического и т.п. потенциала) и выравнивающей (ее объектами являются проблемные регионы: во-первых, отстающие и депрессивные, рост которых необходимо всячески стимулировать, т.е. проводить в отношении них симулирующую политику; а во-вторых, крупные городские агломерации, в отношении которых необходима политика сдер-

1 Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: ЛКИ, 2007. С. 95.

2 Швецов А.Н. Региональная политика как инструмент трансформации экономического пространства страны // Проблемы государственной политики регионального развития России / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 4 апреля 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 189-192.

живания роста, направленная на снижение межрегиональных различий)¹.

В работах Н.В. Зубаревич выделяются три приоритета региональной политики и три соответствующие им разновидности данного направления деятельности государства:

- стимулирование развития. В этом случае, как отмечает автор, основной упор делается на те регионы, которые обладают определенными конкурентными преимуществами, снижающими экономические и др. издержки (например, высоколиквидными сырьевыми ресурсами, выгодным географическим положением, развитой инфраструктурой, наличием большого количества трудоспособного населения и т.п.). Данные преимущества позволяют обладающему ими региону развиваться быстрее, особенно если государство проводит адекватную политику, направленную на стимулирование инвестиций, развитие различных форм предпринимательства и т.д. В результате опережающее развитие более конкурентоспособных территорий начинает способствовать развитию остальных частей страны. В качестве примера практической реализации данного направления региональной политики автор называет открытие особых экономических зон в КНР, быстрый экономический рост в которых увеличил доходы государства, что позволило поддерживать отстающие территории с помощью мер социальной и инфраструктурной политики. Вместе с тем, автор делает принципиальную оговорку, согласно которой, стимулирующая региональная политика имеет неизбежные издержки в виде усиления межрегионального неравенства;

- выравнивание развития. В этом случае, как отмечает Н.В. Зубаревич, акцент делается на сглаживании различий в уровне развития территорий, которое призвано обеспечить равный доступ населения к общественным благам. В качестве основного инструмента данного типа региональной политики используется перераспределение финансовых ресурсов в масштабах всего государства, направленное на поддержку слаборазвитых и депрессивных территорий. Примером практической реализации данного направления региональной политики автор называет мероприятия Евросоюза, в котором в конце 1980-х – 1990-е гг. были созданы соответствующие структурные фонды. Однако, по мнению автора, данная политика не увенчалась успехом, и сейчас ЕС использует обе разновидности региональной политики – стимулирующую и выравнивающую, со всеми присущими им инструментами. Более того, Н.В. Зубаревич особо отмечает, что в современных условиях во многих странах, так или иначе ощущающих ограниченность ресурсов развития, наблюдается конкуренция между приоритетами выравнивания и стимулирования, а потому идет постоянный поиск оптимального баланса данных типов региональной политики, который имеет свою специфику в конкретных пространственно-темпоральных реалиях;

- сохранение целостности страны и усиление контроля за стратегически важными территориями (геополитический). В этом случае, подчеркивает автор, государством могут использоваться

¹ Сидоренко О.В. Формирование селективной региональной политики социально-экономического развития проблемных регионов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Иркутск, 2011. С. 12-13.

конкретные инструменты как стимулирующего, так и выравнивающего типов региональной политики, направленные, однако, не столько на поощрение развития сильных и/или на поддержку слабых территорий, сколько на снижение дезинтеграционных тенденций, предотвращение сепаратизма и сохранение контроля центра над соответствующими территориями – как правило, приграничными, анклавными и т.д. Автором делается вывод о весьма высокой степени затратности данного типа региональной политики, наряду с выравнивающим, о наличии рисков истощения общегосударственных ресурсов при отсутствии 100%-ных гарантий достижения поставленных целей¹.

Наряду с данной типологией, Н.В. Зубаревич предлагает сформулировать задачи региональной политики государства в «ином ракурсе – институциональном», и тогда их, по мысли автора, будет три:

1) снятие барьеров для «диффузии» инноваций в масштабах всей страны. Инструментами реализации данной цели могут служить «развитие городов, особенно крупных, которые способны распространять инновации в менее крупные города и на периферию, а также улучшение транспортной инфраструктуры для снижения экономического расстояния между центрами»;

2) повышение мобильности населения. Стремясь найти более удобные, комфортные условия для жизни, люди тяготеют к наиболее привлекательным в экономическом, социальном и т.п. отношениях регионам, а тем самым «улучшают собственную жизнь, ускоряют развитие принимающего региона и всей страны». В качестве инструмента реализации данной цели автором называется снижение институциональных и финансовых барьеров, включая развитие рынка недвижимости и ипотечного кредитования;

- стимулирование конкуренции между территориями (включая регионы и города) за инвестиции и человеческий капитал при одновременном усилении горизонтального взаимодействия в целях решения общих проблем. Инструментами реализации данной цели (как, впрочем, и двух предыдущих) автор называет децентрализацию управления и дерегулирование².

Наконец, еще одни авторы приводят целый ряд оснований для выделения типов региональной политики государства и соответствующих им инструментов. В частности, выделяются виды региональной политики по:

- целям: выравнивание уровней развития регионов, расширение спектра социальных ролей в регионах, рационализация использования местных ресурсов, межрайонного сотрудничества и др.;

- механизму: автоматическая (распределение по формуле), проблемная (по специальным программам, целевая (по конкретным регионам);

- средствам: финансовая (помощь, льготы, штрафы и т.п.), административная (разрешения и запреты), инфраструктурные (строительство дорог и т.п.);

¹ Зубаревич Н.В. Геополитические приоритеты в региональной политике России: возможности и риски // Контрапункт. 2015. № 1. С. 1-2.

² Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // Сибирский фронт. 2014. Вып. 4. С. 25-26.

- объекту: борьба с чрезмерной специализацией хозяйства; сужение конкуренции регионов, снижение остроты противоречия «регион–страна», сглаживание контрастов «бедные» – «богатые» регионы;
- адресу: региональные власти, предприятия, организации, граждане¹.

Как видно, к настоящему времени в профильной научной литературе предпринят целый ряд попыток систематизации различных направлений региональной политики государства и выделения ее устойчивых типов, с определением характерных для каждого из них набора механизмов и инструментов реализации. На наш взгляд, эти разработки обладают определенной эвристической полезностью, позволяют выявить аргументацию их сторонников, раскрыть особенности задействованной ими методологии анализа, уточнить ценностные и т.п. предпочтения авторов.

Вместе с тем, полагаем, что любая типология социополитических феноменов вообще и региональной политики государства в частности всегда относительна. Она представляет собой результат рефлексии представителями научного и экспертного сообщества определенных, сложившихся в конкретных национальных условиях и в соответствующий момент времени политических реалий, причем рефлексии, так или иначе основанной на доминирующих методологических, когнитивных, аксиологических и т.п. установках, опирающихся на определенное видение окружающей социальной действительности, на господствующую парадигму и др. В то же время региональная политика государства, как нами неоднократно отмечалось ранее, представляет собой весьма динамичный и многовекторный, с точки зрения характера своего развития, поливариантный, с точки зрения траекторий эволюции, многоаспектный и полиструктурный, с точки зрения содержания, феномен. И современные социополитические реалии различных масштабов и уровней – глобального, национального, регионального – лишнее тому подтверждение.

В этой связи представляется целесообразным говорить не столько о наличии устойчивых (а потому претендующих на некую универсальность) типов региональной политики государства, наблюдаемых в различных пространственно-временных условиях, сколько об относительной устойчивости и более или менее постоянной воспроизводимости двух противоположных по своему содержанию ее моделей: активной (государственный центр интенсивно регулирует ход и параметры регионального развития, энергично участвует в жизни регионов, инициативно вмешивается в соответствующие процессы и т.д.) и отстраненной (центральные органы придерживаются линии на невмешательство, их действия носят по большей части реактивный характер, вся инициатива отдана на места и т.п.). Очевидно, что между ними располагается целая вариация различных типов региональной политики, определяемых с учетом усиления одних характерных признаков и ослабления других. При этом понятно, что в основе выбора того или иного типа региональной политики и соответствующего ему набора механизмов и инструментов в конечном итоге лежит принципиальное

¹ Фатеев В.С. Региональная политика: теория и практика. Минск: ЕГУ, 2004. С.

понимание государственным центром той степени межрегиональных контрастов и диспропорций, которая считается допустимой в каждом конкретном случае. И чем определеннее и устойчивее интересы государственного центра, чем более осознанными и согласованными они являются, чем большее число акторов политики их разделяет, тем более целесообразным и эффективным в конечном итоге будет пространственное развитие страны в целом и ее отдельных регионов в частности.

Тем самым мы считаем вполне уместным говорить о вариативности и ситуативности путей и механизмов реализации региональной политики государства, об их, если угодно, оперативной комбинации в конкретных условиях, обстоятельствах и т.д., при относительной устойчивости (в идеале, по крайней мере) и конкретности ее общенациональных целей и приоритетов, основанных на стратегическом видении центром места, роли и значения того или иного региона (группы регионов) в развитии всей страны. А т.к. это стратегическое видение государственного центра в отношении каждого конкретного региона может различаться в силу целого комплекса причин, факторов и т.д. как объективного, так и субъективного плана, то есть достаточные основания говорить о целесообразности следования государственной региональной политики в русле логики избирательности и адресности, о востребованности дифференцированного подхода к планированию и реализации административно-управленческих мероприятий в отношении различных регионов и территорий страны, учитывающих их специфику, особенные черты, единичные моменты и т.д. И подобная вариативность, адресность, избирательность и т.д. должны восприниматься исключительно в прагматичном ключе, лишь в качестве инструмента достижения главной цели региональной политики любого (нормального) государства – обеспечения устойчивого полноценного и сбалансированного развития регионов при сохранении единства и территориальной целостности страны.

Отрадно, что данный принципиальный подход в том или ином виде находит свое отражение в целом ряде профильных исследований. В частности, И.Ф. Кефели связывает выбор содержания региональной политики с: определением принципов формирования и изменения региональной структуры общества; выявлением региональных интересов различных групп населения с учетом специфики исторических, природных, культурно-бытовых и пр. особенностей региона; определением места региона в общественном разделении труда; регламентацией взаимоотношений между региональными структурами, регионом и центральными органами власти и управления, а также с другими регионами¹.

Ряд исследователей ранжируют различные мероприятия региональной политики государства в зависимости от типа развития, присущего тому или иному региону. Соответственно, выделяются:

- асимметричный (дисгармоничный) – такой тип развития, при котором регионы, имеющие то или иное относительное преимущество в начале определенного периода, в дальнейшем его увеличивают, тогда как регионы, в которых наблюдается относительное отставание, его

¹ См.: Кефели И.Ф. Политическая регионалистика: Учебное пособие. СПб., 2005. С. 18.

усугубляют;

- симметричный (гармоничный) – такой тип развития, при котором разрыв в уровне основных показателей регионов (например, ВРП, средние доходы населения и т.д.) сокращается;

- нейтральный – такой тип развития, при котором соотношение в уровне региональных показателей в течение периода остается неизменным¹.

При этом авторами подчеркивается, что «фундаментальными методами» реализации региональной политики государства выступают «административное, правовое и экономическое регулирование»².

С точки зрения В.В. Кистанова и Н.В. Копылова, необходимость дифференцированного подхода в ходе формирования и реализации региональной политики, в частности, в условиях современной России, обусловлена сохраняющимся влиянием различных стартовых условий регионов и их неоднозначными возможностями по адаптации к существующим реалиям. В этой связи, по мнению авторов, для выработки и реализации целенаправленной региональной политики необходимо определить различные типы регионов, имеющиеся проблемы в которых требуют особого внимания со стороны государства. «По признакам масштабности и периодичности решения проблем различается интегральная типология тактического и стратегического характера. Первая может быть использована для разработки практических мероприятий, включая механизм регулирования по выходу из кризисных ситуаций, стабилизации экономики и социальной сферы и т.д. на ближайшие годы. В этой связи целесообразно выделить районы опорные, депрессивные, слаборазвитые, самообеспечивающие и т.п. Стратегическая типология регионов предназначена для разработки современной политики их социально-экономического развития. В указанных целях следует различать регионы старопромышленного (постиндустриального), переходного («среднего поколения») и осваиваемого типов. Не исключено использование смешанной – тактико-стратегической типологии»³. Соответственно, согласно подходу авторов, универсальной типологии регионов, равно как и региональной политики, не существует, тогда как целевая типология, например, в условиях современной России, позволяет выделить такие типы регионов нашей страны, как: «развитые, депрессивные, слаборазвитые, особые и нового освоения. Кроме того, отдельные тип представляют регионы особо важного стратегического значения»⁴.

Согласно еще одному подходу, опять-таки применительно к современным российским реалиям, следует говорить о разных целях развития различных типов регионов страны в зависимости от доминирования тех иных потребностей большинства проживающего в них населения, что обуславливает в т.ч. разнообразие механизмов, используемых для достижения данных целей. В частности, для депрессивных регионов доминирующей потребностью живущих в них

1 Коваленко Е., Зинчук Г., Кочеткова С., Маслова С., Полушкина Т., Рябова С., Якимова О. Региональная экономика и управление: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2008. С. 120.

2 Там же. С. 152.

3 Кистанов В.В., Копылов Н.В. Региональная экономика России: учебник. М.: Финансы и статистика, 2009. С. 65.

4 Там же. С. 66.

людей является преодоление бедности, а, соответственно, целью региональной политики – решение социальных и т.п. проблем, эту бедность вызвавших; для населения относительно благополучных регионов актуально обретение чувства уверенности в завтрашнем дне, и тогда целью региональной политики является обеспечение устойчивого развития, и т.д.¹

Обращает на себя внимание тот факт, что в целом ряде источников встречается весьма критическое отношение к некоторым типам региональной политики государства, нередко считающимся «классическими», равно как и к используемому в их рамках конкретному инструментарию реализации. В частности, как пишет В.В. Климанов, «Практически везде главная цель реализации региональной политики сводится к нахождению компромисса в решении государственных задач при достижении экономического развития (роста), с одной стороны, и социальной справедливости в ее территориальном (региональном) преломлении, с другой... Однако достижение цели территориальной справедливости чревато побочными негативными последствиями, в т.ч. возможными проявлениями регионального «иждивенчества» и регионального «соперничества» за перераспределяемые финансовые ресурсы... Поэтому реализация государственной политики, наряду с ориентацией на социальную, в т.ч. территориальную справедливость, должна, как минимум, не препятствовать обеспечению экономической эффективности»². Ему вторят А. Поздняков и Б. Лавровский, по мнению которых, используемые механизмы реализации региональной политики, в частности, в современной России, нередко «порождают иждивенческие настроения в дотационных регионах; лишают регионы-доноры серьезных стимулов к развитию; не столько ослабляют, сколько усиливают региональную дифференциацию; требуют все больших объемов перераспределения финансовых ресурсов при все уменьшающихся федеральных возможностях»³.

В этой связи возникает вопрос: что должно быть превалирующим в региональной политике, чего должно быть в ней больше – собственно политики или все-таки экономики? И каково должно быть соотношение в ее содержании экономических и политических задач, механизмов, инструментов и т.д.? На наш взгляд, данный вопрос не имеет однозначного ответа. Точнее, корректным ответом на него будет тот, в котором в максимальной степени учитываются конкретные пространственно-временные реалии. В этой связи неслучайно во многих источниках говорится не только о прямых (непосредственное финансирование проектов и программ развития), но и о косвенных (налоговое, кредитное, таможенное, валютное и т.п. регулирование) методах реализации региональной политики. В частности, в политическом аспекте прямыми методами можно считать организованные действия (массовые акции), а косвенными –

1 Двас Г.В. Гармонизация стратегических целей развития регионов как основная проблема государственной региональной политики // Проблемы государственной политики регионального развития России / Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 4 апреля 2008 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 461-466.

2 Климанов В.В. Региональные системы и региональное развитие в России. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 73.

3 Поздняков А., Лавровский Б. Политика регионального выравнивания в России (основные подходы и принципы) // Вопросы экономики. 2000. № 10. С. 79.

законотворчество, лоббизм и т.д.

Политика и экономика, как бы банально это ни звучало, всегда идут рядом. А потому выделение собственно политических или чисто экономических целей, направлений, инструментов и т.д. региональной политики нередко представляется весьма проблематичным. Посмотрим на направления, традиционно выделяемые в рамках осуществления мероприятий региональной политики: бюджетное (перераспределение между регионами государственных финансов), налоговое (установление системы платежей и льгот, определяющей налоговый режим региона), ценовое (государственное регулирование цен и тарифов с учетом регионального фактора), инвестиционное (меры по поддержанию инвестиционной активности в регионе и повышению его инвестиционной привлекательности), структурное (меры по поддержке и реструктуризации отраслей промышленности и отдельных предприятий), институциональное (система мер, связанных с приватизацией и взаимоотношением государства с собственниками), социальное (мероприятия, направленные на обеспечение социальных гарантий населения, улучшение состояния окружающей среды и т.д.). А посмотрев, зададимся вопросом: где здесь собственно политика, а где – только экономика? Вопрос остается открытым.

В то же время представляется важным подчеркнуть, что адекватный выбор основных путей и эффективная выработка ключевых направлений реализации региональной политики в современных условиях не представляются возможными без задействования таких инструментов, как: региональное прогнозирование (научное предвидение предполагаемых направлений и параметров социально-экономического развития региона на основе анализа источников финансирования, экономической структуры и т.д.), региональное программирование (целенаправленное вмешательство в развитие региона с формулированием целей и промежуточных задач социально-экономического развития региона, а также с определением конкретных сроков достижения поставленных целей и необходимых затрат ресурсов) и региональное планирование (установление конкретных задач и целей на плановый (планируемый) период с указанием источников финансирования, непосредственных исполнителей и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Федякин А.В. Региональная политика государства: теоретико-методологические и прикладные аспекты политологического анализа // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 4.

2. Федякин А.В. Регион в фокусе политической теории и практики // Вестник Российской нации. 2009. № 5

REFERENCES

1. Fedyakin A.V. Regional policy of the state: theoretical-methodological and applied aspects of political analysis [*Regional'naja politika gosudarstva: teoretiko-metodologičeskije i prikladnyje aspekty politologičeskogo analiza*] // Bulletin of Moscow university. Series 12. Political research. 2007. No. 4.

2. Fedyakin A.V. The region in the focus of political theory and practice [*Region v fokuse političeskoj teorii i praktiki*] // Bulletin of Russian nation. 2009. No. 5.

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

CULTURAL SENSE

МАТВЕЕВА

*Елена Владимировна
доцент, кандидат
социологических наук
Восточно-Сибирского
государственного
института культуры»,
Улан-Удэ, Россия
moniket@yandex.ru*

MATVEEVA

*Elena Vladimirovna
Associate Professor, Candidate
of Sociological Sciences of the
East-Siberian State Institute of
Culture, Ulan-Ude, Russia
moniket@yandex.ru*

Традиционный праздник как метод культурной референциации: анализ культурных практик/ Traditional celebration as a method of cultural reference: analysis of cultural practices

Аннотация

Традиционный праздник представляет собой комплекс обрядово-ритуальных действий, исторически детерминированный образом жизни и мировоззрением этноса. Через праздник достигается одна из ведущих социокультурных целей – передача культурных кодов новым поколениям. Процесс референциации лежит в основе социальной консолидации. Если методом культурной референциации становится традиционный праздник, то его красочность, эмоциональная окрашенность, его культурный символический код самым естественным образом становится достоянием новых поколений, сплачивая и объединяя их в лоне своей культуры.

Abstract

The traditional holiday is a complex of ritual actions, historically determined by the way of life and worldview of the ethnic group. Through the holiday one of the leading socio – cultural goals is achieved-the transfer of cultural codes to new generations. The process of referencing is the basis of social consolidation. If the method of cultural reference becomes a traditional holiday, its colorfulness, emotional coloring, its cultural symbolic code is the most natural way becomes the property of new generations, rallying and uniting them in the bosom of their culture.

Ключевые слова

Праздник; культура; традиция; референциация.

Keywords

Holiday; culture; tradition; referencing.

В процессе взаимного обмена информацией с целью самоидентификации личностью выявляются референтные группы, полезные для социального взаимодействия. Индивид осуществляет моделирование своего поведения, мыслей, образа жизни, сравнивая их с деятельностью и поведением отдельных общественных сегментов или конкретных людей, чьи поступки кажутся ему наиболее привлекательными.

Во время массового праздничного гуляния в ходе национальных праздников осуществляется процесс референтации этноса с другими значимыми (референтными) этносами.

Проблема праздничной культуры и процессов культурной референтации неоднократно поднималась в научных публикациях. Необычайную популярность вопрос о национальной праздничной культуре имел в СССР. В работах Генкина Д.М., Коновича А.А., Жаркова А.Д., Туманова И.М.¹ праздник предстает в контексте идеологической пропагандистской работы с массами в условиях тоталитарного государства. Главным и решающим в празднике в эти годы считалось реализовать общенациональную идею по сплочению масс под эгидой патриотической тематики.

В новые времена, которые мы связываем с идеологическими и политическими переменами в стране, потерялась связь между государственной политикой и праздником, зато на смену этому пришло огромное желание людей возродить свою исконную народную праздничную культуру.[□]

Сегодня появляются новые исследования праздничной культуры, в которых происходит анализ праздника с опорой на философию, общечеловеческие и сакральные ценности.¹

В Республике Бурятия, территориально расположенной в Восточной Сибири и издревле заселенной потомками кочевых монголоязычных народов, идут процессы осмысления роли культурных ценностей в практической жизни этноса. Национальный праздник - синтетический вид этнической культуры, составными элементами которого выступают игра, песня, танец, обряд. Праздник Белого месяца (Сагаалган) для Бурятии есть способ референтации бурятского народа в культурном пространстве Азии.

Многовековое сосуществование на территории Бурятии двух крупных этносов – бурят и русских, предопределило особое отношение людей к традиционным праздникам. Для русских важнейшим из способов культурной референтации со славянскими народами, несомненно, является народное гуляние Масленица. Неоспоримым фактом является то, что каждый этнос имеет исконные праздники, через которые отождествляет себя с историей, культурой, символикой своего этноса. Все это позволяет нам сравнить отношение представителей молодежи названных крупных этносов к своим исконным праздникам и сделать вывод о том, может ли праздник стать решающим способом этнической референтации для новых поколений или нет.

Через существующий набор обрядовых действий, которые предстают в ходе праздника символами референтации: обряд встречи почетных гостей, обряд преподношения даров, исполнение

¹ Генкин Д.М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 1975. 140 с.; Конович А.А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М. Конович, А.А. Театрализованные

традиционных песен и танцев, разжигание очищающего огня, обряд сожжения символов прошедшего года, - можно увидеть, насколько явно современная молодежь соотносит себя со своим народом, со своей национальной культурой.

Среди праздников, которые имеют место в жизнедеятельности населения Бурятии, есть такие, что родились в лоне исконно бурятской культуры. Это Сагаалган или Новый год по восточному календарю, Сурхарбан, который обычно празднуется осенью, а также обоо тахилга, имеющий священный смысл поклонения родовому тотему, духу местности, из которой вышел род, и памяти предков.

В русской праздничной традиции всем известным языческим праздником является Масленица. Масленица возникла как календарный обряд и сопровождает приход весны и начало полевых работ. В ходе праздника Масленицы происходит целый ряд обрядов и ритуалов, которые сегодня возрождены и поддерживаются усилиями общественных институтов.

Праздник - необходимый период жизнедеятельности, поскольку в праздник обычно предполагается отдохновение от трудов (работать в праздник обычно считается грехом, запретом, табу), тем самым обеспечивается необходимый перерыв в труде, насыщаемый приятными видами времяпрепровождения, что и позволяет людям создавать гармонию физического и духовного в своем бытовании. Праздник дает установку на эмоциональное расслабление, снятие негативного и создание радостного настроения.

Национальный, этнический праздник - сублимация национального характера. Эмоциональная сторона народного праздничного действия лучше, чем все другие виды человеческой деятельности, раскрывает основные характерные качества представителей этноса. Через праздничное действие осуществляется связь поколений, передача информации, служащая коммуникационным каналом между членами социума. Праздник позволяет людям ощутить свое единство и целостность, идентифицировать себя с другими представителями этноса и с его историей.

В течение долгого времени праздничная культура этноса обрела исторически выверенной формой праздничного действия. В празднике присутствуют игровые ритуальные действия, связующие идею праздника с религиозными представлениями этноса, компонентами праздника и по сей день остаются яркие и зримые его элементы - обряд, танец, песня, игра.

На наш взгляд именно праздник как эмоционально приемлемая форма этнической идентичности способна к выживанию, он положительно воспринимается абсолютным большинством населения. Через праздничную культуру с легкостью осуществляется трансляция культурных ценностей поколениям.

Стержнем сохранения региональной целостности является

праздники и обряды в СССР. М.: Высшая школа, 1990. 208 с.; Жарков А.Д. Государственные и общественно-политические праздники советского народа: Методика их организации и проведения. М.: 1986. 67с.; Туманов И.М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта М.: Просвещение, 1979. 88 с.

культурная жизнь. В нашем случае мы исследуем культурную жизнь территории, обладающую более чем четырехсотлетней традицией сосуществования двух крупных этносов – русских и бурят, и двух мировых религий – православия и буддизма. За многолетний период сосуществования культуры двух этносов остаются равными и самодостаточными. Они не сливаются в одну культуру, но и не антагонистичны по отношению друг к другу. Это единство культур двух этносов, сложившееся в систему ценностных представлений жителей региона.

Во многом культурное пространство Республики Бурятия, как части территории Восточной Сибири, отражает общие тенденции культурной ассимиляции населения планеты, но в частном случае этот пример позволяет ввести зависимую переменную ментальности социума, которая может быть обозначена нами как *культурный дуализм*, в результате которого произошло формирование и закрепление культурных основ такого этнического феномена, как *евроазиат*.

В качестве примера культурной референциации монгольских народов можно привести кочующий фестиваль бурятской культуры «Алтаргана», который проводится с 1994 года в тех регионах, где проживают буряты. Проводится фестиваль в Забайкальском крае, в Иркутской области, в Республике Бурятия и в Монголии. На фестиваль съезжаются представители бурятского этноса из разных регионов, они соревнуются в исконно бурятских видах спорта – конные скачки, стрельба из лука, разбивание костей, национальная борьба, – а также поют и танцуют.

Каждый раз на этом фестивале происходит процесс референциации, консолидирующий бурят в единый этнос через осуществление празднично-обрядовых и ритуальных элементов праздника.

Один из духовных лидеров бурят сказал, что «Праздник [Алтаргана] имеет свою философию. [Его] философия строится на возрождении, на определении ментального образа современного человека, цель заключается и в том, что на данном этапе мы должны оглянуться в прошлое, чтоб понять настоящее и заглянуть в будущее. А для этого крайне необходимо собраться всем и подумать о будущем этноса». «Алтаргана» – это своеобразный символ объединения бурятского этноса». ¹

Фестиваль Алтарган – 2018 прошел летом в г. Иркутске. В программе фестиваля были заявлены и проведены крупные мероприятия, каждое из которых послужило способом консолидации, духовного единения бурятского народа.

В Бурятии в последние годы наблюдается тенденция к сближению монголоязычных народов. Буряты, как представители кочевой культуры, ощущают свою историческую связь с монголами, проживающими в соседнем государстве. Проявляется эта тенденция в частоте общения, чему в частности служит введение безвизового перемещения через границу, а общность религии и единство языка коммуникаций, также как и других элементов материальной и духовной культуры кочевых народов, создают дополнительные условия для сближения. Среди политических предпосылок, которые также оказывают свое влияние на

¹ Крылова В.Н. Российская праздничная культура: история и современность// Вестник КазГУКИ. 2016. № 4. С. 61-65

процессы культурной референтации, можно назвать отмену статуса национальных автономий Усть-Ордынского и Агинского бурятских округов. Это политическое решение оказало свое влияние на процессы ассимилирования, растворения национального, культурного и религиозного своеобразия бурят в культуре более мощного и многочисленного этноса. Почувствовав угрозу своему духовному единству, буряты стали искать сближения с родственным по крови и культуре народом – с монголами.

Если проанализировать такие праздники, как Масленица у русских и Сурхарбан у бурят, то можно выявить общие элементы этнического праздника, свойственные праздничной культуре любого этноса. Оба праздника традиционно проходят в природной среде, в пространстве Забайкальской природы. Природный ландшафт способствует организации именно тех праздничных элементов, которые имеют место в современной обрядовой и игровой праздничной культуре русских и бурят Забайкалья. В частности, конные скачки требуют значительных пространств и легко вписываются в рельеф Забайкальской степи, а катания на санях с ледяной горы и на санях, запряженных русской тройкой - еще один пример того, как само пространство обеспечивает осуществление именно этого праздничного действия.

В традициях русской праздничной культуры кулацкие бои «стенка на стенку», а у бурят-монголов издревле в празднике присутствует национальная борьба на победителя. Соревнования в силе, ловкости и выносливости подчинены единообразию культурной праздничной традиции. Такие соревнования вырабатывают у молодежи с одной стороны истинную половую идентификацию, с другой прививают такие важные социальные качества, как стремление к лидерству, улучшение своего физического состояния, готовности к защите своего рода и семьи.

Ритуал поклонения духам природы имеет место, как в ходе Масленицы, так и в ходе празднования Сурхарбана. Давно позабыты истоки и реальные предпосылки возникновения этих ритуалов, но сохранились практически в неизменном виде ритуалы поклонения солнцу, разведение священного костра, ритуал окропления скакуна молочной водкой, приношения огню, духу местности в которой происходит действие.

Обратившись к результатам социологических исследований культуры региона последнего десятилетия можно зафиксировать тенденцию роста интереса населения к национальным праздникам. Практически все категории населения, и молодежь в их числе, положительно воспринимают национальные праздники, через них ощущают свою эмоциональную связь с этносом.

Например, анализ ответов участников социологического опроса, проведенного автором в составе исследовательской группы на вопрос «Какие национальные, религиозные праздники отмечаются в Вашей семье?» (пропорциональная квотная выборка респондентов выделяет в исследовании 67.27% русских и 29.87% бурят), дает нам возможность понять, что часть представителей и того, и другого этноса празднует и христианские праздники (Пасха, Рождество) и буддистские (Сагаалган). Однако большинство из них отдают предпочтение тем этническим

праздникам, которые привыкли считать «своими». Так 92,66 % русских празднуют Пасху и 94,18% бурят празднуют Сагаалган.¹

Культурная референтация – мощнейший инструмент объединения, консолидации, идентификации этноса, который способствует сохранению и трансляции его духовных ценностей. Праздник – эмоционально-проникновенный и положительно воспринимаемый элемент народной культуры, который по праву занимает одно из ведущих мест в структуре культуры этноса. Именно через праздник молодежь ярче проникается идеей своей национальной идентичности, четче представляет очертания своего этноса, ярче проявляет ему свою причастность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Крылова В.Н. Российская праздничная культура: история и современность // Вестник КазГУКИ. 2016. № 4.
2. Культурные процессы в республике Бурятия: оценки в глазах населения (опыт социологического изучения) / Ю.Б. Рандалов, В.Б. Прокопьев, Е.В. Матвеева и др. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
3. Слюсаренко М.А., Сысоева Л.С. Экзистенциальный смысл праздника и его место в современной культуре // Эстетико-культурологические смыслы праздника. Сб. статей. М.: ГИИ, 2009.

REFERENCES

1. Krylov V.N. Russian festive culture: history and modernity [*Rossijskaya prazdnichnaya kul'tura: istoriya i sovremennost'*] // Vestnik KazGUKI. 2016. No. 4.
2. Cultural processes in the Republic of Buryatia: estimates in the eyes of the population (the experience of sociological study) [*Kul'turnye processy v respublike Buryatiya: ocenki v glazah naseleniya (opyt sociologicheskogo izucheniya)*] / Yu.B. Randalov, V.B. Prokopiev, E.V. Matveeva et al. - Ulan-Ude: Publishing House of the BNTS SB RAS, 2004.
3. Slyusarenko, MA, Sysoeva, LS The existential meaning of the holiday and its place in modern culture [*EHkzistencial'nyj smysl prazdnika i ego mesto v sovremennoj kul'ture*] // Aesthetic and cultural sense of the holiday. Sat articles. M. : Gil, 2009.

¹ Слюсаренко М.А., Сысоева Л.С. Экзистенциальный смысл праздника и его место в современной культуре // Эстетико-культурологические смыслы праздника. Сб. статей. М.: ГИИ, 2009. – 460 с

ШМЕЛЕВА

*Наталья Владимировна
кандидат филологических
наук, доцент, Нижегородский
государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина, Ниж-
ний Новгород, Россия
shmelevanv@mail.ru*

SHMELEVA

*Natalia Vladimirovna
Candidate of Philology, Asso-
ciate Professor, Minin Nizhny
Novgorod State Pedagogical
University, Nizhny Novgorod,
Russia*

shmelevanv@mail.ru

СМЕТАНИНА

*Татьяна Александровна
кандидат философских наук,
доцент, Нижегородский
государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина,
Нижний Новгород, Россия
tansmetan@yandex.ru*

SMETANINA

*Tatiana Alexandrovna
Candidate of Philosophy, Asso-
ciate Professor, Minin Nizhny
Novgorod State Pedagogical
University, Nizhny Novgorod,
Russia*

tansmetan@yandex.ru

Роль агрессии в современной культуре/The role of aggression in modern culture

Аннотация

Со второй половины XIX в., когда человек в искусстве начинает обращаться к внутреннему миру человека, психология становится одним из главных структурообразующих принципов развития искусства и культуры. В привлечении внимания к произведениям искусства и культурным событиям ключевую роль начинает играть психологический подход, связанный с агрессией, которая приобретает формальные признаки искусства и становится содержанием искусства. Исходя из особенностей развития современной культуры, можно говорить о таком понятии как культурная агрессия, которая влияет на художественное мышление, отношение человека к культуре и на изменение культурной традиции, которая все больше становится «искусственной».

Ключевые слова

Агрессия; культурная агрессия; психология; массовое сознание; традиция; современное искусство; культурная динамика.

Abstract

Since the second half of the XIXth century when art people have begun to turn to man's inner world psychology has become one of the main structure-forming principles of art's and culture's development. Psychological approach of aggression has begun to play the main role in drawing attention to works of art and cultural events. That aggression has got the formal features of art and become its content. According to the character-

istics of modern culture it's possible to talk about a such thing as a cultural aggression which affects the artistic thinking, man's relation to culture and changes of cultural tradition which is becoming increasingly "artificial".

Keywords

Aggression; cultural aggression; psychology; mass consciousness; tradition; modern art; cultural dynamics.

Знаковыми тенденциями современности можно назвать агрессивный маркетинг, агрессивную экономику, агрессивную политику, которые начинают восприниматься в сознании обывателя как необходимые условия современного развития. Агрессия занимает важное место и в формировании ценностей современной культуры, а психологический подход к восприятию культурных феноменов доминирует над эстетическим освоением искусства, которое оказывается весомым инструментом моделирования реальности.

Наибольшее влияние на восприятие искусства оказывает так называемая культурная агрессия, характеризующаяся дисгармонией представлений человека о ценностях с самими ценностями, об искусстве с самим искусством. Культурная агрессия во многом связана с психологизацией культурной реальности, когда важнейшим фактором развития и оценки искусства становится психологический эффект, оказываемый нарцепиента предметами и образами искусства.

Представления о культурной агрессии появляются в трудах австрийского зоолога и этнолога Конрада Лоренца. Изучая особенности поведения животных, Лоренц особое внимание уделяет агрессии и путям ее преодоления. Он выделяет понятия «смещенная активность» (агрессия направлена на иной объект) и «вакуумная активность» (если подходящий объект не найден, завершающий акт осуществлен вхолостую). При анализе видов активности особая роль отводится культурной идентификации, служащей средством психологической защиты.

Смещенная активность и культурная идентификация характеризуют культурную агрессию как способ борьбы с неблагоприятными условиями социальной среды. Причем это может быть как создание произведений искусства, так и участие в сохранении культурных традиций. Агрессивное поведение зависит в первую очередь не от биологических факторов, а от социальных. Частота агрессивного поведения как смещенной активности растет при неблагоприятных условиях существования.

С изменением ценностей культуры в современных реалиях острым встает вопрос о негативном/позитивном направлении развития культуры. О негативной стороне влияния культуры писали Ф.Ницше, З.Фрейд, К.Хорни, Ж.Батай, М.Фуко, усматривая в ней опасность для психики человека. В работе «Недовольство культурой» З.Фрейд обращает внимание на негативные стороны культуры, определяя культуру как основной инструмент борьбы социального начала в человеке над естественным. Изучая особенности влияния культуры

1 Бабаева А.В., Шмелева Н.В. Нотобелли и национальная безопасность: к вопросу о культурной агрессии // Вестник Мининского университета. 2016. № 1-2 (14). С. 5.

на человека, Мишель Фуко дает следующее определение культуре: «Культура – это механизм власти общества над индивидом»¹, подмечая в ней психологические особенности влияния на человека. В своих рассуждениях о культуре известный российский культуролог А.Я. Флиер отмечает, что «Обзор мировой истории приводит нас к выводу, что именно культура исторически являлась наиболее значимой и универсальной причиной социального насилия»² и дает определение культуры: «культура – это набор условностей, соблюдая которые человек демонстрирует свою социальную лояльность»³. Неразделимость понятий культура и насилие Флиер рассматривает на примере истории Европейской культуры, эстетизирующей образ смерти и наслаждающейся смертью, что проявилось в большей степени в интересе средневекового европейца к публичным пыткам и казням, чем к высоким моральным ценностям и идеалам.

Такое частое явление современной культуры как культурный шок становится одним из основных приемов причастности человека к производству искусства. В своей статье К. Оберг «Культурный шок: приспособление к новым культурным условиям» (1960) дает определение культурного шока, как стрессового воздействия от чужой культуры. В реалиях современного культурного ландшафта термин культурный шок получил иную коннотацию как особый прием восприятия культурных феноменов и событий, акцентирующий внимание на несовпадении представлений человека о культуре с самой культурой. Обращение к культурному шоку в оценке произведений искусства связано с особыми эмоциями, которые человек может испытывать при восприятии любого произведения искусства: от самого низшего до самого высокого.

В бурном потоке современного развития неустойчивое в культурном плане положение человека во многом соотносится с представлениями о человеке как «машине желаний» или «теле без органов»⁴. В таком аспекте культура создает своего потребителя, доминируя над его желаниями и волей. Новая культура своей повторяемостью стремится «ворваться» в жизнь человека как устоявшаяся традиция, в которой человеку всегда отводится роль соавтора воспринимаемого им искусства. Таким образом, реципиентоказывается погружен в культурный процесс как самоорганизующуюся систему, в которой человеку достается роль транслятора культурных ценностей.

Приоритет психологических параметров в оценке искусства связан, в первую очередь, с преобладанием мистических настроений и отрицанием феномена смерти. Увлеченность современного человека иррациональными типажими выводит на поверхность мифологическую подоплеку современной психологии искусства. Стремление верить в реальность ирреального роднит современное искусство с манифестом классического романтизма, но в то же время, обращение к мистике

1 Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. – С. 8.

2 Флиер А.Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 20.

3 Флиер А.Я. Неизбежна ли культура? (о границах социальной полезности культуры) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 1 (46–47). С. 93.

4 Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — 672

связано не только со стремлением уйти от реальности, но и с отрицанием смерти как таковой. Мистический характер современной культуры и мифологическое осмысление реальности преумножают представление о смерти как необходимом феномене искусства. Как ведущий визуальный вид искусства кинематограф создает культурные типы эстетической, героической, безобразной и других смертей, демонстрируя человеку необходимость культуры перед запредельным.

Агрессия является важным свойством современной культуры, характеризующим ее изменчивость и динамику. Чем выше уровень агрессии, тем стремительнее развивается культура.

Одним из важных инструментов культурной агрессии является культурный стереотип, представляющий чужую (незнакомую) культуру как негативную и агрессивную. Культурный стереотип призван подчеркнуть слабые стороны культуры неизвестного и приумножить их, превращаясь в негативное представление неизвестного. Чужая культура воспринимается как враждебная, отвечающая потребностям современности и создающая традицию восприятия неизвестного. Можно сказать, что традиция восприятия начинает заменять собой собственно традицию, что также расширяет поле влияния культурной агрессии.

Агрессивная «чужая» культура способна быстро становиться «своей» культурой, что связано с изменением содержания традиции, причиной чего становится утрата понятия традиции как таковой. Если говорить о классическом понимании традиции с позиции культуры, можно согласиться с определением традиции, которое дают Запесоцкий А.С., Лукьянов В.: «традиция — это не просто сохранение и передача (трансляция) ценностей. Она предполагает продуктивный тип связи между культурами, когда старое переходит в новое и активно работает в нем»,¹ Таким образом, традиция предполагает такой способ преемственности, при котором важные элементы культуры прошлого конструируют настоящее и будущее, изменяя свою форму или содержание по принципу смещенной активности.

Благодаря агрессии современная культура создает версию традиции, которая начинает восприниматься массовым сознанием как реальная и разрушает старую систему ценностей. Ярким примером чего служит американский кинематограф, киногерои которого стали выходить далеко за рамки только кинореальности, переходя из фильма в фильм и создавая эффект своего присутствия в реальности. Тиражирование ремейков, сиквелов, приквелов приучили воспринимать героя зрителем не как самостоятельный законченный образ, а как развивающегося индивида, который изменяется вместе со зрителем. Показательным примером подобного служит Гарри Поттер, история жизни которого совпала с жизнью целого поколения.

Культурная агрессия разрушает привычный бытовой уклад, выводя на поверхность идеалы нового человека, который способен становиться художественным героем. Вера в реальность художественных образов связана с особенностями современного мифологического сознания, благодаря которому герой выдуманного мира становится способен заменить собой реального человека или, наоборот, человек начинает

¹ Запесоцкий А.С., Лукьянов В. Дмитрий Лихачев: о сущности культурной традиции // Вопросы культурологии. 2007. № 7. С. 4.

играть роль выдуманного (не существующего в современности) персонажа. Наиболее ярко это воплощается в косплеях и некоторых субкультурах (ролевики, реконструкторы и т.п.).

Под давлением культурной агрессии изменяется отношение к положительным и отрицательным персонажам. Зритель начинает больше симпатизировать антигероям, которые динамично развиваются и проявляют агрессию. Такие герои наносят существенный урон сложившейся культурной традиции с намерением создать новое. Чем герой более динамичен, тем больше он привлекает к себе внимание, так как реагирует на изменения мира и подмечает важные «краски» действительности. Культурная изменчивость отрицательных персонажей связана не с обесцениванием традиции, а с новыми условиями, в которых традиция меняется вместе с человеком, а не остается константой. Положительные герои более искусственны и идеализированы, а потому не отвечают потребностям «агрессивной культуры», так как не обладают «динамичными» ценностями, оставаясь статичными и сохраняя культурную целостность.

С помощью психологических приемов в культуре достигается эффект современности, когда именно психологические параметры определяют дальнейшее развитие культуры. Вместо эстетического вкуса, анализа культурных феноменов современному человеку предлагается оценивать мир с позиции личностных переживаний, стереотипов, приписываемых атрибуций, оценки брендов. Для подобной оценки искусства человеку не обязательно обладать какими-либо специальными знаниями, а достаточно руководствоваться эмпирическим опытом. Рецепиенту достаточно лишь выразить свое отношение к искусству, культуре, чтобы задать ей вектор для дальнейшего развития, и возвысить его (реципиента) до уровня креатора. Не случайно в американском кинематографе зачастую используют фокус-группы для изучения зрительского восприятия различных актеров, исполняющих одну и ту же роль; динамики развития сюжета и особенностей разворачивания интриги, чтобы зритель не оказался разочарованным; необходимости или ненужности отдельных сцен. Так, среднестатистический зритель чаще всего оценивает творческие новообразования и направляет культурное развитие, активно включаясь в процесс культурогенеза. С одной стороны, это делает обывателя причастным к созданию искусства, а с другой стороны, вместо присущей искусству уникальности, современность унифицирует искусство, делая его результатом активного коллективного творчества (реципиент принимает непосредственное участие в создании культурного продукта). Именно поэтому можно говорить о том, что в современном искусстве много предсказуемого, очевидного и банального, но эти параметры ведут к значительным изменениям в культуре.

Если изначально культура была связана с активным коллективным творчеством (мифология, фольклор), потом в своем развитии стала стремиться к индивидуальности (европейское искусство эпохи Возрождения – XIX в), то в конце XX - начале XXIV в. снова обращает взор на коллективное творчество как необходимое для развития культуры и создающее новую традицию, в которой человеку отводится активная

деятельность в создании произведений искусства. Именно поэтому современная культура стремится избегать авторитетов, а популярными становятся те персонажи, которые воплощают идеалы большинства. В этой связи обращают на себя внимание супергерои и герои комиксов, лишенные национальных черт и способные адаптироваться под любую аудиторию. Также большое значение отводится «героям-объектам» (гаджеты), ценность которых продиктована необходимостью для вхождения человека в современную культуру. Таким образом, можно заключить, что культурная агрессия направлена на раскрытие творческого потенциала человека, когда для культуры важнее становится не само искусство, а причастность человека к его созданию.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бабаева А.В., Шмелева Н.В. Homo bellii национальная безопасность: к вопросу о культурной агрессии // Вестник Мининского университета. 2016. № 1-2 (14).
2. Запесоцкий А.С., Лукьянов В. Дмитрий Лихачев: о сущности культурной традиции // Вопросы культурологии. 2007. № 7. С. 4–12.
3. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). - М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
4. Флиер А.Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1.
5. Флиер А.Я. Неизбежна ли культура? (о границах социальной полезности культуры) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. № 1 (46–47).
6. Фрейд З. Недовольство культурой. - Харьков: Фолио, 2013.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
8. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960, 7.

REFERENCES

1. Babayeva A.V., Shmeleva N.V. Homo belli and national safety: the question about cultural aggression [*Homo belli inacional'nayabezopasnost': k voprosu o kul'turnojagressii*] // Vestnik Mininskogo universiteta. 2016. № 1-2 (14).
2. Zapesockij A.S., Luk'yanov V. Dmitriy Lihachev: about the essence of the cultural tradition [*Dmitriy Lihachev: o sushchnostikul'turnojtradicii*] // Questions of culturology. 2007. № 7.
3. Lorenz K. On Aggression [*Agressiya (taknazyvayemoe "zlo")*]. - M.: Izdatel'skayagruppa "Progress", "Univers", 1994.
4. Flier A.Ya. The cultural foundations of violence [*Kul'turnyeosnovaniyanasiliya*] // Knowledge. Understanding. Skill. 2012. № 1.
5. Flier A.Ya. Is culture inevitable? (on the boundaries of the social utility of culture) [*Neizbezhnali kul'tura? (ogranichasocial'nojpoleznostikul'tury)*] // Personality. Culture. Society. 2009. Т. XI. № 1 (46–47).
6. Freud S. Civilization and Its Discontents [*Nedovol'stvokul'turoj*]. - Har'kov: Folio, 2013.
7. Foucault P.-M. The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years [*Volya k istine: potustoronuznaniya, vlasti-iseksual'nosti. Rabotyraznyh let*]. M.: Kastal', 1996.
8. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960, 7.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

SOCIOLOGY OF YOUTH

БУРЦЕВ

*Сергей Александрович
ассистент кафедры
гражданского и
арбитражного процесса
Института
права Самарского
государственного
экономического
университета
Самара, Россия
s.burtsev@mail.ru*

BURTSEV

*Sergey Aleksandrovich
Assistant of the Department of
civil and arbitration process
Samara State Law Institute
University of Economics
Samara, Russia*

s.burtsev@mail.ru

Лидерство в российской молодежной среде: структурные стимулы и ограничения/Leadership in the Russian youth environment: structural incentives and limitations

Аннотация

Российская молодежь дифференцирована по социально-структурным критериям, является социально неоднородной группой, что, как подчеркивается в статье, влияет на лидерство как механизм вертикальной социальной мобильности молодежи. В статье исследуются актуальные для становления и развития лидерства в российской молодежной среде социально-имущественные и социально-профессиональные различия молодежи, имеющие следствием «множественность лидерства», социальные парадоксы «кратоцентричности» и «социальной эксклюзии». В статье делается вывод о том, что структурные стимулы лидерства в молодежной среде определяются нейтрализацией «избыточных» социальных неравенств. Существующие барьеры на пути развития лидерства в молодежной среде характеризуются влиянием «сословных» и «пространственных» фильтров на формирование лидерского слоя российской молодежи.

Ключевые слова

Российская молодежь; социальная дифференциация; социальные неравенства; социальные противоречия; выравнивание шансов.

Abstract

Russian youth is differentiated according to socio-structural criteria, is a socially heterogeneous group, which, as emphasized in the article, affects leadership as a mechanism of vertical social mobility of young people. The article studies relevant to the formation and development of leadership

in youth socio-material and socio-professional differences of young people of the consequence of “plurality of leadership”, social paradoxes “of cyto-centrics” and “social exclusion”. The article concludes that the structural incentives for leadership among young people are determined by the neutralization of” excessive “ social inequalities. The existing barriers to the development of leadership among young people are characterized by the influence of “class” and “spatial” filters on the formation of the leadership layer of the Russian youth.

Keywords

Russian youth; social differentiation; social inequalities; social contradictions; equalization of chances.

Происходящие в российском обществе процессы социальной дифференциации не могли не затронуть молодое поколение. В целом, социальная дифференциация российской молодежи отражает сложившуюся в российском обществе социальную структуру. В то же время, есть особенности, выделяющие молодежь как социовозрастную и социокультурную группу. Российская молодежь, по своему социальному составу разделяется на высший слой (0,5-0,9% населения), имеющих в большей степени наследственный статус, связанный с богатейшими семьями России, с другой, вхождение молодежи в группу высококвалифицированных высокооплачиваемых управленцев, свидетельством тому является занятие людьми молодого возраста (25-35 лет) позиций в государственных и экономических корпорациях, банковских структурах.

Средние слои российской молодежи охватывает 20-30% молодых россиян и характеризуются достаточным уровнем потребления, обретением социально-имущественных параметров процветания (квартира, машина, поездки за границу), успешной профессиональной карьеры¹. В условиях наступившего кризиса и сокращения объема потребительского кредитования, угрозы потери мест и общей тенденции падения доходов населения, эта группа испытывает колебания, сохраняя при этом устойчивое ядро (20%), которые, несмотря на кризис, имеют высокий адаптивный потенциал и, хотя склонны к экономии, сокращению определенных расходов в сфере развлечений и досуга, тем не менее, свидетельствует о том, что в российской молодежной среде средний класс занимает устойчивые позиции, превышая другие возрастные группы в 1-1,5 раза.

Очевидно, что здесь используется, с одной стороны, ресурс современного образования, направленный на занятие новых рыночных ниш и завоевание новых секторов экономики и не случайно, что информационщики составляют более 60% российского среднего класса. С другой – можно говорить о ресурсе социального оптимизма, ресурсе молодости с возможностью строить долгосрочные планы, исходя из обращения к банковско-кредитным услугам меньшим учетом риска безработицы, болезней, свойственных старшим поколениям.

¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2016. С. 271.

Значительная группа российской молодежи (50%) примыкает к так называемому «андерклассу», который по показателям ориентирован на достижение позиций среднего класса и одновременно находится в зоне риска, подвержена колебаниям рыночной конъюнктуры, испытывает затруднения, связанные с кредитованием и потерей рабочего места. Можно говорить о том, что данная группа представляет собой неустойчивую переменную, испытывает негативное влияние кризисных явлений в экономике, так как ее социально-профессиональные ресурсы, связанные со сферой услуг недостаточны для быстрой переквалификации в современных условиях.¹

Принадлежа к поколению обладателей менеджерских и иных дипломов и концентрируясь в сфере обращения услуг, молодежных «андеркласс» испытывает неуверенность в будущем, строит краткосрочные планы и находится в определенной степени социальной расстроенности и фрустрации. Каждый четвертый молодой россиянин принадлежит к традиционным (базовым) слоям российского общества, работая в сфере промышленного производства, где наиболее ощутимы различия в доходах между работающими в нефтегазовой сфере и сфере транспортных услуг и занятых в машиностроительной, лесной и других сферах обрабатывающей промышленности. Данная группа молодежи характеризуется высокой степенью зависимости от уровня заработных плат и соотношения доходов в государственной и в частной сферах не оправдали ожиданий на то, что с становлением рыночного бизнеса будут закреплены социальные позиции молодежи, напротив, наблюдается отток молодежи от сферы экономической самостоятельности и рыночного сектора в связи с возрастанием высоких рисков безработицы, ограничением социальных и трудовых прав в контексте поиска стабильного заработка и стабильного места работы.

Особое место занимает учащаяся молодежь, которая составляет до 60% молодых россиян². Здесь следует учитывать, что в нынешних условиях, когда существует риск перепроизводства ненужных специалистов, особенно ощущается дифференциация между элитным и массовым образованием, неравномерностью шансов полученных дипломов с учетом изменения престижности и эффективности получаемых профессий. Ясно, что бум менеджеров, юристов и экономистов, наступивший в 90-е годы XX века сменился тенденцией нарастания престижа профессий инженера (прежде всего в информационной сфере), работников в сфере прикладных исследований, специалистов в области логистики и маркетинга.

Отмечая это обстоятельство, можно говорить о том, что система высшего российского образования пока не отвечает социальным ожиданиям молодежи и в условиях сохраняющейся дифференциации на элитное и массовое образование, доступ к получению качественных образовательных услуг, способных реализовать социальные ожидания молодежи затруднен. Констатируя этот факт можно говорить о том, что в молодежной среде сохраняется высокий уровень маргинализации

¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2016. С. 259.

² Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2016. С. 271.

(только 17,9% выпускников средней школы не намерены повышать образовательный уровень).¹

Как отмечает О.И. Шкаратан, России присущ тот же технологический порядок, который объединяет все существующие в современном мире цивилизации, он порождает профессионально-квалификационное разделение труда, выраженное в системе профессиональных занятий. Последнее имеет два аспекта, собственно, технико-технологический и социально-экономический. В молодежной среде проявляются как технологические тенденции, связанные с овладением современными технологиями, особенно информационными, так и социально-профессиональная стратификация.² Поэтому описание социальной дифференциации подразумевает социальные различия, связанные как с социальным неравенством, так и не имеющие к нему отношения. Важный исследовательский момент состоит в том, что лидерство в российской молодежной среде не закрепилось в качестве профессионального занятия, воспроизводство профессиональных и общественных активистов имеет границы в узкой группе молодежи, относящейся к лидерству по социально статусным признакам.

В то же время следует отметить, что социальная дифференциация порождает эффект социального неравенства, многократно увеличивающий опасность дистанции лидеров от основной массы молодежи. Лидерство в таком контексте может восприниматься как профессиональное политиканство, часто не имеющее отношения к интересам и нуждам молодежи. Отсюда, можно говорить о том, что лидерство как инструмент вертикальной социальной мобильности молодежи ослабляется воздействием избыточных неравенств и принимает дестабилизирующий характер при влиянии социальных различий, не имеющих отношения к социальному неравенству.

Обосновывая эту мысль можно говорить о том, что в российской молодежной среде возникла ситуация, в которой наиболее позитивный тренд наблюдается в средних слоях российской молодежи, демонстрирующей тенденцию к гражданской идентичности. В то же время, не следует забывать о том, что наблюдаются попытки политизировать молодежные движения, манипулировать ожиданиями и стремлениями молодежи для реализации узкогрупповых политических интересов. Отмечая этот момент, можно говорить о том, что по влиянию социальной дифференциации лидерство в российской молодежной среде характеризуется тем, что высший стратор российской молодежи выстраивает собственный социальный мир, в котором отсутствуют претензии на массовое социальное лидерство и лидерство носит клубный характер, средние группы российской молодежи, несмотря на признаки протогражданства, слабо консолидированы вокруг идеи гражданского лидерства.

Очевидно, здесь следует также отметить, что специфика «молодежного» среднего класса состоит в том, что демонстрируется высокий уровень лидерской апатии и приверженность партикуляристским интересам. Также следует отметить, что

¹ Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСП и М, 2015. С. 24.

² Шкаратан О.И. Социология неравенств: теория и реальность М., 2012. С. 72.

ядро среднего класса российской молодежи не является группой социального опережения, не сформировало ясную социальную позицию. Безусловно, на такой подход влияет то, что средняя группа ориентирована на потребительские интересы, которые снижают потребность в общественном лидерстве и разделяют приоритеты частной сферы.

Нельзя безоговорочно утверждать о поколении молодых прагматиков и индивидуалистов, но не отсутствуют претензии на группу субститут, делегирующей представительство и интересы всей российской молодежи. Объяснительная схема связана с тем, что в условиях закрепления в массовом сознании общенационального лидерства, основания для градации лидерства на групповом, региональном и локальном уровнях теряются. Говоря об этом следует подчеркнуть, что лидерство в средней группе, как правило, ассоциируется с «карьеристами», согласно М.К. Горшкову и Ф.Э.Шереги, представляющим 15-18% российской молодежи¹.

Говоря о том, что на молодежь влияют социальные противоречия российского общества, противоречия между бедными и богатыми, проецируется, по мнению авторов, на противоречия между властью и народом. Характерно, что, фиксируя высокий процент противоречий между богатыми и бедными (66%), нельзя с уверенностью утверждать, что в условиях социальной дифференциации российской молодежной среде сформировался запрос на лидера, который бы отстаивал идеи социальной справедливости.

Безусловно, здесь, с одной стороны, сказывается влияние этатистского комплекса российской молодежи, с другой – молодежь из средних слоев общества сосредоточена на индивидуальных интересах и проявляет общественную активность в том смысле, если речь идет о сужении частной сферы или возрастании социальной неуверенности. Это не однопорядковые явления, но характерно, что, как показывают результаты социологических исследований, наличие масштабного социального дискомфорта не переходит в социально-протестное качество, поскольку связано с тем, что молодые россияне, как и старшее поколение, считают, что восстановление социальной справедливости является обязанностью российской власти

Также следует учитывать и то обстоятельство, что, несмотря на вхождение средних слоев молодежи в российский средний класс, уровень социальной эмпатии, готовности к поддержке неимущих и обездоленных слоев молодежи достаточно низок. Можно говорить о формировании самостоятельных концентрических кругов молодого поколения, замыкающегося на партикуляристских интересах. Противоречия между бедными и богатыми констатируются, как социальный факт, не предусматривающий индивидуального или группового социального протеста. Очевидно также и то, что укрепление позиций лидерства, как инструмента вертикальной социальной мобильности молодежи, связано с выработкой консолидационной платформы, предусматривающей сочетание эффективной молодежной политики и самостоятельности молодежи.

За этим общим подходом скрывается позиция ликвидации

1 Молодежь России: социологический портрет. - М.: ЦСПиМ, 2010. С. 135.

социальных разрывов в молодежной среде путем выравнивания шансов в образовательной и профессиональной сферах. Очевидно, что внутрироссийская территориальная мобильность российской молодежи, фиксируя приток в крупные города из сельской местности и моноиндустриальных центров фиксирует рост напряженности на рынке труда и снижение уверенности в будущем. Также очевидно, что в такой ситуации институт лидерства как механизм вертикальной социальной мобильности нуждается в том, чтобы дифференцироваться в соответствии с социальными интересами различных групп молодежи.

Социальные различия, которые не имеют характера социального неравенства, определяются социально-профессиональным статусом и нормами социального общения. В рамках морфогенеза структуры и действий можно говорить о том, что молодежная среда представляет собой множественность сегментов, не достигших состояния согласования общих социальных интересов и целей. Подтверждением тому служит тот факт, что «бедная» российская молодежь практически не вовлечена в сферу социальной активности и лидерство в молодежной среде, связанное с социальными проектами, в основном, направлено на поощрение социальной активности, социального творчества, социальной инициативы молодежи, что имеет полезный эффект для облегчения каналов восходящей социальной мобильности для талантливой молодежи из «низов», но не повышает статус лидерства как механизма вертикальной социальной мобильности в глазах остальной молодежи.

Короче говоря, лидерство в российской молодежной среде воспринимается как механизм вертикальной социальной мобильности для некоторой части молодежи, обладающей или интеллектуальным капиталом, или карьеристскими устремлениями. Отсюда, в молодежной среде действует тенденция профессионализации лидерства, как механизма вертикальной социальной мобильности, так и перевода лидерства в разряд частной социальной инициативы, осуществляемой при поддержке социальных и властных институтов для молодежи из низших слоев общества. Эффект от этих начинаний имеет полезный социальный резонанс, так как позволяет выйти из тени молодежи российской провинции и малообеспеченных слоев населения. Вместе с тем, нельзя ожидать масштабных результатов.

О.И. Шкаратан отмечает, что в российском обществе классовые параметры переплетаются с сословно-слоевыми¹. В этом смысле можно согласиться с тем, что социальным барьером может стать обретение лидерством сословного характера, закрепление за лидерством фильтров, предусматривающих селекцию молодежи по признакам, подходящим для деятельности профессиональных активистов. В этом нет необычного, так как лидерство является следствием целенаправленного воздействия и воспитания социальных и властных институтов. Однако, учитывая резкую социально-территориальную дифференциацию в российской молодежной среде есть опасность перевода лидерства по столичным – нестоличным признакам, необходимо учитывать также тот факт, что согласно исследованиям Н.Е. Тихоновой, есть преобладание в качестве оценок социального статуса

¹ Шкаратан О.И. Социология неравенств: теория и реальность М., 2012. С. 359.

образа жизни, уровня материальной обеспеченности и уважения окружающих¹.

Определенный барьерный момент состоит в том, что при видимом равенстве уважения окружающих, уровня образования, как способствующим закреплению статуса в контексте лидерства стремление к нематериальной восходящей стабильности, привязка к лидерству как позиции, обеспечивающей доступ к властным и экономическим ресурсам может создать нездоровую конкурентную среду. Важным моментом является отношение к лидерству как структуре, способствующей социальной консолидации общества и не увеличивающей разрыв верхушки общества от основной массы населения.

Для российской молодежной среды, в силу сложившейся социальной мозаики и отсутствия консолидирующих центров лидерства на общенациональном уровне, проявляется тенденция формирования лидерства как центров образ жизни молодежи, конструирования ее партикуляристских социальных идентичностей. Н.Е. Тихонова отмечает, что на попадание человека на те, или иные статусные позиции его происхождение влияет уже в большей степени, чем его собственные усилия. В этом плане можно говорить не только о закрытии в России лифта социальной мобильности, по сравнению с ситуацией 1990-х годов, но и о том, что российское общество гораздо дальше от меритократического идеала, чем это было «на излете» эпохи Ельцина².

Таким образом, ориентация молодежи на лидерство зависит от того, в какой степени лидерство может оправдывать надежды молодежи на расширение каналов восходящей социальной мобильности при падении влияния образовательных и профессиональных каналов лидерство обретает характер стартовой площадки, дающей, при наличии лидерских черт в образовании и профессии, возможность для социального продвижения. В нынешнее время закончилась эпоха стремительных социальных карьер и в этом смысле большей реальностью обладает стремление повышения социально-статусных позиций молодежи через подтягивание малообеспеченной молодежи к средним слоям молодежи, что является императивом государственной молодежной политики. Лидерство, в этом смысле, связано с многообразными социальными проектами, поощряющими молодежную инициативу в экономической и социально-экономической сферах.

Исследования российских социологов показывают, что социальными барьерами на пути реализации отмеченных позитивных тенденций является то, что проявляется риск бюрократизации молодежного лидерства, включенности механизмов сращенности властного и экономического капиталов, сословно-слоевого разделения и вторым существенным барьером можно охарактеризовать неразвитость структуры лидерства на уровне малообеспеченной молодежи, которая является одним из массовых слоев молодежи, но

1 Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. — М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. С. 78-79.

2 Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. — М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. С. 73.

не проявляет социальной и гражданской активности.

Согласно исследованиям ВЦИОМ (2018) молодые россияне полагают, что по степени сложности легко добиться успеха в спорте (44%), в сфере творческих профессий (40%), бизнеса (14%), политике (13%).¹ Это важный момент для понимания того, что лидерство, как инструмент восходящей социальной мобильности молодежи, может стимулировать вертикальную социальную мобильность как механизм расширения возможностей самореализации молодежи в тех сферах, которые представляются ей наиболее привлекательными и комфортными. В этом смысловом контексте лидерство понимается не как исключительность, а как формирования необходимых качеств для повышения самоутверждения и самооценки молодого человека.

Учитывая, что в России на оценку своей жизни влияет не столько уровень доходов, сколько субъективная удовлетворенность человека своим материальным положением, тем образом жизни, который ему кажется минимально приемлемым, с лидерством связывается формирование социального позитива и, таким образом, для смягчения избыточных социальных неравенств в молодежной среде, как социального барьера на пути восходящей социальной мобильности, лидерство становится механизмом выравнивания возможностей на основе повышения символического капитала через профессиональный статус и образ жизни.

Другой стороной оценки лидерства, как механизма восходящей социальной мобильности молодежи, становится создание расширения каналов социальной селекции лидерства, содержащем преимущество по сравнению с отбором по традиционным социально-статусным параметрам. В первую очередь следует отметить, что молодежи в современной России свойственна более оптимистическая оценка своей жизни (49% тех, кто не старше 24 лет, оценивают свою жизнь как хорошую)². Таким образом, сокращается социальная нагрузка на лидерство как механизм достижения социальной справедливости молодежи, перевода ее в открытое протестное состояние.

Лидерство в молодежной среде воспринимается в большей степени как механизм поддержания социального оптимизма молодежи, усиливает восприятие жизни, как хорошей, через формулу «реализовать себя как лидер» в зависимости от избранных профессиональных позиций. Проблема удовлетворенности жизнью актуализирует вопрос о социальной справедливости как равенстве возможностей. О том, чтобы в дифференцированной молодежной среде действовали механизмы лидерства, нацеленные на достижение молодежью приемлемого образа жизни.

Речь, таким образом, идет о достраивании и повышении социального статуса путем увеличения символического ресурса, вовлечении молодежи и малообеспеченных слоев и повышение интереса к лидерству молодежи из средних слоев, через понимание лидерства как канала для расширения социальной и профессиональной мобильности через поддержание позитивного социального самочувствия путем выстраивания молодежи как группы с традицией

¹ Московский Комсомолец. 12-19 сентября 2018г.

² Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2016. С. 54.

лидерства по сравнению с другими возрастными поколениями.

Очевидно, что лидерство в российской молодежной среде как инструмент повышения вертикальной социальной мобильности в условиях социальной дифференциации призван смягчить социальные барьеры и стимулировать социальные различия, направленные на социальную мобилизацию молодежи, формирование приемлемых групповых стандартов социального самочувствия. В результате происходит изменение социальной структуры, повышается объем возможностей действий для молодежи. Если говорить об упадке восходящей социальной мобильности через социально-экономическую и образовательную сферы, нарастание интенсивности лидерства в формировании общих целей и интересов молодежи, закрепление ее приоритетных социальных стратегий является резонансным, оказывает влияние на формирование в молодежной среде солидарных сообществ, то, что И.А. Климов характеризует как системные продукты, чьи действия определяются системой непосредственных контактов и рядом структурных детерминант¹. Лидерство становится сферой роста новых социальных коммуникаций, расширения совместных проблемных сфер, в которых взаимодействует молодежь из различных слоев общества. Несмотря на социальную дифференцированность российской молодежной среды, открытым остается вопрос о том, чего молодежь ожидает от общества.

В условиях новых внутренних вызовов сокращение вертикальной социальной мобильности в образовательной и социально-экономической сферах, актуальным для молодежи является не только влияние на противодействие сословным механизмам формирования общества через возвращение авторитета образования и профессии. Очевидно и то, что в российской молодежной среде вызывающими поддержку общества является включение в статусные параметры социально-экологических и гендерных показателей. Лидерство в молодежной среде является той сферой, которая, не имея барьеров в виде социальной инерционности и бюрократизма, способна вывести общество на осознание проблем, связанных и с молодежью, и имеющих универсальный смысл для большинства социально и экономически активных россиян.

Структурными основаниями в росте лидерства как механизма вертикальной социальной мобильности является, во-первых, формирование социально-профессиональных групп, заинтересованных в лидерстве как ресурсе вертикальной социальной мобильности (прежде всего в сфере оказания услуг и научно-прикладной сферах). Дело в том, что российское общество отстает по иерархии профессий от зарубежных сообществ, где меняется модель профессий, связанных с обслуживанием стариков (профессиональная геронтология), биотехнологией, управления качеством. В этом контексте в российской молодежной среде просматривается недостаточность усилий по формированию новых социально-профессиональных позиций.

Однако, была исчерпана модель юристов и менеджеров в конце 90-х годов XX века, можно говорить о том, что в краткосрочный период

¹ Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 31.

выявиться ограниченность сферы обращения, что актуализируется запрос на формирование новых социальных стратегий молодежи, связанных с профессиями в инновационных сегментах российской экономики и, главное, осознанием того, что схемы потребительского успеха, как доминирующие в настроениях молодежи среднего класса нуждаются в изменении, в том, чтобы перейти к социальной и инвестиционной схеме, к образованию на всю жизнь, на необходимую смену профессии, рода занятий и места жительства.

В условиях социально-демографической диспропорциональности российского общества для молодых россиян важной становится роль института лидерства как инструмента восходящей социальной мобильности в освоении перспективных территорий, привлечении молодежи к участию в проекте развития Дальнего Востока и Сибири. Нынешняя неблагоприятная тенденция оттока населения показывает то, что, не повторяя опыт советского комсомола, можно говорить о стимулировании через лидерство, через создание образа пионеров, патриотов России и стремлению к переезду в восточные территории как пространство новых возможностей молодежи, особенно, что касается молодежи из моногородов, утративших возможности расширения локального рынка трудоустройства молодежи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2016.
2. Молодежь России: социологический портрет. - М.: ЦСПИМ, 2010.
3. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. – М.: ЦСП и М, 2015.
4. Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001.
5. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. — М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014.
6. Шкаратан О.И. Социология неравенств: теория и реальность М., 2012.

REFERENCES

1. Gorshkov M. K. Russian society as it is (experience of sociological diagnostics): in 2 vol. M. [*Rossiiskoeobshchestvokak ono est' (opytsociologicheskoydiagnostiki): v 2 t. T. 2. M.]* : New chronograph, 2016.
2. Youth of Russia: sociological portrait. [*Molodezh' Rossii: sociologicheskiyportret.*]- M.: CSEM, 2010.
3. New meanings in educational strategies of young people: 50 years of research [monograph]. [*Novyesmysly v obrazovatel'nyhstrategiyah-molodezhi: 50 let issledovaniya [monografiya]*]D. L. Konstantinovskiy, M. A. Abramova, E. D. Voznesenskaya, G. S. Goncharova, V. G. Kostyuk, S. Popova, G. A. Cherednichenko. - Moscow: TSSP and M, 2015.
4. Russia: transforming society [*Rossiya: transformiruyushcheesyaobshchestvo*] / edited by V. A. Yadov. M.: IZDATEL'stvo "KANON-

press-TS", 2001.

5. Tikhonova N. E. Social structure of Russia: theory and reality [*Social'naya struktura Rossii: teoriya i real'nost'*] / N. E. Tikhonova. — New chronograph, M.: In-t sotsiologii ran, 2014.

6. Shkaratan O. I. Sociology of inequality: theory and reality, M. [*Sociologiya neravenstv: teoriya i real'nost' M.*], 2012.

НАЗАРОВА
Регина Константиновна
аспирант кафедры
«Политология, история
социальные технологии»,
РУТ (МИИТ)
regina-nazarova@rambler.ru

NAZAROVA
Regina Konstantinovna
Postgraduate Student, Depart-
ment of Political Science, His-
tory and Social Technologies,
RUT (MIIT)
regina-nazarova@rambler.ru

**Особенности управления процессом
формирования локального патриотизма у студентов
посредством физической культуры и спорта/
Management features of local patriotism formation
among students through physical education and sport**

Аннотация

Статья посвящена развитию гражданско-патриотического воспитания современной молодёжи. Дается определение понятию «локальный патриотизм» и его основным аспектам. Физическая культура и спорт рассматриваются в контексте одного из направлений развития «локального патриотизма» в высших учебных заведениях.

Ключевые слова

Молодежь; патриотизм; патриотическое воспитание; физическая культура; спорт.

Abstract

The article is devoted to development of the modern civil patriotic education of youth. Definition of the "local patriotism " is given in its main aspects. Physical education and sport are considered in the context as one of the direction of local patriotism in Higher education.

Keywords

Youth; patriotism; patriotic education; physical education; sport.

Современная Россия переживает непростой исторический период, преодолевая негативные последствия распада СССР, исправляя просчеты, допущенные во времена «радикальных либеральных реформ» 1990-х годов, Имея в этот современный исторический период изменения, обращает на себя внимание тот факт, что были невосполнимо утрачены многие отличительные черты российской цивилизации, прежде всего духовности. Особый драматизм придает динамично развивающаяся информационная сфера международного влияния, участвовавшие случаи применения «двойных стандартов».

В условиях, когда цена возможных ошибок возрастает, особую важность приобретает процесс выработки ориентиров поступательного развития страны, формирования повестки дня с популяризацией

собственных национальных интересов. Это возможно только лишь с определением системы ценностей, осознания базовых потребностей и формулировки четкой стратегии их реализации. Мировой и отечественный опыт показывает, что такими ориентирами, исходя из ценностно-потребностных характеристик социума, как раз выступает социально-гражданское и патриотическое воспитание молодёжи, формируемое через духовно-нравственное просвещение, либо через причастность их к проектам, реализуемым национальных интересов на федеральном, либо региональном уровнях.

В настоящее время, в Российской Федерации, анализируя данные Роскомстата, численность молодёжи в возрасте от 18 до 24 лет ориентировочно составляет 7200 человек, из которых студентов, обучающихся по программе высшего профессионального образования, около 5600 человек, что составляет порядка 76%.

Приведенные статистические данные призваны подчеркнуть, что проблематика вопроса, связанная с патриотическим воспитанием, должна быть сосредоточена именно на этой целевой аудитории.

Проблема патриотического воспитания молодёжи в современной России является наиболее острой, т.к., существовавшая в советском времени система разрушена, а новая формирующаяся находится в стадии обсуждения и становления.

Патриотизм, развитию которого прикладывали много усилий, постепенно превратился из необходимого элемента воспитания подрастающих поколений во что-то несовременное. К развитию патриотизма стали относиться формально, тем самым отбивая остатки желания быть патриотами, вызывая сомнение в целесообразности данного личностного качества, соответственно, не усвоив ценность патриотизма и коллективизма, молодое поколение формировалось на ценностях крайнего индивидуализма и эгоизма, с полным отсутствием какой-либо идеологии и системы нравственных ценностей. Поскольку образовался вакуум, он быстро заполнился технологиями разрушения самосознания, социокультурной амбивалентности.

Актуальность темы гражданско-патриотического воспитания неоднократно подчёркивалась в выступлениях и обращениях Президента РФ В.В. Путина и реализуется в рамках Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016-2020 гг.». В одном из посланий Президента Федеральному Собранию говорится: «Быть патриотом значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории, хотя, безусловно, это очень важно, а прежде всего, служить обществу и стране. Как говорил Солженицын, «Патриотизм - чувство органическое, естественное. И как не может сохраниться общество, где не усвоена ответственность гражданская, так и не существовать стране, особенно многонациональной, где потеряна ответственность общегосударственная»¹.

Из всего многообразного толкования определения «патриотизм» обратим внимание на его трактовку в словаре С. Ожегова, в котором выделено, что это не только любовь к своей отчизне, но и старание сделать что-то для её блага. В последнем отражена деятельная сторона «патриотизма», которая, по нашему мнению, является

¹ См: Ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ//<http://consultant.ru/document>

определяющей¹.

Обратим внимание, что, рассматривая виды патриотизма, исследователи данного вопроса, наряду с другими, выделяют «локальный патриотизм», который определяется как любовь к малой Родине (населённому пункту, городу, в котором человек вырос, определённой местности) и связью с продолжительностью пребывания в них человека².

В этом определении нет указаний на то, что малой Родиной можно считать и то учебное заведение, где продолжительность обучения молодых людей составляет от 4 до 8 лет.

Одной из задач данных учебных заведений является гражданско-патриотическое воспитание, в том числе и на базе формирования «локального патриотизма» в отношении того учебного заведения, в котором студент обучается. Ведь «локальный патриотизм» является важнейшим ресурсом консолидации социума и генезиса различных форм человеческого сообщества.

Образовательными учреждениями высшего профессионального образования данная работа ведётся в форме передачи сведений об истории создания вуза, преподавателях, научных сотрудников и студентов, внёсших особый вклад в разработку научных концепций и технологий; проводятся встречи с ветеранами, волонтерская работа и мн.др. Сведения, связанные с патриотическим воспитанием, присутствуют в целом ряде преподаваемых предметов. Учитывая, что патриотическое воспитание многообразно и включает в себя следующие аспекты:

- коллективный (познавательный) – формирующий представление о том в каких формах выражаются патриотические чувства;
- ценностно-мировоззренческий – как оценка системы взглядов и идей, существующих в обществе и использование патриотизма, как опоры в развитии социума;
- мотивационно-целевой – предполагающий учёт состояния развития патриотизма и возможности проявления его в социуме;
- патриотически деятельностный – готовность личности к совершению действий, имеющих патриотическое измерение.³

Все выделенные аспекты патриотизма должны присутствовать и при формировании «локального патриотизма», который является одной из базовых основ общенационального.

Для молодого человека учебное заведение должно откладываться в сознании, как некая его идентификация с ним, самоотжественность.

Не беря под сомнение использование различных форм фор-

1 См: Внутригородская самоорганизация общества на примере США, России и стран Европейского союза// <http://georg.msn.ru>

2 См: Теоретические и методические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально-ориентированного поведения// http://soc_economy-psychology.ru

3 См: Теоретические и методические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально-ориентированного поведения// http://soc_economy-psychology.ru

мирования «локального патриотизма» в вузе, стоит отметить, что неоченимым, в этой связи, остаётся предмет «Физическая культура и спорт».

В первом случае, предмет «Физическая культура» направлен на развитие физических качеств, навыков, которые обеспечивают не только предстоящую деятельность, здоровый образ жизни, но и возможность их использования в военном деле.

Во втором случае, когда рассматривается такая категория, как студенческий спорт, он может формировать чувства патриотической гордости за успехи спортивных команд учебного заведения на региональных, а в ряде случаев, и на международных соревнованиях.

Знакомясь с организацией студенческих спортивных мероприятий в Европе и США, можно отметить присутствие на трибунах большого количества болельщиков из числа студентов в специальной форме и атрибутикой с логотипом соответствующего учебного заведения.

Обратившись к организациям спортивных соревнований в России, лишь в отдельных случаях, при проведении финальной части баскетбольных турниров можно отметить присутствие от 100 до 300 болельщиков на трибунах. Отметим, что Ассоциацией студенческого баскетбола поставлена задача увеличения числа зрителей до 300-400 человек.

В процессе воспитания «локального патриотизма», студентов следует рассматривать не как объектов, а как субъектов, обеспечивающих деятельное участие во всех актах, способных формировать «локальный патриотизм» и их гражданскую позицию, в том числе и студенческий спорт. В поддержке спортивных команд вуза могут участвовать студенты с различной степенью допуска по медицинским показаниям к занятиям физической культурой.

Студенческое спортивное событие – то, что может объединять не только студентов, но и преподавателей и сотрудников. Учебное заведение, в котором учится студент, должно вызывать у него особые чувства, а спортивные достижения должны найти в них своё отражение. Со стороны патриотическо-деятельностного аспекта, «локальный патриотизм» – готовность личности переживать за результат команды, имеет степень измерения, что означает частоту посещения студенческих спортивных мероприятий и активное участие в этом процессе. Со стороны эмоционального аспекта – это гордость за своё учебное заведение.

Данная составляющая «локального патриотизма» должна направляться и управляться. Объектами управления при решении данной задачи должны являться, как исполнительный структуры вуза, так и общественные организации. Такие как:

- ректорат;
- управление по молодёжной политике;
- кафедра физического воспитания;
- спортивный клуб;
- студенческий совет;
- общественное спортивное объединение студентов-болельщиков;
- менеджмент сборных команд учебного заведения.

Условиями для поддержки и роста данного направления работы в вузе являются:

1. Анализ спортивных традиций учебного заведения и выбор 1-2 видов спорта, которые являлись бы основными для организации этой работы.

2. Проведение мастер-классов с участием приглашённых спортсменов и студентов.

3. Формирование имиджа команды и спортсменов.

4. Создание клуба болельщиков и условий, при которых они смогли бы обмениваться опытом, мнением и переживаниями.

5. Работа с социальными сетями – общение между болельщиками, тренерским составом и спортсменами.

В соответствии с предлагаемым, каждое звено управления выполняет свойственные её статусу функции, а весь процесс и результат работы может контролироваться, созданным для реализации проекта, Спортивным советом учебного заведения.

Решение задачи формирования «локального патриотизма» у студентов, в формате создания корпуса болельщиков, отличается тем, что субъекты процесса формируются из числа тех, кто ранее ими не являлись и получают необходимый объём информации вместе с открытием дверей учебного заведения.

Следует выбирать в качестве видов спорта такие, которые не только связаны с традициями учебного заведения, но и с возможностями организовывать соревнования на спортивных площадках вуза с периодичностью не реже $\frac{1}{2}$ раз в месяц с целью поддержания постоянного интереса, как к тренировочному процессу, так и к соревнованиям.

Увеличение числа болельщиков является количественной оценкой работы по реализации проекта формирования «локального патриотизма» посредством физической культуры и спорта.

В связи с особой важностью патриотического воспитания студентов, вопрос о формировании «локального патриотизма» посредством физической культуры и спорта, является актуальным, учитывая, что координаторами данной программы являются Министерство спорта и Министерство образования и науки РФ.

Постановка данного вопроса и решение задачи предполагает, что в задачи кафедр физического воспитания и спортивного клуба должно стать одним из приоритетных направлений развития – увеличение числа болельщиков спортивных клубов.

На основании всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ литературы, посвящённой вопросам патриотического воспитания молодёжи, позволяет предположить, что при решении данного вопроса недооценивается роль физической культуры и спорта на уровнях воспитания «локального патриотизма» в стенах высшего образовательного учреждения.

2. Главным направляющим звеном управления в вузе при реализации проекта воспитания «локального патриотизма» посредством физической культуры и спорта, должен являться Спортивный совет, находящийся под контролем ректората.

3. Частота спортивных событий и формирования интереса к ним со стороны студентов позволяет обеспечить воспитание «локального патриотизма» за счёт идентификации студентов с командой, толерантности, увеличения числа коммуникаций, формирования чувства гордости.

Библиография

1. Давыдов Ю.А.// Специфика патриотического воспитания в условиях информационных войн. – М: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016 г.

2. Итоговые доклады в Правительство РФ о выполнении государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011- 2015 годы» // URL: <http://dospatriotprogramma.ru>

3. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации //URL: <http://dospatriotprogramma.ru>

4. Лебедев А.Н., Гордянова О.В.// Теоретические и методические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально-ориентированного поведения, 2016 г.// URL:http://soc_econom-psychology.ru

REFERENCES

1. Davydov Yu.A. // Specificity of patriotic education in the conditions of information wars [*Specifika patrioticheskogo vospitaniya v usloviyah informacionnyh vojn*] - M: REU them. G.V. Plekhanov, 2016

2. Final reports to the Government of the Russian Federation on the implementation of the state program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2011-2015”[*Itogovye doklady v Pravitel'stvo RF o vypolnenii gosudarstvennoj programmy «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan nRossijskoj Federacii na 2011- 2015 gody»*]/ URL: <http://dospatriotprogramma.ru>

3. The concept of patriotic education of citizens of the Russian Federation [*Koncepciya patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossijsko jFederacii*] // URL: <http://dospatriotprogramma.ru>

4. Lebedev AN, Gordyanova OV. // Theoretical and methodological issues of studying patriotism as a social feeling and socially-oriented behavior, 2016.[*Teoreticheskieimethodicheskievoprosyizucheniyapatriotizmakak-social'nogochuvstvaisocial'no-orientirovannogopovedeniya*, 2016]// URL: http://soc_econom-psychology.ru

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

PROBLEMS OF MODERN PROCESSES

КРАСИНА

Яна Сергеевна

аспирант института

социологии РАН, Москва,

Россия

info@журналпоиск.рф

KRASINA

Jana Sergeevna

Postgraduate student of the

Institute of Sociology RAS,

Moscow, Russia

info@журналпоиск.рф

Факторы успешной социокультурной адаптации иммигрантов: зарубежный опыт/ Factors of successful socio-cultural adaptation of immigrants: foreign experience

Аннотация

На основе зарубежного опыта рассматриваются факторы социальной и культурной адаптации иммигрантов. Показана роль интеграционной политики, как главного фактора, который определяет социальные эффекты адаптации и интеграции в масштабах всего общества. Проанализирован современный миграционный кризис в Европейском Союзе.

Ключевые слова

Зарубежный опыт; иммигранты; адаптация; миграционный кризис; культура.

Abstract

On the basis of foreign experience the factors of social and cultural adaptation of immigrants are considered. The role of integration policy as the main factor that determines the social effects of adaptation and integration across society is shown. The modern migration crisis in the European Union is analyzed.

Keywords

Foreign experience; immigrants; adaptation; migration crisis; culture.

Успешная адаптация мигрантов – задача, имеющая все возрастающую значимость для большинства современных стран, в том числе России. Поскольку общемировые миграционные тенденции характеризуются усилением миграционных потоков и усложнением миграционной ситуации, особую роль начинает играть интеграционная политика. Интеграционная политика, реализуемая в ряде развитых стран, направлена на эффективную интеграцию больших групп иммигрантов, как экономическую, так и социокультурную. Чтобы выявить конкретные механизмы интеграционной политики, влияющие

не только на экономическую, но и на социокультурную адаптацию, мы проанализировали современный опыт ряда стран, прежде всего, европейских. На основе ряда научных и официальных публикаций можно выявить некоторые направления современной интеграционной политики, влияющие на социальную и культурную интеграцию разных групп мигрантов, обладающих разными типологическими характеристиками, и возникающие при этом проблемы.

Исключительный интерес в этой связи представляет опыт европейских стран, которые представляют широкую палитру разнообразных адаптационных контекстов и являются своего рода «полигоном» для испытания различных сценариев и политик интеграции. В течение многих десятилетий Западная Европа реализовывала политику, основанную на концепции мультикультурализма, то есть, идее сохранения культурной идентичности мигрантов, а интеграционные меры носили достаточно адресный характер и были направлены, прежде всего, на их социально-экономическую интеграцию и политическое участие. Однако начиная с середины первого десятилетия XX века, и особенно в последние годы, на фоне современного миграционного кризиса и резкого усиления мало контролируемого притока новых мигрантов, включая большое число беженцев и нелегалов, заставило европейские страны кардинально пересмотреть свое отношение к интеграционной политике¹.

Главной тенденцией нового этапа интеграционной политики стало усиление международной координации и поиск общих подходов, выходящих за границы национальных моделей¹. Этот процесс, отражая ход европейской интеграции в рамках ЕС, к середине второго десятилетия выразился в формировании концепции «общего течения» (mainstreaming), суть которого заключается в необходимости выработки трансграничной, многоуровневой, кросс-секторальной политики, задающей общие принципы и подходы, в которые встраиваются различные акторы в странах ЕС². Необходимость нового подхода связана как с резким количественным ростом числа мигрантов, так и с новым «суперразнообразием» их этнонациональной принадлежности и социально-типологическим характеристикам. Это соответствует сделанному нами выводу об исключительной значимости разнообразия конфигураций состава иммигрантов и адаптационных ситуаций современных мигрантов.

В новых условиях, на смену точечным и целенаправленным программам интеграции конкретных групп мигрантов приходят общие, более ассимиляционистские подходы. Одним из проявлений нового подхода стало принятие в 2016 г. Европейской Комиссией Плана действий по содействию интеграции представителей третьих стран³, основанному на принятых ранее, в 2004 г., Общих базовых принципах политики интеграции иммигрантов.

Принятие плана стало очередным шагом в попытке решить

1 The Multiculturalism Backlash: European discourses, policies and practices / Ed. by S. Vertovec and S. Wessendorf. – London; New York: Routledge, 2010.

2 Joppke C. Beyond national models: Civic integration policies for immigrants in Western Europe // West European Politics. – 2007. – Vol.30. – P.1-22.

3 Mainstreaming Integration Governance: New Trends in Migrant Integration Policies in Europe / Ed. by P. Scholten, I. van Breugel. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018.

проблему недостаточной интеграции мигрантов из третьих стран (не входящих в ЕС). Как показывает официальная статистика, большинство показателей интеграции, используемых ОЭСР и ЕК, свидетельствуют о сохранении разрыва между мигрантами и местными жителями. По данным Евростата и ОЭСР, мигранты из третьих стран характеризуются более высоким риском бедности, меньшим уровнем доходов, худшими жилищными условиями, более высоким уровнем безработицы, худшим субъективным здоровьем¹.

Образование – ключевой компонент культурного капитала, и один из немногих социокультурных показателей, относительно которого имеются достаточно надежные данные. Как показывает статистика, между мигрантами и местными жителями существует значительный разрыв во владении культурным капиталом. Доля молодых людей (15-29 лет), которые нигде не работают и не учатся, среди мигрантов почти в 2 раза превышает аналогичный показатель среди жителей ЕС; в 2017 г. число таких людей составило, соответственно, 22,5% и 12,6%¹. Хотя эта цифра несколько снизилась по сравнению с пиковыми показателями 2013 г., разрыв между мигрантами и местными жителями сохраняется. Так же мигранты и граждане ЕС значительно различаются по числу взрослых людей с как минимум средним образованием, и ряду других показателей. Важно отметить, что страны ЕС заметно различаются по образовательному уровню и доступности образовательных услуг для иммигрантов.

Европейские специалисты также отмечают высокое разнообразие мигрантов с точки зрения уровня образования и профессиональных навыков, а также миграционной мотивации. Однако в рамках концепции «мейнстриминга» реакция на специфические нужды мигрантов рассматриваются не столько как меры прямой и массовой поддержки, сколько как более сложный комплекс мер, направленных на рост инклюзивности общества в отношении всех меньшинств и уязвимых групп населения¹.

Ограничиваясь интересующими нас социокультурными аспектами интеграционной политики, отметим некоторые цели данного плана и предлагаемые механизмы их достижения. Новая интеграционная политика предполагает развитие культурного капитала иммигрантов, за счет:

- обучения языку, развития базовых навыков, информирования о новой стране, правах и обязанностях мигрантов, – для будущих мигрантов, только намеревающихся приехать в Европу;
- работы с местными сообществами, направленными на снижение предрассудков и формирование положительного отношения к мигрантам;
- программ обучения языку для новых иммигрантов на ранней стадии пребывания;
- обеспечения доступа к школьному образованию для детей;
- обучения учителей для эффективной работы с учениками – мигрантами;

1 Action Plan on the integration of third country nationals. – Brussels: European Commission, 2016. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/proposal-implementation-package/docs/20160607/communication_action_plan_integration_third-country_nationals_en.pdf.

- включения в школьную программу специальных курсов, посвященных разъяснению гражданских прав и обязанностей, пониманию своей ответственности за участие в жизни нового общества;
- расширения возможностей неформального обучения детей в молодежных, спортивных, культурных организациях;
- программ развития навыков, необходимых для дальнейшей социализации и развития;
- расширения возможностей для более специализированного профессионального обучения и переподготовки, обеспечивающей возможности на рынке труда;
- развития и упрощения процедур оценки навыков и признания квалификации мигрантов;
- вовлечения в горизонтальные социальные связи, в том числе посредством участия в общественной, культурной, спортивной и даже политической деятельности;
- борьбы с проявлениями ксенофобии, расизма, вербальным насилием (hate speech), продвижения позитивной установки к этническому разнообразию.

Как можно видеть, современная интеграционная политика ЕС направлена не только на самих мигрантов, но и на принимающее общество, в соответствии с пониманием интеграции как двустороннего процесса. Социокультурный аспект политики проявляется, прежде всего, в различных мерах по развитию культурного капитала мигрантов и, в частности, скорейшего формированию репертуара социально-культурных навыков, знаний и практик, которые обеспечивают возможности их самостоятельного решения повседневных проблем и включения в общественную жизнь новой страны. Исключительная значимость уделяется аккультурации детей, направленной на их как можно более раннее принятие новой культуры. Стремление воздействовать на как можно более ранних стадиях адаптации проявляется и в наличии целого комплекса мер по подготовке будущих мигрантов, еще находящихся в своей стране. Наконец, представляет интерес идея развития горизонтальных связей и вовлечения мигрантов через неформальные институты. Предполагается, что это позволит расширить социальный и культурный капитал мигрантов и переложит часть интеграционных усилий на общественные организации, обычных жителей и самих мигрантов, в том числе из числа «старожилов».

Рассмотрим некоторые примеры, демонстрирующие практику интеграционной политики на локальном уровне и ориентированные преимущественно на социокультурные аспекты адаптационно-интеграционного процесса.

В совместном исследовании ОЭСР и Европейской комиссии был проанализирован опыт 72 муниципалитетов, на основе которых было сформулировано 12 главных рекомендаций по эффективной интеграции мигрантов на местном уровне в соответствии с политикой «мейнстриминга». Среди прочего, эти рекомендации включают в себя[□]:

- необходимость учета фактора времени (длительности пребывания) при выработке конкретных мер поддержки;
- создание общих пространств, обеспечивающих возможности взаимодействия мигрантов и местных жителей;

- усиление роли негосударственных организаций и объединений;
- повышение соответствия навыков мигрантов и существующих возможностей трудоустройства;
- поиск решений в сфере образования, предотвращающих сегрегацию и предоставляющих возможностям профессионального роста.

Как можно видеть, основные усилия городских программ, которые признаются наиболее значимыми, направлены на развитие той части культурного капитала, который наиболее очевидным образом способствует участию в трудовой деятельности и социально-экономической интеграции. Не менее важными признаются меры, направленные на развитие социальных связей с представителями принимающего общества, то есть нетворкинг, в том числе с участием неправительственных организаций.

Можно привести ряд примеров решений, воплощающих указанные выше принципы. Так, во многих европейских городах особое внимание уделяется созданию общих пространств, позволяющих взаимодействовать мигрантам (а также другим меньшинствам) с основным населением, способствуя формированию позитивного опыта социальных интеракций и снижению взаимного предубеждения. В Афинах такую роль выполняет программа «Вместе» – формат детских садов, создающий условия для общения не только детей мигрантов и местных жителей, но и их родителей. Другими примерами подобных «пространств взаимодействия» становятся школы, театры, рекреационные зоны. В Риме функцию общих пространств зачастую выполняют библиотеки, в которых добровольцы учат мигрантов итальянскому, а мигранты своему родному языку (китайскому, арабскому).

В Париже и Амстердаме используется релокация деятельности местных предпринимателей ближе к местам проживания мигрантов. Так, в Амстердаме здание старой тюрьмы было преобразовано в центр размещения беженцев, при котором местные предприниматели создали общее пространство и разместили часть своего рабочего пространства. Это позволило беженцам не только устанавливать контакты с местным бизнес-сообществом, но и получать возможность непосредственно наблюдать и знакомиться с трудовыми практиками и трудовой культурой. В этом же здании размещен Центр талантов для беженцев, предоставляющий возможности для мигрантов, имеющих творческие и другие способности.

Большую роль в организации подобных общих пространств играют различные НКО и мигрантские организации, которые зачастую являются их администраторами и операторами, при финансовой поддержке местных властей и фондов. В Барселоне муниципальная программа интеграции реализуется благодаря созданной «Сети гостеприимства и поддержки мигрантов», объединяющей муниципальные власти, мигрантские и поселенческие ассоциации и общественные организации. Это объединение обеспечивает проведение языковых курсов, юридическое консультирование, профориентацию и социальную поддержку мигрантов.

Целый ряд решений реализован и для расширения доступа

мигрантов к образованию и профессиональной подготовке. В Амстердаме муниципальные власти заключили контракт с рекрутинговой фирмой для сбора информации об опыте и ожиданиях мигрантов, а во многих школах система зачисления меняется так, чтобы довести долю уязвимых групп (в т.ч. мигрантов) до 30%. Однако подобные меры требуют тщательного планирования в масштабах всего города и схем размещения детей среди всех школ. В Швейцарии и Шотландии реализуется другая стратегия, направленная на повышение качества тех школ, в которых большая доля детей мигрантов. В Барселоне для классов с большим числом детей мигрантов проводятся специально разработанные занятия, в дополнение к стандартной программе. В Германии и Нидерландах действуют механизмы, облегчающие подтверждение образования мигрантов и поступление в вуз, а также организуются специальные курсы для беженцев перед поступлением.

В 70% городов действуют программы профессиональной подготовки, бесплатные или частично субсидируемые для мигрантов¹. Как уже отмечалось, профессиональное образование – та часть культурного капитала, которая позволяет наиболее естественным образом совместить интересы мигрантов и принимающего общества. Это особенно ярко проявляется на примере Германии, которая, с одной стороны, является крупнейшим реципиентом мигрантов в Европе, а с другой – испытывает потребность в рабочей силе на фоне экономического роста. В недавнем отчете Института миграционной политики отмечается, что резкий рост числа мигрантов, в том числе беженцев, в 2015-2016 гг. стал причиной активных экспериментов с новыми формами социальной интеграции². Одним из перспективных новых инструментов стали технические школы для беженцев, обучающие программированию и разработке ПО. Этот инновационный подход способен решить одновременно две задачи: обеспечить подготовку ИТ-специалистов, дефицит которых продолжает расти, и предоставить мигрантам не просто способ интеграции на рынок труда, но интеграции за счет профессионального развития в престижных и востребованных областях, ощутимо повышающего их культурный капитал и самооценку.

Как можно видеть, современная интеграционная политика ЕС направлена не только на самих мигрантов, но и на принимающее общество, в соответствии с пониманием интеграции как двустороннего процесса. Социокультурный аспект политики проявляется, прежде всего, в различных мерах по развитию культурного капитала мигрантов и, в частности, скорейшего формированию репертуара социально-культурных навыков, знаний и практик, которые обеспечивают возможности их самостоятельного решения повседневных проблем и включения в общественную жизнь новой страны. Исключительная значимость уделяется аккультурации детей, направленной на их как можно более раннее принятие новой культуры. Стремление

1 Migration Integration statistics – at risk of poverty and social exclusion / Eurostat, 2018. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_integration_statistics_-_at_risk_of_poverty_and_social_exclusion; Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In. – Paris: OECD Publishing, 2015.

2 Action Plan on the integration of third country nationals. – Brussels: European Commission, 2016. – P.4.

воздействовать на как можно более ранних стадиях адаптации проявится и в наличии целого комплекса мер по подготовке будущих мигрантов, еще находящихся в своей стране. Наконец, представляет интерес идея развития горизонтальных связей и вовлечения мигрантов через неформальные институты. Предполагается, что это позволит расширить социальный и культурный капитал мигрантов и переложит часть интеграционных усилий на общественные организации, обычных жителей и самих мигрантов, в том числе из числа «старожилов».

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

1. The Multiculturalism Backlash: European discourses, policies and practices / Ed. by S. Vertovec and S. Wessendorf. – London; New York: Routledge, 2010.
2. Joppke C. Beyond national models: Civic integration policies for immigrants in Western Europe // West European Politics. – 2007.
3. Mainstreaming Integration Governance: New Trends in Migrant Integration Policies in Europe / Ed. by P. Scholten, I. van Breugel. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018.
4. Action Plan on the integration of third country nationals. – Brussels: European Commission, 2016. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/proposal-implementation-package/docs/20160607/communication_action_plan_integration_third-country_nationals_en.pdf.
5. Migration Integration statistics – at risk of poverty and social exclusion / Eurostat, 2018. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_integration_statistics_-_at_risk_of_poverty_and_social_exclusion; Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In. – Paris: OECD Publishing, 2015.
6. Migrant Integration Statistics – Education / Eurostat, 2018. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migrant_integration_statistics_-_education.
7. Action Plan on the integration of third country nationals. – Brussels: European Commission, 2016.
8. Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees. – Paris: OECD Publishing, 2018.
9. Mason B. Tech jobs for refugees: Assessing the potential of coding schools for refugee integration in Germany. – Brussels: Migration Policy Institute Europe, 2018.

РУБАС
Антон Васильевич
аспирант ФГБОУ ДПО
«Академия медиаиндустрии»,
Москва, Россия [anton.rubas@
gmail.com](mailto:anton.rubas@gmail.com)

RUBAS
Anton Vasilievich
Postgraduate student, Media In-
dustry Academy, Moscow, Rus-
sia
anton.rubas@gmail.com

Актуальные аспекты социального взаимодействия в сфере городского общественного транспорта на примере Московского метрополитена /Actual aspects of social interaction in the field of urban public transport on the example of the Moscow subway

Аннотация

В тексте статьи городской общественный транспорт рассматривается как социальная среда. Непосредственно предметом исследования является социальное взаимодействие в транспортной сфере Московского метрополитена, анализируемое автором по 2 параметрам: отношения предприятия и пассажиров, взаимоотношения между пассажирами. Также производится обзор поведенческих характеристик и анализ социального опыта транспортной мобильности пассажиров.

Ключевые слова

Социальная среда; взаимодействие; пассажир московского метро; поведенческие характеристики; структура; коммуникации.

Abstract

In this article public transport system examine as a social environment. The main subject of this research is social interaction in transport system of Moscow subway. The author analyzes main subject of study in two parameters: relationship between subway and passengers and relationship between passengers. Also, author gave an overview behavior a character is tics and analysis of the social experience of mobility of passengers in subway.

Keywords

Social environment; interaction; passengers of Moscow subway; behavioral characteristics; structure; communications.

Городской общественный транспорт представляет собой социальную детерминанту, во многом регулирующую жизнедеятельность городского социума и обеспечивающую пространственную доступность благ и услуг, а также мобильность его жителей. Правительство Москвы поставило глобальную задачу модернизации общественного транспорта как социального института через реализацию Государственной программы «Развитие транспортной системы» на 2012-16 годы и на перспективу до 2020 года.¹ Колоссальная работа по интеграции стимулировала качественно новый уровень функционирования всех видов городского транспорта,

¹ Постановление Правительства Москвы от 10 октября 2016 года N 660-ПП О

позволила сформировать общую стратегию развития и привела к реструктуризации социокультурного пространства пассажиров.

Исходной причиной обращения к тематике московского метро как ограниченному пространству со своей социальной средой является необходимость более глубокого изучения внутренних механизмов взаимодействия в данной сфере. Новаторский подход к анализу обозначенной проблемы заключается в рассмотрении ее по двум направлениям: отношения предприятия и пассажиров, взаимоотношения между пассажирами. Ставится задача исследования социальных страт пассажиров метрополитена и вариантов оптимизации их взаимодействия в сфере подземного общественного транспорта.

Одним из основоположников концепции городского социального пространства считается Д.Г. Мид. Изучение социальных действий, нашедшее отражение в его работах,¹ было развито Г. Зиммелем и П. Бурдьё, коррелирующих социальные и пространственные аспекты. Широко известны работы современных исследователей, посвященные социальной структуризации городского пространства в целом (В. Семенов, Е. Лавринцев, О. Запорожец, Т. Дашкова, В. Круткин, А. Левинсон). Вместе с тем необходимо обозначить недостаточность изучения социопропространственных аспектов Московского метрополитена. Можно отметить существующие отдельные направления исследований: тактика человеческих перемещений и визуальных аспектов социальной действительности в метрополитене – О. Запорожец,² соблюдение неформальных социальных норм в метро – А. Воронов, Т. Аль-Батал,³ столичное метро как феномен городской культуры – В. Одриосола.⁴

Российский социолог В.И. Ильин, рассматривавший две оси измерения пространства метрополитена – физическую и социальную, считал эти понятия неделимыми. «Сама физическая территория не может быть транзитивной, ее делают таковой действующие люди. Физические объекты ...превращаются в объект дискурса, т.е. социального взаимодействия».⁵ С точки зрения осмысления концепции В.И. Ильина можем предположить, что применительно к метрополитену это означает единство инфраструктуры подземной транспортной сети и поведенческого характера пассажира метро.

Предваряя исследование социального взаимодействия пользователей услуг метро, считаем необходимым рассмотреть категории пассажиров и их социально-демографическую характеристику. Стратификация пассажиров происходит по различным основаниям: регулярность пользования данным видом общественного транспорта изменения в постановление Правительства Москвы от 2 сентября 2011 года N 408-ПП

1 Mead G.H. Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. University of Chicago Press, 1934. 400 p.

2 Запорожец О.Н. Настроить город на свою волну: метрополитен и управление городскими опытами // Теория моды. 2014. № 33.

3 Воронов А. Я, Аль-Батал Т. М. Соблюдение неформальных социальных норм: полевые эксперименты в метро // Экспериментальная психология в России. М.: РАН, 2010. С. 781-786.

4 Вальдес Одриосола М.С. Московский метрополитен как культурный феномен. - М.: URSS, 2017. - 152 с. ISBN 978-5-9710-3775-0

5 Ильин В.И. Социальная структуризация в транзитивном пространстве российского мегаполиса // Мир России. 2010. № 1. С. 89–125.

ственного транспорта, классификация поездок, возрастные и гендерные характеристики, материальное положение, уровень образования, занятость, финансовый и социальный статусы. В качестве основного критерия при составлении авторской модели категорий пассажиров нами рассматривалась регулярность пользования Московским метрополитеном. На этом основании считаем возможным выделение 5 основных групп: постоянные пользователи – жители Москвы и ближайшего Подмосковья, приезжие из регионов, туристы, выходцы из стран СНГ и автомобилисты, пользующиеся в течение дня личным авто в комбинации с метрополитеном. Необходимо уточнить, что при общих объединяющих признаках каждая из обозначенных групп характеризуется социальной фрагментированностью – внутри группы прослеживается дифференциация аудитории по возрасту, полу, уровню образования, социальному статусу и т.д. Характеристика пассажиров метрополитена по категориям позволяет точнее обозначить проблематику выстраивания повседневных коммуникативных взаимоотношений.

Специфика нашего исследования сосредоточена на категории пассажиров, регулярно пользующихся московским метро. Данная группа была определена с помощью проведенного нами социологического опроса «Опыт пользования главным общественным транспортом столицы – московским метро».¹ Очевидно, что интересующая нас статистика коррелирует с постоянным местом проживания респондентов (рис.1).

Место Вашего проживания?

3074 анкеты - 95,6%

Рисунок 1 – Место проживания респондентов московского метро
Стратификация подлительности проживания в Москве более 5 лет показала доминантную долю в 59,2% респондентов, до 5 лет – 8,6% участников опроса. В целевой выборке жители Подмосковья

1 Сбор первичной количественной информации проводился методом анкетирования с 26 июля по 9 августа 2017 года в официальных группах Московского метрополитена в социальных сетях: Twitter, Facebook, «Одноклассники» и «ВКонтакте». В опросе приняли участие 3215 респондентов, 141 анкета забракована. Результаты обработаны с помощью компьютерной методики сервиса Google Формы.

(ближайшее и дальнее) составили 25,2%. Приезжие не являются регулярными потребителями услуг метро, поэтому находятся вне зоны нашего интереса.

Логичным, на наш взгляд, представляется краткий обзор социально-демографических характеристик категории постоянных пассажиров метро. Необходимо уточнить: незначительные погрешности цифровой статистики исследования связаны с вхождением параметров группы «приезжие» в общие данные. Доминирующую категорию по гендерным признакам составляют мужчины – 65,6%. Возрастная структура представлена, в основном, молодежной аудиторией и пассажирами активного среднего возраста – 94,9% составляют респонденты 16-44 лет. Аудиторию, принимавшую участие в исследовании, характеризует высокий уровень образования: 44,7% – высшее и 16,4% – неполное высшее, 16,1% – люди со средним специальным образованием. По социальному статусу: работающее население – 53,7%, студенты и школьники – 41,4%. Среди респондентов всего 1% пенсионеров и 3,9% неработающих.

Исходя из социально-демографического портрета москвичей и жителей Подмосковья, регулярно пользующихся столичным метро, проведем на базе данной группы анализ аспектов социального взаимодействия в подземной транспортной системе. Метрополитен, являясь транспортным перевозчиком, в то же время представляет собой обособленную социальную среду, формирующую особую сферу социокультурных отношений с пассажирами. Исходя из двух обозначенных ранее параметров исследования – отношения предприятия и пассажиров, взаимоотношения между пассажирами – сформулируем основные направления для рассмотрения социального взаимодействия в метрополитене Москвы:

- сфера предоставления информационных услуг;
- транспортная мобильность и коммуникации;
- правила пользования и нормы социокультурных отношений;
- особенности психологического состояния пассажиров,

вызванные социальной средой.

Рассмотрим исследуемую проблему через призму услуг, предоставляемых метрополитеном различным социальным категориям пассажиров. Одним из значимых направлений является информирование. Функциональные потребности пользователей метро в информировании удовлетворяются через взаимодействие с фронт-лайн персоналом (первая линия контактов с пассажирами), аудиоинформирование на эскалаторах и в поездах, через **информационные плакаты, карты-схемы Московского метрополитена, стикеры, ящики обратной связи. В медиапространстве метрополитена происходит интеграция информационных потоков на различных коммуникационных площадках: официальном интернет-сайте и группах московского метро в социальных сетях, мобильном приложении «Метро Москвы», единой Wi-Fi сети MT_FREE, Telegram канале, интерактивных схемах маршрута. Таким образом, можем констатировать:** регулярным пользователям услуг подземного транспорта доступны многочисленные информационные каналы с предоставляемым

контентом как на русском, так и на иностранных языках. Услуги информирования характеризуют только отношения транспортного предприятия и пассажиров.

Рассмотрение следующего направления исследования – транспортная мобильность и коммуникации – возможно по двум направлениям: предприятие – пассажиры, взаимоотношения между пассажирами. Анализируя социальное взаимодействие в сфере Московского метрополитена, стоит отметить высокий уровень мобильности, на который ориентирует предприятие пользователей услуг.

Немецкий философ и социолог Георг Зиммель еще в начале двадцатого века определял транспорт как социальную технологию, регулирующую социальную дистанцию и определяющую мобильность человека.¹ Московский метрополитен доступен всем социальным категориям граждан, в том числе маломобильным, благодаря работе специального подразделения – Центра обеспечения мобильности пассажиров Московского метрополитена. Работа Центра ориентирована на ограниченную социальную категорию пассажиров: с нарушением слуха, зрения, функций опорно-двигательного аппарата, многодетных семей и др. За 2017 год было организовано сопровождение более 154 тысяч маломобильных пассажиров, причем не только в пространстве метро, но и к различным социальным структурам города. В транспортной инфраструктуре метро также предусмотрены элементы социальной поддержки: лифты и пандусы, специально выделенные места в поездах для маломобильных пассажиров, шуц-линии.

На улучшение коммуникаций пассажиров направлена работа информационных стоек «Живое общение». В 2017 году консультационные услуги оказывались уже на 13 станциях метро и 5 транспортно-пересадочных узлах МЦК².

Результатом внедрения в метрополитене новых коммуникационных технологий для взаимодействия предприятия с пассажирами стал запуск совместно с телеканалом «Москва 24» инновационной системы онлайн-информирования на ТВ экранах в подвижном составе. Пассажирам наряду с основными программами канала «Москва 24» демонстрируется актуальная информация о работе метрополитена (сервисы, новости, пересадки на МЦК и наземный городской транспорт). Оптимизирует мобильность пассажиров транслирование контента при нештатных ситуациях: на ярко желтом фоне высвечивается не только оперативная информация, но и необходимый алгоритм действий. Впервые во время проведения ЧМ по футболу в 2018 году на экранах шли прямые трансляции матчей, что вызвало позитивную реакцию у пассажиров, в том числе небывалое единение даже людей с разных континентов.

Уникальный проект «Музыка в метро», запущенный весной 2016 года, объединил интересы пассажиров и артистов, уже выступающих на 26 площадках несущих позитив и хорошее настроение, во многом влияющее на взаимоотношения между пассажирами во время

1 Гусев А.Н. Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля / А.Н. Гусев // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 123-128.

2 http://mosmetro.ru/press/news/2630/?sphrase_id=105410

поездок.¹

В качестве перспективного направления для развития коммуникационных процессов между пассажирами предлагаем рассмотреть создание онлайн чатов для общения на базе мобильного приложения «Метро Москвы». При помощи современных технологий у пассажиров будет возможность видеть в режиме онлайн пользователей, едущих в одном вагоне или поезде, а также отыскивать собеседников по интересам, статусу общения и т.п. Запуск нового функционала мобильного приложения сделает транспортное предприятие площадкой для коммуникации пассажиров, приведет к удовлетворению социальной потребности в общении и уменьшению количества одиноких людей. Станции московского метро уже сегодня являются одними из самых популярных мест для назначения встреч жителями и гостями столицы. Более чем на ста станциях специально отведенные места обозначены стикерами «Место встречи», выполненными в форме сердца с изображением рукопожатия.

Характер социального взаимодействия пассажиров во многом определяется соблюдением социокультурных норм и знанием правил пользования Московским метрополитеном. Правила направлены не только на соблюдение технических установок, но и на усвоение определенных нравственных критериев, регулирующих взаимоотношения между пассажирами. Они доступны на интернет-сайте, оформлены в виде полиграфической продукции в вестибюлях станций, красно-белых стикеров внутри вагонов. Кроме того, в Интернете представлены социальные видеоролики о правилах поведения и поведении в экстренных ситуациях (цикл «Метрогид»).

Не менее важным, чем направление «предприятие – пассажиры», является выработка негласных правил во взаимоотношениях между пассажирами. На основе повседневных индивидуальных практик и неформальных договоренностей, в рамках которых складываются социальные взаимоотношения членов пассажирского сообщества, формируется субъективная культура поведения пассажиров. Показательны в этом плане результаты блиц-опроса по соблюдению неформальных социальных норм в метро Москвы и Санкт-Петербурга, проведенного оператором беспроводной сети Wi-Fi АО «МаксимаТелеком».² На вопрос «Уступаете ли Вы место в общественном транспорте?» да ответили 65%, нет – 7,5%, по ситуации – 27,5%.

Во время поездок в метро происходит процесс социализации – само общество, диктуя индивидуумам правила, одновременно негласно контролирует их выполнение. Действует структурирующая функция социального контроля, выражающаяся в неодобрительных взглядах, в осуждении поведения, выходящего за рамки правил. Соблюдение негласных правил пользования метрополитеном – важная часть идентичности городских жителей. На это обращает внимание В. Ильин, анализирующий поведение пассажиров метрополитена: «...однажды обнаруженные эффективные пути превращаются в свободно выбираемый и в то же время привычный индивидуальный стиль».³ С помощью метода наблюдения нами были выявлены и

1 <http://music.mosmetro.ru/>

2 <https://aura.wi-fi.ru/>

3 Ильин В.И. Социальная структура в транзитивном пространстве

систематизированы стратегии рационального поведения пассажиров, часто пользующихся подземной транспортной сетью, для которых метро:

- зона определенного управления ситуацией, проявляющаяся в минимизации усилий для прокладывания наиболее удобного маршрута;
- территория импровизации в выборе наиболее безопасного времени и вагона для поездки;
- сфера оптимальной интенсивности для извлечения максимума полезности от поездки (совмещение поездки с чтением, слушанием музыки, мобильными играми и т.д.);
- место для встреч или кратковременного общения друг с другом на платформах и в вестибюлях станций метро.

Метрополитен – социальное пространство с большим скоплением народа. Нарушение «личной» территории, нежелательные контакты с незнакомыми людьми, безальтернативность ситуации приводят к социальной атомизации индивидуумов. Ноутбуки, планшеты, смартфоны, плееры и другие современные девайсы направлены на переформатирование привычного поведения пассажиров. Они усиливают их социальную дистанцированность, защищая от психологической атаки и вынужденных нежелательных контактов с другими людьми. Проблема социальной атомизации нашла подтверждение в исследуемых нами поведенческих характеристиках категории постоянных пассажиров Московского метрополитена. Результаты проведенного социологического опроса «Опыт пользования главным общественным транспортом столицы – московским метро» (анализировалось 93% анкет) показали: извлекают максимизацию полезности из поездки, совмещая ее с другими видами деятельности, 75,3% опрошенных. Из них 26,4% респондентов общаются в социальных сетях и месенджерах, 23,7% – слушают музыку, 13,3% – читают книги, 10,1% – смотрят видео, новости в Интернете, 1,8% – продолжают работать.

Исследование поведенческих характеристик пассажиров позволяет сделать предположение о социальной атомизации как необратимом процессе. Проведенный анализ показал, что большинство респондентов для занятий различными видами деятельности используют мобильный интернет и Wi-Fi. Вместе с тем, рассматривая метрополитен в качестве социокультурного явления, необходимо отметить диаметрально противоположное социальной атомизации направление. Представленность в нем конструктивных установок на общность значимых ценностей и единение членов социальной структуры.

Рассмотрим еще одно важное направление социального взаимодействия в метрополитене Москвы – особенности психологического состояния пассажиров, вызванного социальной средой. Пространство метро, представляя зону повышенной опасности, оказывает существенное влияние на поведение людей, вызывая у многих негативные эмоции и дискомфорт. Проведенные эмпирические исследования показали, что абсолютно спокойно и

комфортно чувствует себя в метрополитене достаточно большая аудитория – 38,3% опрошенных. Дальнейший вектор исследования мы сосредоточили на группе пассажиров, у которых пребывание в метрополитене вызывает некомфортное состояние (54,7% участников исследования), и определении причин дискомфорта (рис.2).

Социологический опрос выявил наиболее дискомфортные функциональные участки метро: нахождение в поезде (21,8% респондентов) и остановку поезда в тоннеле (19,1%). Таким образом, прослеживается пропорциональная связь между причинами дискомфорта и наиболее неблагоприятными зонами инфраструктуры. Из 54,7% участников исследования большинство испытывали негативные эмоции именно в поезде – ощущение замкнутого и нарушение личного пространства, в полной мере сюда же можем отнести сильный шум и ограничение доступа свежего воздуха.

Чем вызвано ощущение дискомфорта?

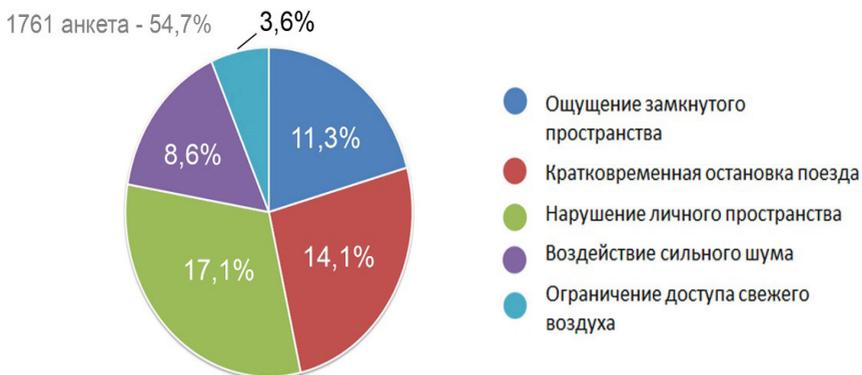

Рисунок 2 – Причины, вызывающие дискомфортное состояние

Таким образом, на основе проведенного анализа социального взаимодействия в сфере Московского метрополитена можно сделать вывод о важности обращения к данной теме. Правомерно также говорить о разнонаправленности и широкой ориентированности структуры метрополитена на удовлетворение социальных потребностей пассажирского сообщества. Вместе с тем считаем необходимым дальнейшее развитие конструктивных установок на общность и единение членов обозначенной социальной структуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вальдес Одриосола М.С. Московский метрополитен как культурный феномен. – М.: URSS, 2017. – 152 с. ISBN 978-5-9710-3775-0.
2. Воронов А.Я, Аль-Батал Т. М. Соблюдение неформальных

социальных норм: полевые эксперименты в метро // Экспериментальная психология в России. М.: РАН, 2010. С. 781-786.

3. Гусев А.Н. Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля / А.Н. Гусев // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 123-128.

4. Запорожец О.Н. Настроить город на свою волну: метрополитен и управление городскими опытами // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2014. № 33.

5. Ильин В.И. Социальная структуризация в транзитивном пространстве российского мегаполиса // Мир России. 2010. № 1. С. 89-125.

6. Mead G.H. Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. University of Chicago Press, 1934. 400 p.

REFERENCES

1. Valdez Odriosola M.S. Moscow metro as a cultural phenomenon. – Moscow: URSS, 2017. – 152 p. ISBN 978-5-9710-3775-0.

2. Voronov A. Ya, Al-Batal TM Observance of Informal Social Norms: Field Experiments in the Metro // Experimental Psychology in Russia. Moscow: RAS, 2010. Pp. 781-786.

3. Gusev A.N. The category of social distance in the works of G. Simmel /

A.N. Gusev // Sociological research. 2009. No 4. Pp. 123-128.

4. Zaporozhets O.N. To adjust the city on its wave: the metro and management of urban experiments // Theory of Fashion. Clothing. Body. Culture. 2014. No 33.

5. Ilyin V.I. Social structure in the transitional space of the Russian megalopolis // World of Russia. 2010. No 1. Pp. 89-125.

6. Mead G.H. Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. University of Chicago Press, 1934. 400 p.

СОЦИОЛОГИ ЮГА РОССИИ

SOCIOLOGY OF THE SOUTH OF RUSSIA

ВАСИЛЬЕВ
Виктор Николаевич
научный сотрудник
Южнороссийского филиала
Федерального научно-
социологического центра
Российской академии наук,
Ростов-на-Дону, Россия
urfranrostov@gmail.com

VASILEV
Viktor Nikolaevich
researcher of the South Rus-
sian Branch
of the Federal Center of Theo-
retical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sci-
ences, Rostov-on-Don, Russia
urfranrostov@gmail.com

Иновационная деятельность субъектов социального управления в российских регионах: критерии исследования / Innovative activity of subjects of social management in Russian regions: research crite- ria

Аннотация

В представленной статье реализуется целью выявление критериев инновационной деятельности субъектов инновационного развития в российских регионах, к которым принадлежат субъекты социального управления, как группы, оказывающие управленческое воздействие на стабильность и развитие регионального социума. Автор статьи приходит к выводу, что в целом актуализирована гибридная модель инновационной политики, в которой сочетаются внедрение новейших технологий при сохранении экономики рентного типа, а также проявляется расхождение между целями экономического роста и повышения качества жизни.

Ключевые слова

Иновационная деятельность; субъекты социального управления; российские регионы; доступ к финансовым ресурсам; региональные элиты.

Abstract

The aim of the article is to identify the criteria of innovative activity of the subjects of innovative development in the Russian regions, to which the subjects of social management belong, as a group that has a managerial impact on the stability and development of regional society. The author comes to the conclusion that the hybrid model of innovation policy is actualized in General, which combines the introduction of new technologies while maintaining the economy of rental type, as well as the discrepancy between the goals of economic growth and improving the quality of life.

Keywords

Innovative activity; subjects of social management; Russian regions; access to financial resources; regional elites.

Констатируя тот факт, что в исследовании инновационной деятельности субъектов социального управления в региональном пространстве сложились системная, структурно-функциональная, структурно-деятельностная парадигмы, можно отметить, что особенность российского регионального социума состоит в том, что в отличие от западной модели, региональный социум рассматривается как административная единица, субъект РФ. В связи с этим обстоятельством проблемы инноваций имеют влияние административного фактора, это выражается в том, что на уровне субъектов социального управления важным становится ресурс администрирования, связанный с применением властных полномочий в отношении развития региона. В российском обществе сложилась неравновесная ситуация, связанная с нераспределением регионов на «доноров» и «реципиентов», 8 регионов РФ образуют группу, которая перечисляет средства в федеральный бюджет исходя из статуса развитых, в то время как существует группа социально-депрессивных регионов, которая нуждается в федеральных трансферах.

Сложившаяся система управления регионами критически воспринимается российскими социологами, так как по их мнению, воспроизводится ситуация отстающих и лидирующих регионов, что финансовая опека приводит к тому, что субъекты депрессивных регионов находятся в финансовой зависимости от федерального центра, а лидирующие регионы не заинтересованы в инициативе наращивания экономического и социального потенциала, по той причине, что находятся под строгим фискальным контролем¹. В этой ситуации возникают проблемы федерального бюджетирования, соотношения федерального и регионального компонентов финансирования. Есть и проблемы, связанные с тем, что субъекты регионального социального управления в той или иной степени включены в иерархию должностей, формируемых федеральным центром, что определяет привязку к децентрализации. Децентрализация, в основном, затрагивает вопросы, связанные с проблемами социальной, социально-бытовой и культурной сфер. Экономическая сфера регионального социума определяется, в основном, динамикой соотношения между федеральными и местными (локальными) компаниями, где региональные компании проигрывают в связи с экспансией столичного капитала, особенно это проявляется на уровне сетевых структур, сферы логистики, добычи природных ископаемых.

В этом смысле важно подчеркнуть, что субъекты социального управления в регионах испытывают влияние территориального неравенства, что стремление придать территориальному уклону пространственный аспект связывается с различным отношением социально-территориальных общностей, как коллективных субъектов, друг к другу и социальным и политическим институтам (прежде всего государству) опосредованные главным образом социально-

¹ Россия регионов. В каком социальном пространстве мы живем. М.: Поматур, 2005. С. 73-75.

демографическим и пространственно-территориальными факторами¹. В нынешних условиях наличие факторов, определяющих социально-территориальное неравенство приводит к тому, что констатируется неудовлетворенность социально-экономическим положением, зависящим от места проживания.

Отмечая, что в российском обществе актуально стоит проблема социальной модернизации, создания новой экономики и переориентации населения на достиженческие стратегии, можно говорить о том, что в рамках социального управления есть отставание от этих процессов, связанное с тем, что управленческая деятельность регулируется в основном административными нормами. Это полезно в контексте сохранения воспроизводства стабильности общественно-политической системы, но создает ситуацию, в которой региональное пространство становится конфликтным в силу того, что наблюдается борьба за властные ресурсы.

Такая ситуация связана с тем, что региональные элиты рассматривают социальное управление как механизм контроля над социумом и ревностно относятся к проявлениям автономности отдельных групп регионального социума. Рассматривая эту проблему можно говорить о том, что для регионального социума инновации являются достаточно ощутимым трендом для того, чтобы инициировать процесс перехода, если не к режиму самодостаточности, то снятия излишнего бремени с федерального центра. В условиях, когда уже не работают механизмы финансового распределения, сложившиеся в тучный период, условием для координации взаимодействия федерального центра и регионов является повышение ответственности социального управления в рамках развития регионов.

Можно говорить о том, что не преодолена территориальная замкнутость и сетование на низкий уровень территориальной мобильности обнажает тот факт, что в современных условиях важным становится не сохранение элементов устойчивого, существовавшего ранее уклада и в советский и в досоветский периоды², а практические взаимодействия социальных субъектов, которые являются одной из важнейших причин социальных изменений и устойчивости общественных структур³. Можно сказать, что от инновационной деятельности субъектов социального управления зависит налаживание взаимоотношений не только с федеральным центром, но и с региональным социумом, что блокируется отношениями внутри сложившейся иерархии социального управления.

В этом контексте субъекты социального управления могут участвовать в созидании нового регионального пространства,

1 Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков., Бийжанова Э.К / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др. — Новый Хронограф Москва, 2015. — С. 69.

2 Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков., Бийжанова Э.К / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др. — Новый Хронограф Москва, 2015. — С. 100.

3 Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков., Бийжанова Э.К / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др. — Новый Хронограф Москва, 2015. — С. 101.

однако существующие ограничители объясняют то, что с позиции государственного (административного) управления регион выступает в качестве ареала первого уровня протестивенной организации государства¹. Сложившиеся реальные региональные системы определяются тем, что в них особое внимание уделяется становлению контролируемых региональных социумов. В этой связи важно подчеркнуть, что для социологии основным критерием выделения социальной инновационности, в создавшихся условиях, является уровень взаимоотношений федерального центра и социального управления региона, представленного в сложившейся модели управленческого воздействия.

В рамках действующей схемы бюджетирования, федеральный центр уделяет внимание инновационным проектам, идущим снизу от регионов, в то же время нельзя говорить о том, что инновационный сценарий является основным в схеме бюджетирования. Таким образом, результативность принимаемых решений определяется «на глазок», тем, что в рамках федерального бюджетирования закреплены права региона на инновационный сценарий, но представляемые схемы инновационного развития, как правило, нацелены на получение финансовых ресурсов, которые могут использоваться и не по назначению. Позиции субъектов социального управления в этом контексте определяются тем, что ограничены возможности принятия управленческих решений, то есть российские регионы не имеют достаточной самостоятельности и возникает эффект снижения ответственности за принимаемые результаты. Складывается механизм затраты финансовых ресурсов, в котором социальное управление регионов опирается на приоритеты, цели и задачи органов государственной власти и не могут позволить привлечь к реализации инновационных программ в качестве официальных партнерских отношений бизнес структуры и общественные организации.

Таким образом, сложилась линейная структура взаимодействия, в которой сетевой принцип просматривается слабо. Российские исследователи указывают на ограничение горизонта планирования деятельности у субъектов социального управления, что переводит проблему инновационного развития в дискурс страхования: субъекты социального управления не заинтересованы в долгосрочных проектах с возможными рисками и ориентированы на принятие инноваций, которые бы гарантировались сохранением устойчивости управленческой деятельности, не приводили бы к организационным и кадровым перетряскам².

Можно говорить о том, что критерий взаимодействия субъектов социального управления в регионе с федеральным центром определяет необходимость выявления того, каким правовым статусом обладает конкретный социальный субъект и каковы горизонты планирования.

1 Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков., Бийжанова Э.К / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др. — Новый Хронограф Москва, 2015. — С. 104.

2 Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков., Бийжанова Э.К / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др. — Новый Хронограф Москва, 2015. — С. 127.

Это важно для понимания того, каков уровень готовности субъектов социального управления к принятию инновационных сценариев, рассчитанных на привлечение других субъектов социальной инновации.

Говоря об этом, важно то, что перед обществом стоит инновационный вызов. А. Вебер видит проблему в избрании имитационного пути модернизации, сильной переоценки возможностей рыночной самонастройки¹. Однако, здесь следует учитывать то обстоятельство, что влияние администрирования, связанного как раз с принятием модели социального и экономического развития как самонастройки, повлияло в большей степени на то, что сохраняется неинновационная модель отношений центра и региона, так как при осуществлении модернизационного сценария возникла бы ситуация, в которой регионы могли бы в стремлении к инновации породить риски отдаления от центра.

По классификации А. Вебера, российские регионы ограничены системой олигархического и бюрократического капитализма², но главная проблема состоит в том, что субъекты социального управления вынуждены контактировать и взаимодействовать с узкой группой, состоящей из представителей власти и госкорпораций. В этих условиях надежда на инновации мелких и средних предприятий, хотя частично и оправдана, в реальности в условиях кризиса создает эффект дороговизны заимствованных технологий и, практически приводит к тому, что возникшие инновационные структуры, хотя и повышают имидж региона, не могут считаться оформленными инновационными центрами.

Следующим критерием определения инновационной деятельности субъектов социального управления является соотношение локальной инициативы и инициативы федерального центра в осуществлении инновационных сценариев. Говоря о стратегии развития региона в условиях нестабильности можно подчеркнуть, что регионы прошли этапы экономического сепаратизма³ и реализация инновационных механизмов делают этот процесс безвозвратным, речь идет о том, что региональный сепаратизм возникает в условиях конкуренции в ресурсном поле и может использоваться в качестве шантажа федерального центра или означать неудовольствие сложившимися диспропорциями в распределении реальных доходов регионов.

Говоря о том, что субъекты социального управления испытывают влияние дилеммы стабильности\нестабильности, следует отметить некоторое пренебрежение возможностями межрегионального развития, складывания межрегионального сотрудничества, которое в большей степени обеспечивает эффективность распределения ресурсов для инновационного развития. Нынешняя ситуация не является зеркальным воспроизведением эпохи 90-х годов, так как социальное управление, при всех изъянах бюджетирования,

1 Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. - М.: Новый Хронограф, 2017. С. 88.

2 Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. - М.: Новый Хронограф, 2017. С.93.

3 Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. - М.: Новый Хронограф, 2017. С. 107.

основывается на достаточной нормативно-правовой базе и деятельности разветвленного экспертного сообщества. Что является дефицитом в этих условиях, так это неясность инновационных сценариев, которые бы могли стать модальными для осуществления инновационных проектов. При том, что есть лидеры инноваций, как московский мегаполис, следует учитывать значительный разрыв между ситуацией, сложившейся в Москве и других регионах России.

Субъекты социального управления акцентируют внимание на соизмеримость показателей финансирования, а также близости к федеральному центру. Отмечается избирательность применения нормативно-правовой базы. Можно надеяться на то, что принятый недавно закон о реновации станет пусковым механизмом в осуществлении инновационных программ по решению жилищной проблемы и в российских регионах. Однако, как показывает предшествующий опыт, московские инновации с трудом прививаются в других регионах России, что связано и с дифференциацией уровня модернизации регионов и с тем, что субъекты социального управления в регионе зависят от властных структур в центре, от того, что сложившаяся система социального управления содержит воспроизводство механизма зависимости от федерального центра.

Рассматривая критерий готовности субъектов социального управления в реализации социальных инноваций, следует обратить внимание на то, что для системы социального управления в России свойственно включение инноваций в методы стимулирующего воздействия, но при этом важным является сохранение административного ресурса. Можно ли, в связи с этим, инновации отнести к приказным институтам? Следует подчеркнуть, что принятые в середине 2000-х годов программы инновационного развития регионов были связаны с тем, чтобы отойти от модели расходования средств к схеме приращения ресурсов, переходу к реальной экономике.

Субъекты социального управления ориентировались на то, что инновационность воспринимается как самостоятельное направление в деятельности и ее масштабы соизмеряются с ориентиром на систему потребления. Поскольку на региональном уровне к этому времени не сформировался инновационный класс, что инновации воспринимались, прежде всего, как дело отдельных коллективов и даже одиночек, в ходу были такие качества как изобретательность и конструктивизм, субъекты системы управления ориентировались на энергичность в освоении средств. В сложившейся ситуации система социального управления имела ограничено стимулирующий характер, действовавший консенсус процветание в обмен на стабильность подтверждался неуклонно растущими доходами населения. Переход к режиму инновации требовал изменения структуры расходования финансовых ресурсов и в этом смысле субъекты социального управления удовлетворялись статусом уполномоченных по распределению финансовых ресурсов.

Для того, чтобы понять процесс внедрения и реализации инновационных стратегий можно было бы говорить о политике точечных приказов, но вместе с тем, для решения региональных проблем требовалась легитимация инновационной деятельности,

как возможного ориентира завершения трансформации российского общества. Поэтому, следующим важным критерием анализа субъектов инновационной деятельности является то, каковы изменения в структуре реализации поставленных целей, приоритетов и задач системы социального управления, как инновации реально влияют на определение вера целей социального управления.

Очевидно, что деятельность по инновационному развитию регионов, воспринимается как своего рода модный тренд, не оказавший влияние на переориентацию социального управления. Вместе с тем, если обратиться к оценкам конкретных мероприятий в регионах, в частности к реализации кластерных проектов и возможностей развития инвестиционной деятельности, то, как отмечают российские исследователи, включенность регионов в кластерную политику достигло к 2012 году 56% и оказались невключенными только 10% регионов¹. В этом смысле критерии инновационности нуждаются в уточнении, поскольку речь может идти не только о кластерной политике, но и о принятии иных стратегий инновационного развития.

Также как инвестиционная привлекательность региона не может быть достоверным показателем, в силу того, что более трети предполагаемых инвестиционных проектов практически не реализуются, остаются на бумаге. Это связано с тем, что недостаточно разработан инструментарий исследований инвестиционной готовности региона. Предложение инвестиционных проектов может быть привлекательным, но потенциальные инвесторы, прежде чем стать реальными, оценивают возможности по критерию собственной прибыли и не руководствуются альтруистической мотивацией. Особенно это касается иностранных инвесторов. Очевидно, что в такой ситуации система социального управления нуждается как в квалифицированных кадрах, так и в том, чтобы социально-экономическая структура региона была и восприимчивой и мобилизованной к восприятию социальных инноваций. В частности, речь идет о том, что в настоящее время фактор инвестиционной привлекательности резко снижается, когда обнаруживается, что не хватает кадрового потенциала для решения инновационных задач, также, как и действуют кредитные ограничители и существуют барьеры на пути доступа к зарубежным технологиям.

В совокупности, таким образом можно говорить о том, что система социального управления, ориентированная на принятие управленческих решений, связанных с стабильностью, повышением качества жизни населения, не фокусирует свои управленческие задачи на подготовке кадрового потенциала к решению инновационных проблем. Отказываясь от идеи единичных инноваций, можно говорить об эффекте запуска изменений, об отборе инноваций, способных вытянуть регион, или сделать подвижки по повышению коэффициента модернизированности. В современных условиях важным также является оценка влияния организационных факторов на реализацию разработки и внедрения социальных инноваций, поэтому так важно учитывать то, что реальные и потенциальные субъекты инновационной

¹ Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков., Бийжанова Э.К / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др. — Новый Хронограф Москва, 2015. С. 145.

деятельности, структуры социального управления не сформировали модели подбора участников инновационного процесса, также как остается проблемой возможность экспериментальной обкатки социальных инноваций, реализации пилотных проектов. Отмечая эти обстоятельства, можно говорить о том, что субъекты социального управления в российском региональном пространстве освоили идею инновационного развития, но отсутствует технологический задел, модальные методы организационных изменений и классификация социальных инноваций по критерию ресурсности.

Рассматривая, таким образом, инновационную деятельность социального управления в регионах, следует отметить, что в силу указанных выше факторов, основным субъектом инновационной деятельности выступают государственные структуры, что в рамках реализации инноваций формируются приказные институты, что включение новых институциональных акторов сопряжено с трудностями их взаимодействия с государственными органами. В то же время, в деятельности негосударственных субъектов в социальной инновации просматривается тренд к реализации частных интересов и недостаточный потенциал может использоваться для имитационных инноваций. Речь идет о том, что надежды на мелкий и средний бизнес концептуально могут быть безупречны, ориентироваться на их гибкость, быструю мобильность, но в условиях, когда тренд задают государственные структуры и госкорпорации, социальные инновации реализуются в виде мегапроектов, что же касается локальных проектов, проектов, связанных с инновационными нововведениями в отдельных сегментах регионального социума, ситуация не может быть охарактеризована однозначно.

Система социального управления, в рамках структурно-функциональной модели, до сих пор направлена на повышение уровня адаптации населения и инновационные программы воспринимаются в качестве дополнительных к основному тренду. Что же касается включения организационных механизмов, есть трудности, связанные с тем, что система управления не сформирована под инновацию и не предусматривает включение мобильных рабочих групп, также, как и формирование экспертных советов по инновационным проблемам имеет консультативный характер и не включается в систему стимулирования управленческой деятельности.

Кластерная политика не оправдала себя в полной мере, поскольку была нацелена на статичные показатели высоких доходов государства и беспрепятствование заимствование зарубежных технологий. В кластерную политику не закладывалась генерация идей, создание новых отечественных технологий, также, как и действующие до сих пор отраслевые кластеры оправдывают себя по критерию специализации, но не несут повышения инновационной мобильности в регионе. Учитывая это обстоятельство можно говорить о том, что социальная инновационность, хотя и превратилась в схему виртуального позиционирования субъектов управления, в то же время, практически 84% официальных порталов правительства регионов не формируют и не указывают свои цели¹.

¹ Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов,

В целом складывается ситуация, в которой прослеживается позиционирование намерений, но не ожидание реальных результатов. Субъекты социального управления включены в систему инновационной деятельности центра, но при этом не проявляют самостоятельную инициативу, не предлагают возможных альтернатив в условиях свертывания инновационных программ из-за недостатка финансирования. Иногда создается впечатление, что инновация является не более, чем модным трендом, хотя с инновационной политикой в середине 2000-х годов связывались достаточно серьезные намерения по повышению модернизационности регионов. Осознавая сложность ситуации можно говорить о том, что анализ инновационной деятельности субъектов социального управления к каковым, как отмечалось выше, относятся государственные структуры, бизнес структуры и в меньшей степени гражданские ассоциации, есть необходимость рассматривать совокупность заявленных критериев как имеющих определенную объяснительную аналитическую силу.

Специфика инновационной деятельности субъектов социального управления в российских регионах состоит в том, что действует, как правило, опыт предшествующего периода, на который накладывается инновационная активность, в основном спускаемая сверху. Критерии оценки инновационности регионов включают нормативные показатели, но не отражают реальное региональное пространство, в котором есть дифференциация показателей, связанная с традициями региона, с особенностями социально-экономического развития, социальной и этносоциальной структурой, социально-демографическим потенциалом. Действующая до сих пор схема бюджетирования привязывает субъектов социального управления к показателям экономики и недоосвоенность средств, направленных на инновационное развитие в регионе, показывает, что есть проблема дефицита инновационных ниш в региональном пространстве. Реально регионы воспроизводят ситуацию, связанную с ограниченным числом инноваций в сфере создания индустриальных и туристических кластеров.

В понимании проблем, стоящих в контексте социально-инновационной деятельности в российских регионах субъекты социального управления, исходят из сложившейся ситуации, из того, что проблемы инновации являются полезным делом, но их применение каузально, обусловлено поддержкой федерального центра и воспроизводством позиций субъектов управления, сохранения контроля над вносимыми изменениями. Такая управленческая парадигма в целом связана с особенностями государственно-политической системы России, отношениями регионов и федерального центра, а также тем, что в российской экономике действует консервативный экономический уклад, курс на формирование экономики рентного типа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Россия регионов. В каком социальном пространстве мы живем. М.: Поматур, 2005.

2. Региональная социология: проблемы консолидации

чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков., Бийжанова Э.К. / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др. — Новый Хронограф Москва, 2015. С. 144.

социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков., Бийжанова Э.К / М. Горшков, В. Маркин, А. Дмитриев и др. — Новый Хронограф Москва, 2015.

3. Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. - М.: Новый Хронограф, 2017.

4. Кириллов В.В. Государственная служба как объект социологического исследования // Вестник Чувашского университета. 2006. № 5.

5. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / Горшков М. К., - Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Новый хронограф, 2016.

6. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. / Горшков М. К. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Новый хронограф, 2016.

7. Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002.

8. Маркин В.В. Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Markin_Regionalnaya.pdf.

REFERENCES

1. Russia regions. What a social space we live in. [*Rossiya regionov. V kakom social'nom prostranstve my zhivem.*] М.: Pomatur, 2005.

2. Regional sociology: problems of consolidation of social space in Russia [*Regional'naya sociologiya: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii*] / resp. ed. V. V. Markin. Red. Board: M. K. Gorshkov, V. V. Markin, V. V. Voronov, CHL.-Corr. RAS A. V. Dmitriev, N. And. Lapin, A.V. Tikhonov, A. N. Chumikov., Bizhanova E. / M. Gorshkov, V. Markin, A. Dmitriev, etc. — New Chronograph Moscow, 2015.

3. Reforming Russia: Yearbook: vol.15 [*Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: vyp.15*] / Resp. edited by M. K. Gorshkov. - М.: New Chronograph, 2017.

4. Kirillov V. V. Public service as an object of sociological research. [*Gosudarstvennaya sluzhba kak ob"ekt sociologicheskogo issledovaniya*] Bulletin of Chuvash University. 2006. No. 5.

5. Gorshkov M. K. Russian society as it is : (experience of sociological diagnostics). In 2 vol. 1. [*Rossijskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoy diagnostiki).* V 2 t. T. 1.] / Gorshkov M. K., - Ed. 2nd, pererab. I DOP. - М.: New chronograph, 2016.

6. Gorshkov M. K. Russian society as it is : (experience of sociological diagnostics). In 2 vols 2. [*Rossijskoe obshchestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoy diagnostiki).* V 2 t. T. 2.] / Gorshkov M. K. - Ed. 2nd, pererab. I DOP. - М.: New chronograph, 2016.

7. Where goes Russia? Formal institutions and real practices [*Kuda idet Rossiya? Formal'nye instituty i real'nye praktiki*] / under the General ed. T. I. Zaslavskaya. Moscow: MSSSES, 2002.

8. Markin V. V. Regional sociology: problems of social identification and modeling of Russian regions. [*Regional'naya sociologiya: problemy social'noj identifikacii i modelirovaniya rossijskih regionov*] [Electronic resource.] - URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Markin_Regionalnaya.pdf.

ДЕНИСОВА
Галина Сергеевна
д. социол. н., профессор,
Южный федеральный
университет (ЮФУ),
Ростов-на-Дону, Россия
denigs@aaanet.ru

DENISOVA
Galina Sergeevna
Doctor of Sociological Scienc-
es, Professor, Southern Federal
University (SFEDU), Rostov-on-
Don, Russia
denigs@aaanet.ru

ЛУБСКИЙ
Анатолий Владимирович
д. филос. н., профессор,
Южный федеральный
университет (ЮФУ),
Ростов-на-Дону, Россия
n_lav@mail.ru

LUBSKY
Anatoliy Vladimirovich
Doctor of Philosophy, Professor,
Southern Federal University
(SFEDU), Rostov-on-Don,
Russia
n_lav@mail.ru

ВОЙТЕНКО
Валерия Петровна
к. филос.н., Южный
федеральный университет
(ЮФУ), Ростов-на-Дону,
Россия
leravvp@mail.ru

VOYTENKO
Valeria Petrovna
Ph.D., Southern Federal Uni-
versity (SFU), Rostov-on-Don,
Russia
leravvp@mail.ru

Институциональные практики межэтнического взаимодействия в региональных сообществах на Юге России: возможности использования их потенциала в укреплении общероссийской идентичности^{1/} Institutional practices of interethnic interaction in regional communities in the South of Russia: opportunities to use their potential in strengthening the all-Russian identity

Аннотация

В статье анализируются формальные и неформальные институциональные практики, межэтнического взаимодействия в региональных сообществах на Юге России, обусловленные нормативными правовыми актами и когнитивными нормами, сложившимися в социальных коммуникациях, обусловленных этнокультурными традициями. Выявляются возможности использования позитивного опыта этих практик в укреплении общероссийской идентичности на основе синтеза государственно-гражданского и этнонационального сознания в полиэтнических регионах России.

¹ Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-03-00545-ОГН «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

Ключевые слова

Общероссийская идентичность; этническая идентичность; государственно-гражданская идентичность; формальные институциональные практики межэтнического взаимодействия; неформальные институциональные практики межэтнического взаимодействия; региональные институциональные практики межэтнического взаимодействия.

Abstract

The article analyzes the formal and informal institutional practices, interethnic interaction in regional communities in the South of Russia, due to normative legal acts and cognitive norms that have developed in social communications, due to ethno-cultural traditions. The possibilities of using the positive experience of these practices in strengthening the all-Russian identity on the basis of the synthesis of state-civil and ethno-national consciousness in the multi-ethnic regions of Russia are revealed.

Keywords

All-Russian identity; state-civil identity; ethnic identity; regional communities; formal institutional practices of interethnic interaction; informal institutional practices of interethnic interaction.

В настоящее время в России сформировалась полиэтничная политическая нация, объединяющая граждан Российской Федерации, и сложилась национальная идентичность, получившая в научном дискурсе название государственно-гражданской¹, или национально-государственной². Возникновение в российском обществе государственно-гражданской идентичности было обусловлено, с одной стороны, консервативным поворотом в массовом сознании россиян на рубеже веков³, а с другой – этатистско-патерналистскими структурами их ментальных программ⁴. Государственно-гражданская идентичность, основу которой составляют государственное самосознание индивидов и этатистская культура, предполагающая прежде всего лояльность по отношению к государству⁵, является характерной для свыше 80% населения страны⁶. При этом исследователи отмечают, что представление «мы – граждане России» воспринимается как русскими, так и людьми других национальностей практически в равной степени⁷.

1 Дробижина Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 17–18.

2 Лубский Р.А. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 156–157.

3 Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2016. С. 406.

4 Lubskey A.V., Kolesnykova E.Y., Lubskey R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 16. P. 9549–9559.

5 Дробижина Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4–5. С. 17–18.

6 Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): В 2 т. Т. 1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. С. 300.

7 Дробижина Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние // Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. М.: Весь мир, 2015. С. 180.

Однако доминирование государственно-гражданской идентичности не снимает с российской «повестки дня» вопроса об актуальности в современной России и этнической идентичности, которая является преобладающей в полиэтнических регионах среди представителей титульных национальностей¹. При этом одни исследователи считают, что этническая идентичность в полиэтнических регионах составляет в определенном смысле конкуренцию государственно-гражданской идентичности в России². Однако другие исследователи обращают внимание на то, что вопрос о противоположности этнической идентичности, несмотря на высокий уровень ее распространения, и государственно-гражданской идентичности в настоящее время теряет остроту. Это связано с тем, что ощущение близости с гражданами России у большинства россиян, как отмечают исследователи, в значительной степени совмещается с их этнической идентичностью. Так, согласно результатам социологических исследований, 94% из тех, кто чувствует себя гражданами России, ощущает также общность и с людьми своей национальности. Причем с гражданами России ассоциируют себя и 91% респондентов с актуализированной этнической идентичностью. Основаниями совместимости этнической и государственно-гражданской идентичностей в российском обществе выступают, как считают исследователи, прежде всего государственность, русский язык и общая территория³.

В современной государственной национальной политике особое внимание уделяется усилению единства многонационального народа России (российской нации) и укреплению общероссийской идентичности как основы консолидации полиэтнического российского общества. Однако укрепление общероссийской идентичности является, как подчеркивают исследователи, «делом не из легких», поскольку речь идет не столько о «соблюдении паритета» между принадлежностью к российскому народу и определенному этносу, сколько о синтезе государственно-гражданского и этнонационального сознания, не обезличивающим при этом национальные языки и культуры⁴.

Анализ научной литературы, посвященной национальной политике Российской Федерации, показывает, что у исследователей сложилось критическое отношение к проводимой политике по регулированию межэтнических отношений в России⁵. Позитивно оценивая такие основополагающие целевые ориентиры национальной политики, как «укрепление общероссийского гражданского самосознания» и «сохранение этнокультурного многообразия», исследователи отмечают, что в «Стратегии» отсутствует «должная проработка механизма обеспечения взаимосвязи, с одной стороны, общероссийского гражданского самосознания и основанного на нем национального единства, с дру-

1 Общероссийская идентичность: незавершенный проект и новая повестка дня: Монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2017. С. 6.

2 Авксентьев В.А., Аксумов Б.В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 32–35.

3 Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 1. С. 301–304.

4 Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 1. С. 312–313.

5 Виноградова Е.А., Носова Н.П. Реализация современной национальной политики в Российской Федерации: проблемы и противоречия // Academy. 2016. № 6 (9). С. 106–109.

гой – этнокультурного многообразия¹. В связи с этим исследователи считают, что «эффективность современного государственного курса в проведении национальной политики также зависит и от того, насколько эффективно общегражданская идентичность будет сочетаться с этнической идентичностью»². Кроме того, некоторые исследователи, обращая внимание на то, что в национальной политике не был сформулирован основной вектор этнонационального развития³, отмечают неэффективность имеющихся институтов этнонациональной политики⁴.

Различные аспекты институциональных практик межэтнического взаимодействия на Юге России уже были предметом различных научных исследований⁵. При этом особое внимание уделялось формальным институциональным практикам, связанным с управлением в сфере этносоциальных отношений⁶ и разрешением межэтнических конфликтов⁷, а также неформальным институциональным практикам, направленным на профилактику национализма и ксенофобии в этнических сообществах⁸ и развитие диалоговых форм межэтнического взаимодействия⁹. Однако изучение потенциала институциональных практик межэтнического взаимодействия в региональных сообществах на Юге России и возможностей его использования в укреплении общероссийской идентичности как основы консолидации российского общества еще не рассматривалось в качестве задачи специального научного исследования. Решение этой задачи имеет особую значимость в условиях, когда укрепление общероссийской идентичности в условиях виртуализации социального пространства¹⁰ иногда приобретает не столько практиче-

1 Frolova A.S., Lubsky A.V., Posukhova O.Y., Serikov A.V., Volkov Y.G. Ideological grounds for Settlement of Inter-Ethnic Relations in Modern Russia: Competition of Ideas and Ideology of Humanism // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Т. 6. № 4. P. 58-63.

2 Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционность и новые подходы к укреплению единства многонационального народа России (российской нации) // *Вестник БИСТ*. 2013. № 5 (21). С. 59.

3 Кузиванова О.Ю. Национальная политика России: институциональное измерение // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2014. № 6 (72). С. 111–113.

4 Шаббаев Ю.П., Садохин А.П. Стратегические вызовы и локальные модификации в реализации государственной национальной политики Российской Федерации // *Вестник Российской нации*. 2014. № 6. С. 223; *Ратленд П.* Присутствие отсутствия: об этнической политике в России // *Полис*. 2011. № 2. С. 172–189.

5 Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. С. 128–135.

6 Этносоциальные процессы: региональное измерение / гл. ред. Р.Д. Хунагов; ред. А.Ю. Шадже, С.А. Ляшueva. Майкоп: Качество, 2015. 162 с.

7 Аставацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг межэтнических конфликтов в Северо-Кавказском регионе. Усманов Р.Х., Тажиев Н.М. Конфликтотенные факторы и новые вызовы этнополитической стабильности южных регионов России и Прикаспия // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2013. № 3 (36). С. 188–197.

8 Аставацатурова М.А., Казиев Т.А. Профилактика национализма и ксенофобии в сообществах Северо-Кавказского федерального округа // *Вестник Эссентукского института управления, бизнеса и права*. 2014. № 8. С. 7–9.

9 Ляшueva С.А., Шадже А.Ю. Диалог: методология формирования межэтнического согласия в регионе // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 9. С. 150–157.

10 Лубский А.В. Социальные науки и социальная реальность: к вопросу погружения в виртуальность // *Научная мысль Кавказа*. 2011. № 4 (68). С. 19–28.

ский, сколько риторический характер.

В современной научной литературе существуют самые различные представления о том, что собой представляет общероссийская идентичность и какие факторы могут способствовать ее укреплению в современной России¹. Однако при этом в мультипарадигмальных научно-исследовательских практиках постоянно ускользает восприятие общероссийской идентичности как целостной социальной реальности. Это предполагает разработку многомерного методологического конструкта междисциплинарного научного изучения общероссийской идентичности и возможности ее укрепления, используя потенциал институциональных практики межэтнического взаимодействия в полиэтнических регионах России.

В рамках многомерного методологического конструкта общероссийская идентичность, или самоотождествление россиян с российской нацией рассматривается с позиций конструктивного реализма как результат информационного воздействия и культурной актуализации. Общероссийскую идентичность можно представить в виде такой ее многомерной модели, в которой универсальным компонентом является государственно-гражданская идентичность как коллективная идентичность, возникшая в процессе формирования полиэтнической политической нации, а наиболее значимые партикулярные компоненты этой модели представлены национально-гражданской и этнонациональными идентичностями, носящими соответственно «искусственный» и «естественный» характер.

Институциональные практики в сфере межэтнических отношений представляют различные репертуары этнических взаимодействий, обусловленных формальными и неформальными институтами², состоящими, как отмечают неинституционалисты, «из формальных писанных правил и обычно неписанных кодексов поведения», лежащих глубже формальных правил и дополняющих их³. Институциональные практики, с одной стороны, связаны с интернализацией институтов путем их перевода как норм в институты как когнитивные образования, с реализацией институтов как когнитивных конструктов в этнических взаимодействиях, а также с переинтерпретацией институтов как когнитивных образований в процессе этнических интеракций. С другой стороны, институциональные практики связаны с экстернализацией институтов как когнитивных образований, порождающей трансформацию старых или формирование новых неформальных и формальных институтов как норм этнического взаимодействия. Потенциал формальных и неформальных институциональных практик межэтнического взаимодействия раскрывается в возможностях создавать социальные условия в региональных сообществах для укрепления общероссийской идентичности.

1 Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: Монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. С. 6–11

2 Лубский А.В., Бойко Л.И., Волков Ю.Г., Герасимов Г.И., Касьянов В.В., Леусенко Д.А., Маринов М.Б., Мерзаканов С.А., Немчина В.И., Перов Г.О., Плотникова Т.В., Попов М.Ю., Шевелев В.Н., Чернобровкина Н.И. Социология: Словарь-справочник. М.: Краснодар: Диапазон, 2006. С. 64.

3 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 19.

В региональных сообществах на Юге России особое значение придается формальным институциональным практикам межэтнических взаимодействий¹. При этом особое значение имеет Конституция Российской Федерации, провозгласившая принцип равноправия и самоопределения народов, реализуемый на основе сохранения исторически сложившегося государственного единства. Вторая часть Конституции определяет защиту гражданских прав и свобод личности, независимо от половых, возрастных, этнокультурных и религиозных характеристик личности как основополагающую ценность российской государственности, а также гарантирует права на выбор этнокультурной и религиозной самореализации². На достижение этой цели направлены ряд конституционных норм, выделяющих специфику национально-территориального самоопределения народов России, а также закрепляющих региональный статус национальных языков. Институциональные практики межэтнических взаимодействий в региональных сообществах обусловлены также «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»³ и государственной программой Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»⁴,

До недавнего времени деятельность региональных органов власти по регулированию межэтнических отношений и реализации «Стратегии государственной национальной политики» была составной частью более широких программ. Например, в Краснодарском крае она входила в краевую программу «Региональная политика и гражданское общество», в Кабардино-Балкарии – в республиканскую программу «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской республике», аналогичная ситуация была в других субъектах. В последние годы в субъектах Российской Федерации на Юге России на региональном уровне разрабатываются, обсуждаются и утверждаются региональные концепции национальной политики. В 2015 г. такая концепция была принята Правительством Астраханской области⁵. В 2017 г. на II Конгрессе народов Дона был выдвинут на обсуждение проект Концепции национальной политики в Ростовской области⁶. В Краснодарском крае с 21 февраля по 7 марта 2018 г. департамент

1 Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Регулирование межэтнических отношений: формирование ценностной политики и региональные практики управления в современной России // *Власть*. 2017. Т. 25. № 7. С. 13–22.

2 Новая редакция Конституции РФ с изменениями на 2018 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutionrf.ru/>

3 Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>

4 Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 1532 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/programs/478/events/>

5 Постановление Правительства Астраханской области от 05.07.2010 № 275-П «О концепции государственной национальной политики в Астраханской области». [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon-region.ru/astrahanskaya-oblast/3121/>

6 Концепция региональной национальной политики вынесена на обсуждение общественности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.donland.ru/news/Koncepciya-regionalnoy-nacionalnoy-politiki-vynesen-na-obsuzhdenie-obshhestvennosti?pageid=92218&mid=83793&itemId=80346>

внутренней политики провел общественное обсуждение проекта «Стратегии национальной политики Краснодарского края¹. Указанные проекты региональных концепций национальной политики направлены на сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, проживающих в субъектах Юга России, укрепление их духовной общности, содействие социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, гармонизацию межнациональных и межрелигиозных отношений. Разработка этих стратегий выступает нормативным документом, координирующим взаимодействие органов исполнительной власти региона, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере реализации государственной национальной политики на региональном уровне.

Усилия Правительство Российской Федерации и региональных органов власти по стабилизации межэтнических отношений, привлечению к их регулированию институтов гражданского общества выразились в заметном снижении напряженности в сфере межэтнических взаимодействий, которое фиксируется мониторинговыми исследованиями во всех федеральных округах, начиная с 2013 года². Этот эффект был вызван также активном продвижением политики консолидации поликультурного российского общества на платформе интеграции общероссийских и этнокультурных ценностей, утверждения и достижения культурного многообразия в повседневной жизни российского общества. На эти цели направлено финансирование мероприятий по реализации «Стратегии государственной национальной политики» во всех регионах России.

Позитивные результаты такой политики, также как и усиление консолидации российского общества, вызванный историческим событием, связанным с воссоединением Крыма с Россией, и реализацией таких масштабных проектов, как проведением Зимних Олимпийских Игр «Сочи-2014», Чемпионата мира по футболу в 2018 г., проявились в росте государственно-гражданской идентичности, который фиксируется по всем регионам России. Выступая 17 января 2018 г в Государственной думе, руководитель Федерального агентства по делам национальностей И.Баринов отметил, что в стране «фиксируется самый высокий уровень общегражданской идентичности и стабильная положительная динамика в сфере межнациональных отношений... 96 % опрошенных россиян считают отношения между представителями различных вероисповеданий нормальными и доброжелательными. Только 3 % считают весьма вероятным межнациональное или межрелигиозное противостояние в России»³.

1 Стратегия реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Краснодарском крае на период до 2025 года (Проект). [Электронный ресурс]. URL: <http://krasnodar.ru/content/591/show/423823/>

2 Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Оценка населением Юга России характера межэтнических отношений в период реализации Стратегии национальной политики // ПОИСК: политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2016. № 6. С. 118–130.

3 Баринов И.В. Стабильная положительная динамика ключевых показателей межнациональных отношений. [Электронный ресурс]. URL: <http://gosobzor.ru/2018/01/17/igor-barinov-v-rossii-stabilnaya-polozhitel'naya-dinamika-ključevyx-pokazatelej-mezhncionalnyx-otnoshenij/>

Анализ политического поля в полиэтничных регионах России, обладающих статусом республик, показывает, что принятые конституционные нормы не препятствуют воспроизводству этностатусной структуры населения в региональных органах государственной власти, а следовательно, и воспроизводству стереотипного восприятия этничности как формы групповой консолидации, обладающей высоким социально-мобилизационным потенциалом¹. Об устойчивости эссенциалистской трактовки этничности свидетельствует и профессиональный дискурс ученых в полиэтничных регионах², и массовые опросы, в которых основой для восприятия «Другого» и «Чужого» часто выступают именно этнокультурные (включая религиозные) характеристики³. Поэтому даже при достигнутых позитивных результатах стабилизации межэтнических отношений доминанта этнического самосознания резко реагирует на любые вопросы, затрагивающие этнокультурный компонент. Это наблюдалось, например, летом 2018 г. при обсуждении поправок в Закон «Об образовании», согласно которым «Родной язык» сохранили в обязательной части школьной программы, но в список родных языков был введен также и русский язык; а обязательное обучение «родному языку» сопровождается необходимостью обеспечения для учащихся выбора изучения родного языка. Рассматриваемая ситуация в очередной раз напомнила актуальность определения этничности как «спящей» идентичности.

Чувствительность общества к этническому фактору требует повседневной работы по укреплению межэтнической солидарности с опорой на позитивные неформальные институциональные практики межэтнического взаимодействия, поскольку формальные правила вводятся и изменяются политическими акторами, однако реализация этих правил имеет неформальные ограничения. Они укоренены в традиционных структурах – обычаях, традициях и кодексах поведения, которые имеют этнокультурное содержание. Эти правила, регулирующие социальное поведение, не прописаны как обязывающие нормы, исполнение которых контролируется санкциями. Тем не менее, эти нормы также имеют обязывающую силу, в первую очередь, в сфере повседневной жизни.

Юг России отличается значительным этнокультурным разнообразием региональных сообществ. Исторически сформировавшиеся здесь неформальные практики межэтнического взаимодействия характеризуются устойчивостью и поэтому привлекают внимание исследователей. Так, изучая влияние неформальных институтов на формальные институты в экономической сфере, исследователи выделяют такие неформальные институты, которые, во-первых, выступают «смазкой» между формальными институтами; во-вторых,

1 Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. С. 93–94.

2 Имплементация зарубежных моделей национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений в российских условиях: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. С. 282–292.

3 Григорьева К.С. Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края)//Мир России. 2017. № 1. С. 81–102.

являются инструментом реализации формальных договоренностей, в-третьих, вытесняют формальные институты¹. Выделенные три группы неформальных институциональных практик наблюдаются также и в сфере регулирования межэтнических взаимодействий. Если неформальные институциональные практики второй и третьей групп подлежат выявлению и включению в сферу правового регулирования, то институциональные практики первой группы выступают естественной основой укрепления общероссийской идентичности.

Остановимся более подробно на их описании, которое встречается в исследовательской литературе. Так, некоторые исследователи, изучая опыт совместного проживания карачаевцев и русских (в том числе, казаков) в Карачаево-Черкесии, отмечают, что, не смотря на элементы культурного заимствования (межкультурного обмена), в республике не сформировалась тенденция культурной ассимиляции. Но, проживая по соседству (Урупский и Зеленчукский районы) представители этих этнических групп выработали неформальные практики взаимодействия, направленные на предотвращение межэтнических конфликтов. К ним можно отнести деятельность православных храмов и мусульманских мечетей, которые сознательно вовлекают в религиозные праздники и ритуалы представителей разных религий, оказывают поддержку нуждающимся независимо от их этнорелигиозной принадлежности; лояльно относятся к изучению истории смежной религии в школьных программах. Не менее важна деятельность образовательных организаций в формировании у учащихся интереса к истории и культуре народов региона. Интерес представляют также установки родителей отдавать детей в школы со смешанным национальным составом, где существенно ниже конфликтность среди подростков разной национальности и снижается стремление их группироваться по этническому принципу. Отмечает также проявление достаточно тесных межэтнических контактов не только в школьном образовании, но в «местном самоуправлении, малом бизнесе (работа на торговых точках, на полях), сделках (аренда и продажа паев, продажа скота и т.п.)»². К такого рода практикам в Карачаево-Черкесии побуждают не нормативные правовые акты, а неформальные институты, которые заполняют «пустоты», существующие между формальными институтами.

К неформальным практикам, укрепляющим функционирование формальных институтов, можно отнести также низовые инициативы, направленные на самоорганизацию и позиционирование этнокультурных интересов в рамках национально-культурных автономий или национально-культурных центров. Анализ деятельности таких этнокультурных общественных организаций в республиках Северного Кавказа показывает их постепенный переход от оппозиции по отношению к органам региональной власти к сотрудничеству с ними. В связи с этим исследователи отмечают, что «выступившие в 1990-е годы как катализаторы межэтнической напряженности черкесские и балкарские организации в последствии постепенно интегрировались

¹ Барсукова С.Ю. Неформальные практики в реализации национального проекта АПК//Социологические исследования. 2008. № 3. С. 43–51.

² Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: Изд-ий дом «Регнум». 2012. С. 86–102.

в республиканский истеблишмент. Многие идеологии национальных движений (в первую очередь, черкесского) были восприняты властями республики как официальные»¹. Лидеры различных национально-культурных организаций внесли большой вклад в деполитизацию их деятельности и ее переориентирование в русло развития этнической культуры.

Инициативно работающие национально-культурные автономии, вступив в диалог с органами государственной власти, стали учреждать субъектах Российской Федерации различные межэтнические ассоциации – общественные палаты, координационные советы по делам национальностей, Казачьи круги, Советы старейшин. Анализ деятельности национально-культурных организаций позволяет выделить такие ее проблемы, как ограниченность финансовых, символических и социальных ресурсов, что ослабляет их влияние на этнические группы; внутригрупповая конкуренция и борьба за лидерство; повышенный контроль за деятельностью этих организаций со стороны государства²

Вместе с тем эти организации выступили в качестве диалоговых площадок для обсуждения актуальных проблем межэтнических взаимодействий власти и национально-культурных объединений³. Благодаря вовлечению этнических активистов в эти организации удалось снизить потенциал межэтнической напряженности в полиэтнических регионах на Юге России. Постоянное взаимодействие национально-культурных организаций обеспечивает проникновение этнического компонента в организацию общероссийских национальных праздников – Дня России, Дня народного единства, Дня государственного флага, празднования Дня Победы и народного шествия «Бессмертный полк».

Еще один вид неформальных институциональных практик межэтнических взаимодействий проявляется на уровне межличностного сотрудничества представителей различных этнических групп в повседневной жизни, где, согласно коммуникативной теории, рост разнообразия и объема связей, стимулирует интеграцию индивидов на межкультурном уровне.

При изучении общественного мнения по поводу состояния межэтнических отношений, используется, как правило, инструментарий, ориентированный на оценку их конфликтогенного потенциала⁴. Однако не менее важным является изучение позитивного

1 Акиева С. Роль национально-культурных центров в сохранении межэтнической стабильности в Кабардино-Балкарии // Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения этнических конфликтов / (ред. В.Ю. Зорин, В.В. Степанов. М.: МЭА РАН, 2013. С.61.

2 Аствацатурова М.А. Национально-культурное самоопределение в системе межэтнических и этноконфессиональных отношений. Общественные инициативы // Гражданские инициативы в сфере этнической политики: возможность посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2013. С.89–90.

3 Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Публичный диалог как основа ценностной политики в сфере межэтнических отношений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 2. С. 147–153.

4 Кузнецов И.М. Баланс межэтнических установок как индикатор состояния межнациональных отношений // Мир России. 2017. № 1. С. 58–80.

опыта межэтнических взаимодействий. В частности, такая задача ставилась в социологическом исследовании характера межэтнических взаимодействий, которое было проведено в 2017 г. во всех муниципалитетах Ростовской области¹. В рамках анкетного опроса респондентам был задан вопрос о позитивном опыте взаимодействий в различных сферах жизни в регионе (см. табл. 1).

Табл. 1. Опыт взаимного сотрудничества с представителями других этнических групп в следующих сферах (%)

Позиции	Всего 12000 чел.	Русские 9506 чел.	Армяне 557 чел.	Турики 160 чел.	Чеченцы 90 чел.	Народы Дагестана. 139 чел.
Помогали друг другу в учебе	9	7	12	6	1	7
Помогали в домашних делах	18	16	35	41	22	28
Имеем совместное дело, вместе работаем	34	30	45	41	43	42
Помогаем в трудных жизненных ситуациях	27	25	41	46	36	54
Вместе отдыхаем, занимаемся спортом	14	10	21	14	10	25
Помогали друг другу в армии	7	6	8	3	2	13
Приглашаем друг друга на дни рождения, свадьбы, похороны	20	18	42	38	20	32
Приглашаем друг друга на национальные праздники	6	8	21	19	14	22
Участвуем в религиозных праздниках друг друга	2	2	8	7	7	7
Такого опыта нет	31	35	9	16	31	15

В среднем, около трети представителей этнических групп, которые в недавнем прошлом (в 90-е и 2000-е годы) в разных районах Ростовской области имели опыт конфликтных ситуаций, отметили сотрудничество в сфере трудовой деятельности, в трудных жизненных ситуациях, пятая часть отметила опыт сотрудничества в домашних делах и совместные домашние праздники.

Национальная политика Российской Федерации, направленная на укрепление общероссийского гражданского самосознания и сохранение этнокультурного многообразия народов России, создает необходимые институциональные условия для развития как формальных, так и неформальных практик межэтнического взаимодействия и использования их потенциала для укрепления общероссийской идентичности. Вместе с тем еще нуждается

¹ Денисова Г.С., Герман М.А., Денисов В.И., Суций С.Я. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области. Ростов н/Д: «Фонд науки и образования». 2018. С. 54–76.

в теоретическом осмыслении потенциал межэтнического сотрудничества в плане укрепления общероссийской идентичности на основе синтеза государственно-гражданского и этнонационального сознания в полиэтнических российских регионах. Укрепление общероссийской идентичности на основе общих публичных ценностей, не обезличивающих национальные языки и культуры, способствует с одной стороны, преодолению негативных этнических стереотипов, с другой – консолидации локальных сообществ в полиэтнических регионах России. В связи с этим следует согласиться с Л.М. Дробижевой, которая считает, что «в условиях, когда задействованы когнитивная и регулятивная составляющие межэтнических установок, представления, связанные с гражданской идентичностью (приоритет закона, права человека, осознание общих интересов, ответственность за ситуацию в стране), начинают «тормозить» негативное восприятие межэтнических взаимодействий»¹. Вместе с тем, следует отметить, что мобилизация позитивного опыта межэтнического взаимодействия в виде формальных и неформальных институциональных практик оказывает в свою очередь влияние на укрепление общероссийской идентичности.

В связи с этим использование потенциала формальных и неформальных институциональных практик в сфере межэтнических взаимодействий на уровне региональных сообществ предполагает активизацию деятельности по следующим направлениям. Во-первых, надо особое внимание уделить разъяснительной работе с населением страны и особенно полиэтнических регионов, объясняя, что Россия – это «нация наций», а общероссийская идентичность является надэтнической идентичностью, а нациями были, есть и будут оставаться все российские народы, обладающие этим статусом в соответствии с Конституцией. Во-вторых, большое значение имеет деятельность, направленная на сохранение этнокультурного многообразия в российском обществе, чему должно способствовать межкультурное взаимодействие на основе общих публичных ценностей, универсальных для всего полиэтнического российского общества. В-третьих, особое значение имеет переход в сфере межэтнических отношений к ценностной политике и гуманитарным технологиям, основанным на диалоге представителей органов государственной власти, политических, гражданских и этнических сообществ по поводу содержания общих публичных ценностей, таких, например, как социальная справедливость, правое равенство, свобода, солидарность, вера, Родина, патриотизм.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4.

2. Аккиева С. Роль национально-культурных центров в сохранении межэтнической стабильности в Кабардино-Балкарии // Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности

¹ Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1. С.27.

посредничества гражданских структур в деле предупреждения этнических конфликтов / (ред. В.Ю. Зорин, В.В. Степанов. М.: МЭА РАН, 2013.

3. Аствацатурова М.А. Национально-культурное самоопределение в системе межэтнических и этноконфессиональных отношений. Общественные инициативы // Гражданские инициативы в сфере этнической политики: возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2013.

4. Аствацатурова М.А., Казиев Т.А. Профилактика национализма и ксенофобии в сообществах Северо-Кавказского федерального округа // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2014. № 8.

5. Барinov И. В России стабильная положительная динамика ключевых показателей межнациональных отношений. [Электронный ресурс]. URL: <http://gosobzor.ru/2018/01/17/igor-barinov-v-rossii-stabilnaya-polozhitelnaya-dinamika-klyuchevykh-pokazatelej-mezhnacionalnykh-otnoshenij/>.

6. Барсукова С.Ю. Неформальные практики в реализации национального проекта АПК // Социологические исследования. 2008. № 3.

7. Виноградова Е.А., Носова Н.П. Реализация современной национальной политики в Российской Федерации: проблемы и противоречия // Academy. 2016. № 6 (9).

8. Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Публичный диалог как основа ценностной политики в сфере межэтнических отношений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 2.

9. Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Регулирование межэтнических отношений: формирование ценностной политики и региональные практики управления в современной России // Власть. 2017. Т. 25. № 7.

10. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 2. М.: Новый хронограф, 2016.

11. Григорьева К.С. Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края) // Мир России. 2017. № 1.

12. Денисова Г.С., Герман М.А., Денисов В.И., Суций С.Я. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области. Ростов н/Д: «Фонд науки и образования». 2018.

13. Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1.

14. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционность и новые подходы к укреплению единства многонационального народа России (российской нации) // Вестник БИСТ. 2013. № 5 (21).

15. Имплементация зарубежных моделей национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений в российских условиях: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2016.

16. Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: Изд-ий дом «Регнум». 2012.

17. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: Монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016.

18. Кузиванова О.Ю. Национальная политика России: институциональное измерение // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 6 (72).

19. Кузнецов И.М. Баланс межэтнических установок как индикатор состояния межнациональных отношений // Мир России. 2017. № 1.

20. Лубский А.В. Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность // Научная мысль Кавказа. 2011. № 4 (68).

21. Ляшueva С.А., Шадже А.Ю. Диалог: методология формирования межэтнического согласия в регионе // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 9.

22. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2016.

23. Общероссийская идентичность: незавершенный проект и новая повестка дня: Монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2017.

24. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Стратегические вызовы и локальные модификации в реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2014. № 6. С. 223; Ратленд П. Присутствие отсутствия: об этнической политике в России // Полис. 2011. № 2.

25. Этносоциальные процессы: региональное измерение / гл. ред. Р.Д. Хунагов; ред. А.Ю. Шадже, С.А. Ляшueva. Майкоп: Качество, 2015.

26. Frolova A.S., Lubsky A.V., Posukhova O.Y., Serikov A.V., Volkov Y.G. Ideological grounds for Settlement of Inter-Ethnic Relations in Modern Russia: Competition of Ideas and Ideology of Humanism // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 4.

27. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. № 16.

REFERENCES

1. Avksentev V. A., B. V. Aksumov the Russians: from the civil to the civilization identity [Rossiyane: otgrazhdanskoj k civilizacionnojidentichnosti]// Scientific thought of Caucasus. 2013. No. 4.

2. Akkiewa S. the Role of national cultural centers in the preservation of interethnic stability in Kabardino-Balkaria [Rolnacionalno-kulturnyhcentrov v sohraneniimezhehtnicheskostabilnosti v Kabardino-Balkarii]// Civil initiatives in the field of ethnic policy. The possibility of mediation of civil organizations in preventing ethnic conflict / (edited by V. Y. Zorin, and V. V. Stepanov. Moscow: IEA ran, 2013.

3. Astvatsurova M. A. national and cultural self-determination in the system of interethnic and ethno-confessional relations. Public initiatives [Nacionalno-kulturnoesamoopredelenie v sistememezhehtnicheskijehitnokonfessionalnyhotnoshenij.Obshchestvennyeinicijaty] / Civil initiatives in the field of ethnic policy: opportunities for mediation of civil structures in the prevention and settlement of ethnic conflicts. Moscow: IEA ran, 2013.

4. Astvatsurov, M. A., Kaziev, T. A. Prevention of nationalism and xenophobia in the communities of the North Caucasus Federal district.[Profilaktikanacionalizmaiksenofobii v soobshchestvahSevero-Kavkazskogofederalnogookruga] 2014. No. 8.

5. Barinov I. in Russia stable positive dynamics of key indicators of interethnic relations.[Rossiistabilnayapolozhitelnayadinamikaklyuchevyh-pokazatelejmezhnacionalnyhotnoshenij.][Electronic resource.] URL: <http://gosobzor.ru/2018/01/17/igor-barinov-v-rossii-stabilnaya-polozhitelnaya-di>

namika-klyuchevyx-pokazatelej-mezhnacionalnyx-otnoshenij/.

6. Barsukova S. Informal practices in the implementation of the national project of the agroindustrial complex.[Neformalnye praktiki v realizacii nacionalnogo proekta APK] 2008. No. 3.

7. Vinogradova E., Nosova N. P. Implementation of modern national policy in the Russian Federation: problems and contradictions [Realizatsiya sovremennoj nacionalnoj politiki v Rossijskoj Federacii: problemy i protivorechija] // Academy. 2016. No. 6 (9).

8. Volkov Y. G., Denisov G. S., Lupski A. V. Public dialogue as a basis of value policy in the sphere of interethnic relations [Publichnyj dialog kak osnovacennostnoj politiki v sferemezhethnicheskikh otnoshenij] // the State and municipal management. Proceedings of the SKAGS. 2017. No. 2.

9. Volkov, Y. G., Denisov, G., Luba, A. V. Regulation of interethnic relations: formation of value policy and regional management practices in modern Russia. [Regulirovanie mezhethnicheskikh otnoshenij: formirovanie cennostnoj politiki i regionalnye praktiki upravleniya v sovremennoj Rossii] 2017. Vol. 25. No. 7.

10. Gorshkov M. K. Russian society as it is (experience of sociological diagnostics): in 2 vol. [Rossijskoe obshchestvo kak ono est (opyt sociologicheskoi diagnostiki): v 2 t. T. 2.] M.: New chronograph, 2016.

11. Grigorieva K. S. Ethnicity as a social resource and barrier (on the example of ethnic communities of Krasnodar region) [Etnichnost kak socialnyj resurs i barer (naprimere etnicheskij obshchin Krasnodarskogo kraja)] // World of Russia. 2017. No. 1.

12. Denisova G. S., Herman M. A., Denisov V. I., a Real S. Ya. Atlas of demographic dynamics, civil identity and interethnic relations in the Rostov region. [Atlas demograficheskoj dinamiki, grazhdanskoj identichnosti i mezhethnicheskikh otnoshenij v Rostovskoj oblasti.] Rostov n / A: "Fund of science and education" 2018.

13. Drobizheva L. M. Civil identity as a condition of weakening of ethnic negativism. [Grazhdanskaja identichnost kak uslovie oslableniya etnicheskogo negativizma] Mir Rossii. 2017. No. 1.

14. Zorin V. strategy of the national policy of the Russian Federation: new approaches to strengthening the unity of the multinational people of Russia (the Russian nation). [Strategiya gosudarstvennoj nacionalnoj politiki Rossijskoj Federacii: tradicionnost i novye podhody k ukrepleniju edinstvamnogonacionalnogo naroda Rossii (rossijskoj nacii)] 2013. № 5 (21).

15. Implementation of foreign models of national integration, value policy and institutional practices in the field of interethnic relations in Russian conditions: monograph [Implementatsiya zarubezhnykh modeloj nacionalnoj integracii, cennostnoj politiki i institucionalnykh praktik v sferemezhethnicheskikh otnoshenij v rossijskij uslovijah: monografiya] / resp. edited by Yu. G. Volkov. M.: Social and humanitarian knowledge, 2016.

16. Kazenin, K. Elements Of The Caucasus. Land, power and ideology in the North Caucasus republics. [Elementy Kavkaza. Zemlya, vlasti i ideologiya v severokavkazskijh respublikah.] M.: Publishing house REGNUM. 2012. P.

17. Construction of all-Russian identity in the context of interethnic and interreligious interaction: Monograph [Konstruirovaniye obshcherossijskoj identichnosti v kontekste mezhethnicheskogo i mezhreligioznogo vzaimodejstvija: Monografiya] / resp. edited by Yu. G. Volkov. Rostov n / D.: Fund of science and education, 2016.

18. Kuzivanova O. Y. national policy of Russia: the institutional dimension [Nacionalnaya politika Rossii: institucionalnoe izmerenie] // Ethnosocial and ethnic culture. 2014. No. 6 (72).

19. Kuznetsov I. M. Balance of interethnic attitudes as an indicator of

the state of interethnic relations [Balansmezhehtnicheskikhustanovokkakin-dikator sostoyaniyamezhnacionalnyhotnoshenij] / World of Russia. 2017. No. 1.

20. Lubsky V. Social Sciences and social reality: the question of immersion in virtuality // Scientific thought of the Caucasus. [Socialnyenauki-socialnayarealnost: k voprosu o pogruzhenii v virtualnost] 2011. № 4 (68).

21. Lyausheva S. A., A. Y. Chadje Dialogue: methodology of inter-ethnic harmony in the region [Dialog: metodologiya formirovaniyamezhhehtnicheskogosoglasiya v regione] // Socio-humanitarian knowledge. 2015. No. 9.

22. National policy of Russia: implementation of international experience: monograph [Nacionalnayapolitika v Rossii: vozmozhnostimplementacii zarubezhnogoopyta: monografiya] / ed. edited by Yu. G. Volkov. M.: Social and humanitarian knowledge, 2016.

23. All-Russian identity: unfinished project and new agenda: Monograph [Obshcherossiyskayaidentichnost: nezavershennyjproektinovayapovestkadnya: Monografiya] / resp. edited by Yu. G. Volkov. Rostov n / D.: Fund of science and education, 2017.

24. Shabaev P. p., Sadokhin A. P. strategic challenges And local modifications in the implementation of the state national policy of the Russian Federation [Strategicheskievzovylokalnyemodifikacii v realizacii gosudarstvennojnacionalnojpolitikiRossijskojFederacii] // Vestnik of the Russian nation. 2014. No. 6. P. 223; Rutland P. presence of absence: on ethnic policy in Russia // Polis. 2011. No. 2.

25. Ethno-social processes: regional dimension [EHtnosocialnyeprocessy: regionalnoeizmerenie] / ed.by R. D. Khunagov; ed. by A. Yu., S. A. Lyausheva. Maikop: Quality, 2015.

26. A. S. Frolova, A.V. Lubsky, Posukhova O. Y., Serikov A. V., Volkov Y. G. Ideological grounds for Settlement of Inter-Ethnic Relations in Modern Russia: Competition of Ideas and Ideology of Humanism // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol.6. No. 4.

27. Lubsky V. A., Kolesnykova E. Y., Lubsky R. A. Programs Mental and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. No. 16.

КУЗНЕЦОВА
Кристина Игоревна
аспирант кафедры
социологии,
Северо-Кавказского
федерального
университета, Ставрополь,
Россия
kristina-kuznetsova90@mail.ru

KUZNETSOVA
Kristina Igorevna
Postgraduate Student, Depart-
ment of Sociology, North Cau-
casus Federal
University, Stavropol, Russia
kristina-kuznetsova90@mail.ru

Цифровой разрыв и эффективное использование информационно-коммуникационных технологий / Digital divide and effective use of information and communication technologies

Аннотация

В статье рассматривается подход «эффективного использования», основанный на переоценке таких вопросов как «цифровой разрыв» и «кризис доступа». Определяется, что цифровой разрыв - это больше, чем просто проблема доступа, и его нельзя облегчить, просто предоставив необходимое оборудование. Показано действие не менее трех факторов, оказывающих влияние на эффективность информации: доступность информации, использование информации и восприятие информации. В современной ситуации люди должны знать, как использовать информационные и коммуникационные технологии. Для успешного решения острых социальных проблем с помощью информационно-коммуникационных технологий предлагается уделять внимание не только «доступу», но и целому ряду мер поддержки «эффективного использования».

Ключевые слова

Цифровой разрыв; доступ; технологии; эффективное использование; информационно-коммуникационные технологии.

Abstract

The article discusses the “effective use” approach, based on a reassessment of such issues as the “digital divide” and the “access crisis”. It is determined that the digital divide is more than just an access problem, and cannot be alleviated simply by providing the necessary equipment. The effect of at least three factors affecting the effectiveness of information is shown: information accessibility, use of information and information perception. In the current situation, people need to know how to use information and communication technologies. To successfully solve acute social problems using information and communication technologies, it is proposed to pay attention not only to “access”, but also to a number of measures to support “effective use”.

Keywords

Digital gap; access; technology; effective use; information and communication technologies.

«Цифровой разрыв» как в теоретическом, так и в практическом смысле заключается в обеспечении «доступа» к инфраструктуре информационно-коммуникационной технологии и к предоставляемому материалу. «Доступ» для многих, если не для большинства людей, может быть лишь предварительным условием получения выгод от этих систем. Традиционные «средства массовой информации», такие как печать, радио и телевидение обеспечивает простой «доступ» к информации, люди только в состоянии получать или пассивно потреблять «контент», созданный другими.

Что современная социология понимает под доступом к информационно-коммуникационным технологиям? В узком смысле, это означает просто доступ к компьютерам и интернету. В более широком понимании, например, в подходе электронной готовности, он включает многообразие социальных элементов, в том числе учебные, технические, правовые и регулирующие инфраструктуры, обеспечивающие доступ к использованию технологий.

Ю. Хабермас в своих трудах пишет, что технологии – это независимая реальность, и ее нужно не разрушать, а правильно использовать и внимательно развивать. Для этого их нужно поместить в поле коммуникации и сделать предметом общественного обсуждения и научного изыскания¹. Информационно-коммуникационные технологии многообразны и в связи с доступностью, пользователи могут легко стать получателями необходимого контента (для тех, у кого есть «доступ»), но и также в решающей степени они могут стать средством для производства, распространения и продажи «контента» как локально, так и глобально. Кроме того, помимо содержания, они обеспечивают базовую инфраструктуру для производства, распределения, продаж и предоставления услуг в любой сфере деятельности, которая имеет значительную информацию, знания или компонент обучения.

Проблема с информационно-коммуникационными технологиями заключается не просто в обеспечении пассивного «доступа» к технологиям, а в том, чтобы обеспечить средства, с помощью которых отдельные лица в локальных сообществах могут найти способы «эффективного использования» этих технологий для продуктивного создания ресурсов, а также для других процессов. В этом «доступ» во всех его различных компонентах является лишь предварительным условием и средством «эффективного использования», но не заменяет его.

Анализируя смысл понимания путей достижения «эффективного использования», стоит пересмотреть и адаптировать к современной социологической науке элементы «доступа», как предлагают Климент и Шейд²:

1 Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – Москва: Наука, 2000. – 380 с.

2 See, for example, M. Gurstein, In: M. Gurstein (editor). Community informatics: Enabling communities with information and communications technologies. Hershey Pa.: Idea Group, 2014; and “Rural development and food security: A “community informatics” based conceptual framework for FAO,” <http://www.fao.org/sd/CDdirect/CDre0055c.htm>.

1. Интернет-аудитория постоянно возрастает в связи с развитием высоких технологий, программного обеспечения и соответствующей инфраструктуры. Растущие доходы населения и их потребности, стремительно расширяют рынок услуг связи: с течением времени практически каждый будет иметь в своем распоряжении высокоскоростную связь посредством сети Интернет¹. В этом контексте эффективное использование специфично для пользователей - для некоторых требуется широкополосная связь, в то время как другим может потребоваться только мобильная связь, но в любом случае эффективное использование возможно только с соответствующей инфраструктурой. Однако остается нерешенным ряд проблем, связанных с поиском ответов на следующие вопросы. Какая инфраструктура телекоммуникационных служб необходима для поддержки эффективного использования информационно-коммуникационных технологий? Каковы соответствующие и требуемые объемы и пропускная способность, предоставляемые широкополосными, коммутируемыми, WiFi, спутниковыми или другими сетевыми телекоммуникационными услугами? Что потребуется, чтобы обеспечить поддержку технологической инфраструктуры в форме и качестве (пропускной способности, частоте ошибок и т. д.), необходимых для достижения цели, к которой она будет применена?

2. Пользователям необходимы устройства ввода/вывода для занятия тем или иным видом деятельности. Персональный компьютер, планшет, ноутбук, телефон – это все основные устройства для поиска той или иной информации. Так же облегчает работу дополнительные устройства: принтер, проектор, колонки, микрофон и т.д. К примеру, для проведения конференции может потребоваться доступ не только к компьютеру, но и к проектору, микрофону, флеш-накопителю.

3. Актуальным является также определение перечня программного обеспечения, физической поддержки инструментов, протоколов, поддержки различных служб. Например, для групп по управлению окружающей средой понадобятся базы данных для отслеживания больших объемов экологических данных, в то время как эффективное использование учебных программ в интернете может быть требованием учителя для вспомогательных средств в образовательной системе.

4. Сферы деятельности пользователя достаточно обширны, поэтому он нуждается в разработанном «контенте» конкретных областей применения. Необходимы удобство и локально контекстуальные требования к этому контенту - язык, дизайн, уровень грамотности, локализация ссылок и т. д. Ведь существует проблема безопасности пользователя, которая может привести не только к потере времени, но и к починке оборудования. Поэтому необходима информация, которая будет осуществлять безопасную навигацию в поиске контента. Эффективное использование подразумевает контент, который призван быть специально «эффективно»-полезным, заслуживающим доверия и предназначенным для конкретных типов конечных пользователей в соответствующих форматах языка. Проблема здесь заключается

¹ Матвеев П.П. К вопросу о повышении эффективности использования маркетинговых инструментов в сети Интернет // Проблемы современной экономики: Экономика и экономические науки. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 233-235.

в том, чтобы выйти за рамки доступа к разработке приложений, представляющих интерес, а также к преимуществам и удобству использования идентифицированных конечных пользователей. Эффективное использование означает, что конечные пользователи могут использовать то, к чему у них есть доступ в текущей форме.

5. Актуальной задачей является определение типа социальной и организационной инфраструктуры (местные социальные сети, учебные заведения и т.д.), который необходимо разрабатывать для практического использования. Эффективное использование для многих областей применения требует создания социальной, а также технологической инфраструктуры. Так, например, эффективное использование служб электронного здравоохранения в отдаленных районах потребует не только технического доступа к физической инфраструктуре, информации, устройств ввода-вывода и дизайна услуги. Она также потребует инфраструктуры приложений для здоровья, включая поставщиков медицинских услуг, системы поддержки сообществ, т.е. службы, осуществляющих социально-организационную структуру, которая связывает информацию или услугу, предоставляемую в местных организационных структурах и связанных с ними системах доставки и поддержки¹.

6. Эффективное использование службы информационно-коммуникационной технологий часто требует поддержки, поскольку обслуживание, вероятно, не будет эффективно реализовано спонтанно. Должны быть задействованы ресурсы необходимые для локального использования желаемого приложения. Поэтому необходима поддержка региональных властей, общественных инфраструктур. Будет необходимо скоординированное планирование и проектирование, обучение на всех уровнях и осуществление помощи вспомогательных структур, чтобы сделать сервис полезным. В целом, конечно, потребуется местное руководство.

7. В рамках более широких национальных правовых или нормативных систем необходимы режимы финансирования, регулирования - либо для управления заявкой, либо для обеспечения заявки. Во многих случаях эффективное использование потребует финансовой структуры, поддерживающей (или, по крайней мере, не запрещающей) правовой системой и политической поддержкой. Так, например, одним из основных ограничений на эффективное использование электронных медицинских услуг стало то, что многие системы здравоохранения, как частные, так и государственные, не разработали финансирование для эффективного использования данных услуг, предоставляемых на местном уровне для поддержки местных (или неместных) пользователей.

Суть вышеуказанных проблем вызваны обеспокоенностью со стороны правительства, многосторонних учреждений и даже частного сектора в связи с неправильным распределением возможностей,

¹ Cf. M. Gurstein, "Introduction," In: M. Gurstein (editor). Community informatics: Enabling communities with information and communications technologies. Hershey Pa.: Idea Group, 2000; and M. Gurstein and Bruce Dienes, "A 'Community Informatics' Approach to Health Care for Rural Africa," presented to The Africa Telemedicine Project: Conference "The Role of Low-Cost Technology for Improved Access to Public Health Care Programs Throughout Africa," Nairobi, Kenya, 19-21 February 2010.

возникающих с внедрением информационно-коммуникационных технологий. Хотя правительство и частный сектор, а также отдельные регионы получили очень значительную выгоду и преимущества от внедрения информационно-коммуникационных технологий, другие регионы не имеют полного доступа и их экономическое положение по сравнению с другими, как следствие, ухудшилось. Такое нераспространение рассматривается в современной социологии как дальнейшее усугубление уже существующих моделей неравенства, а не способность интегрировать информационно-коммуникационные технологии в национальную экономику, как дальнейшее ограничение возможностей для сокращения масштабов нищеты и общего экономического и социального развития. Эта озабоченность по большей части привлекла внимание исследователей на проблеме «цифрового разрыва» между теми, кто имеет доступ к информационно-коммуникационным технологиям, и теми, кто не имеет доступа.

Когда мы говорим о понятии «эффективного использования», мы значительно расширяем или даже выходим за рамки этого подхода, сосредотачивая внимание не на вопросах «доступа» (доступности интернета или компьютерных технологий), а скорее на том, как эта доступность вписывается в более широкие проблемы «использования», которые в конечном итоге принесут пользу отдельным лицам и сообществам. Таким образом, основное внимание уделяется не только одному из возможных «инструментов» для разработки доступа, а скорее выделяет весь «процесс разработки», включая инфраструктуру, аппаратное обеспечение, программное обеспечение и социально организационные элементы, которые должны сочетать в себе все для развития. Очевидно, что «доступ» является предварительным условием «эффективного использования». Однако «эффективное использование» в качестве параметра разработки для информационно-коммуникационных технологий необязательно включается в традиционные подходы или ответы на вопрос о «цифровом разделении».

Более того, вопросы, касающиеся «эффективного использования», существенно контекстуализированы, то есть, что эффективно используется в одном контексте, не обязательно будет в другом контексте. Основное внимание уделяется «эффективному использованию» для индивидуального использования как пользователю, так и сообществу. Возможность определения и разработки стратегий для «эффективного использования» должно стать диалогом между теми, кто реагирует на проблему информационного неравенства, и конечными пользователями, которые наиболее четко понимают, какие приложения или виды контента будут наиболее полезными в конкретных локальных контекстах, в условиях общества потребления.

Как отмечает Е.А. Сергодеева, общество потребления характеризуется как социум, в котором «потребление» практически пронизывает всю его жизнь, а все виды деятельности пересекаются в потребительских практиках и преследуют цель умножения удовольствия. Индивидуальное потребление основной массы населения не ограничивается только природными потребностями, а выступает ключевым фактором воспроизводства человека как части социальной системы, становится

инструментом формирования социальной идентичности¹.

В заключении можно сказать, что взаимосвязь эффективного использования и цифрового разделения является центральным фактором, способствующим построению информационного общества. Всеобщий, справедливый доступ к инфраструктуре и услугам информационно-коммуникационных технологий является одной из проблем информационного общества и должен быть целью всех заинтересованных сторон, участвующих в создании. В реальном мире существует потребность в активном участии со стороны местного сообщества, необходимо «усилить» процесс приобретения и реализации технологий. Эффективное использование учитывает тот факт, что использование является социально-ориентированным поведением и явлением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Матвеев П.П. К вопросу о повышении эффективности использования маркетинговых инструментов в сети Интернет // Проблемы современной экономики: Экономика и экономические науки. – Санкт-Петербург, 2012.

2. Сергодеева Е.А., Мищенко Е.Ю. Социокультурная реальность общества потребления // Вестник Адыгейского государственного университета. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Адыгея. 2015. – №3. – С. 38-44.

3. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – Москва: Наука, 2000.

4. Cf. M. Gurstein, "Introduction," In: M. Gurstein (editor). Community informatics: Enabling communities with information and communications technologies. Hershey Pa.: Idea Group, 2000; and M. Gurstein and Bruce Dienes, "A 'Community Informatics' Approach to Health Care for Rural Africa," presented to The Africa Telemedicine Project: Conference "The Role of Low-Cost Technology for Improved Access to Public Health Care Programs Throughout Africa," Nairobi, Kenya, 19-21 February 2010.

5. See, for example, M. Gurstein, In: M. Gurstein (editor). Community informatics: Enabling communities with information and communications technologies. Hershey Pa.: Idea Group, 2014; and "Rural development and food security: A "community informatics" based conceptual framework for FAO," <http://www.fao.org/sd/CDdirect/CDre0055c.htm>.

REFERENCES

1. Matveev P.P. On the issue of improving the efficiency of using marketing tools on the Internet [*K voprosu o povysheniieffektivnostiispol'zovaniyamarketingovyhinstrumentov v seti Internet*] // Problems of the modern economy: Economics and economic sciences. - St. Petersburg, 2012.

2. Sergodeeva, E.A., Mishchenko, E.Yu. Socio-cultural reality of a consumer society [*Sociokul'turnaya real'nost' obshchestva potrebleniya*] // Bulletin of the Adyge State University. Regional studies: philosophy, history,

¹ Сергодеева Е.А., Мищенко Е.Ю. Социокультурная реальность общества потребления // Вестник Адыгейского государственного университета. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Адыгея. 2015. – №3. – С. 38-44.

sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. - Adygea. 2015. - №3.

3. Habermas, Y. Moral consciousness and communicative action. [*Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie.*] - Moscow: Science, 2000.

4. Cf. M. Gurstein, "Introduction," In: M. Gurstein (editor). Community informatics: Enabling communities with information and communications technologies. Hershey Pa.: Idea Group, 2000; and M. Gurstein and Bruce Dienes, "A 'Community Informatics' Approach to Health Care for Rural Africa," presented to The Africa Telemedicine Project: Conference "The Role of Low-Cost Technology for Improved Access to Public Health Care Programs Throughout Africa," Nairobi, Kenya, 19-21 February 2010.

5. See, for example, M. Gurstein, In: M. Gurstein (editor). Community informatics: Enabling communities with information and communications technologies. Hershey Pa.: Idea Group, 2014; and "Rural development and food security: A "community informatics" based conceptual framework for FAO," <http://www.fao.org/sd/CDdirect/CDre0055c.htm>.

ЛЕЖЕБОКОВ
Андрей Александрович
доктор социологических
наук, профессор Северо-
Кавказского федерального
Университета, Ставрополь,
Россия
leghebokov@yandex.ru

LEZHEBOKOV
Andrey Aleksandrovich
Grand PhD in Sociological
sciences,
Professor, North Caucasus
Federal
University, Stavropol, Russia
leghebokov@yandex.ru

Самопозиционирование населения и реальность социальной структуры регионального сообщества¹/ Self-positioning of the population and the reality of the social structure of the regional community²

Аннотация

В статье исследуется различие между самооценкой населения Ставропольского края собственного места в социальной структуре общества и реального распределения граждан в общественной иерархии. Определяется, что «социальные классы» являются продуктом развития общества и процесс модернизации значительно трансформирует вертикальную иерархию населения, выдвигая на первый план горизонтальные диспозиции. Между тем, темпы процесса модернизации как в России в целом, так и на уровне Ставропольского края не позволяют делать вывод об отсутствии социальной иерархии в классическом понимании. Население определяет свое положение в социальной системе не на основе рационального подхода, на ориентируясь на субъективное представление собственной социальной позиции. Анализ статистической информации и определение структуры потребления основных групп населения позволяет утверждать, что большая часть жителей региона продолжает находиться в нижних слоях социальной структуры, а средний класс представлен незначительно.

Ключевые слова

Социальная структура; Ставропольский край; население; бедные; средний класс; социальная иерархия; социокультурный подход.

Abstract

The article explores the difference between the self-esteem of the population of the Stavropol Territory of its own place in the social structure of society and the real distribution of citizens in the public hierarchy. It is determined that the “social classes” are the product of the development of society and the process of modernization significantly transforms the vertical hierarchy of the population, bringing horizontal dispositions to the forefront. Meanwhile, the pace of the modernization process, both in Russia as a

1 * Работа подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 17-03-00259/ОГН «Перспективы социокультурного развития Ставропольского края»

2 * The article was prepared within the framework of the RFFR project No. 17-03-00259 / OGN «Perspectives of the socio-cultural development of the Stavropol Territory»

whole and at the level of the Stavropol Territory, does not allow to conclude that there is no social hierarchy in the classical sense. The population determines its position in the social system not on the basis of a rational approach, based on the subjective presentation of its own social position. Analysis of statistical information and determination of the structure of consumption of the main groups of the population suggests that a large part of the inhabitants of the region continues to be located in the lower strata of the social structure, and the middle class is represented slightly.

Keywords

Social structure; Stavropol Territory; population; poor; middle class; social hierarchy; sociocultural approach.

Исследование социальной структуры общества является довольно традиционным для социологии, данная тематика прослеживается, начиная с О. Конта и, наверное, крайне незначительное число социологов обошло своим внимание те или иные аспекты стратификации. Несмотря на методологическое разнообразие применяемых подходов, в основе всех работ лежит представление о неоднородности, различии и неравенстве индивидов и социальных групп. Отметим, что парадигма «вертикальной стратификации», воспринимаемая в настоящее время как классическая, имеет в своей основе представление, очень хорошо описанное Э. Гидденсом: «... стратификацию можно представить в виде своего рода геологических пластов. Общество также состоит из слоёв, расположенных в иерархическом порядке, причём привилегированные слои находятся ближе к вершине, а непривилегированные внизу»¹.

Критика подходов вертикальной стратификации, предпринятая, в том числе, с позиции социологии культуры, не отрицая неравенство как таковое, ставит под сомнение иерархичность социальных групп, поскольку, как указывает, например, Л. Ионин «жизненные и культурные стили ... свободно и произвольно выбираются суверенными субъектами с целью самоидентификации и упорядоченного ведения собственной жизни»². Тем самым на первый план выходят так называемые «горизонтальные» подходы к описанию социального неравенства. Такая ситуация характерна для современного общества, в котором существует высокая самостоятельность выбора³.

Вместе с тем, при рассмотрении конкретной ситуации мы будем исходить прежде всего из предположения, что социальная структура имеет исторический характер, следовательно, любая форма социального неравенства также будет являться историческим и изменчивым феноменом. Данная постановка вопроса представляется обоснованной применительно к эвристическим конструкциям модернизации общества с выделением как минимум двух этапов: становлением, индустриализацией и зрелостью, постиндустриализацией⁴.

1 Гидденс Э. Социология. М., 1999.

2 Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2004

3 Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.

4 Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм - метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 3-14

Первый этап процесса модернизации предоставляет индивиду право свободного выбора, и приводит к созданию общества с классовой организацией своей структуры, второй этап формирует новые ценности и такие условия социального взаимодействия людей, которые ставят под сомнение классовый принцип иерархии. Современное российское общество, по мнению Н. Лапина «вступило в подготовительную фазу вторичной, информационной стадии модернизации, но состояния модернизированности большинства региональных сообществ невысокие и весьма контрастны»¹. Таким образом, исследование процессов модернизации регионов позволит, в том числе, выявить и сложившуюся ситуацию с социальной структурой населения.

Ставропольский край как объект подобного исследования не изучался, что актуализирует разработки в том числе, вопросов динамики социальной структуры и описания стратификационных изменений. Методологической базой для нашего исследования выступил социокультурный подход², инструментами исследования явился социологический опрос (N=996) с квотным принципом построения выборочной совокупности по полу, возрасту и месту проживания в соответствии со статистическими показателями. Кроме того, исследовался блок статистической информации относительно уровня доходов, расходов и других значений, позволяющих оценить состояние основных групп населения³.

Респондентам было предложено оценить свою социальную принадлежность к различным социальным слоям применительно к следующим уровням: федеральному, региональному и уровню местного сообщества (города или иного населенного пункта). Полученные ответы в общем виде представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопросы «К какому социальному слою Вы относите себя?»

Вариант ответа	% ответивших		
	В местном сообществе	В Ставропольском крае	В Российской Федерации
Принадлежу к высшему слою	3,0	1,3	3,9
Принадлежу к слою выше среднего	10,5	5,8	6,1
Принадлежу к среднему слою	46,5	32,0	49,1
Принадлежу к слою ниже среднего	17,2	23,0	23,9
Принадлежу к нижнему слою	8,6	10,7	6,1

1 Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм - метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 3-14

2 Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Под общ.ред.: Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой. М.: Academia. 2013.

3 Федеральная служба государственной статистики URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 08.09.2018)

Не знаю	8,2	21,6	6,6
Отказ от ответа	5,9	5,5	4,2
Всего	100	100,0	100,0

Принадлежность к высшему слою по месту непосредственного проживания указали 3,0 % опрошенных, по отношению к региональной и общероссийской системе – 1,3 % и 3,9 % соответственно. Можно отметить, что респонденты, которые довольно высоко оценивают свою место в социальной иерархии, не видят существенной разницы применительно к уровню территориальной организации, что может свидетельствовать о завышенной оценке своего статуса. Нам представляется, что далеко не все представители «высшего слоя», проживающие в небольшом населенном пункте, могут входить в высшие слои социальной иерархии страны в целом. Статистическая информация по результатам выборочного обследования домашних хозяйств Ставропольского края, предпринятая Федеральной службой статистики в 2017 году с учетом макроэкономических показателей доходов населения утверждает, что на территории Ставропольского края проживает только 1,0 % жителей страны с наивысшими доходами.

Как мы видим, подавляющее большинство респондентов относит себя к среднему слою и слоям, примыкающим к нему: 74,2 % - определяя свое место в структуре местного сообщества, 60,8 % и 79,1 % - в социальной структуре Ставропольского края и России соответственно. По расчетам аналитического агентства «АКРА», для отнесения индивида к среднему классу необходимо выполнение нескольких условий, среди которых – размер среднемесячного дохода. Для российских регионов таким размером является заработная плата в пределах от 60 до 73 тыс. рублей¹. Учитывая, что по уровню доходов населения Ставропольский край занимал в 2016 году 63 место среди остальных субъектов Российской Федерации со средним доходом в 22440 рублей², становится ясно, что оценка респондентами своего положения в качестве среднего класса также является завышенной. Другое дело, что респонденты сам термин «средний» зачастую воспринимают в понятиях «нормальный», «как у всех», «промежуточный между бедными и богатыми». Слабость среднего класса – это в целом характеристика всей социальной системы современной России³.

Анализ распределения среднего размера начисленной заработной платы между 20-ти процентными группам населения показывает, что 42,5 % данного типа дохода жителей Ставропольского края приходится на высшую группу, 50,3 % - на среднюю и примыкающие к ней, 7,2 % - на первую группу, с самыми низкими доходами. При этом, согласно официальной статистике, 14 % населения края имеют доходы ниже прожиточного минимума⁴. Следовательно, указание респондентов на

¹ Значительный рост доли работников с высоким заработком происходит только в добывающих регионах и финансовых центрах. Оценка среднего класса в России. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/791> (дата обращения: 08.09.2018)

² Федеральная служба государственной статистики URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 08.09.2018)

³ Gontmakher E. S., Ross C. The Middle Class and Democratization in Russia // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67.No. 2.P. 269-284

⁴ Федеральная служба государственной статистики URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 08.09.2018)

принадлежность к «нижнему» слою является чрезвычайно заниженной.

Заслуживает определенного внимания имеющееся расхождение между оценками респондентов своего социального слоя на уровне местного сообщества, Ставропольского края и России в целом. На наш взгляд, высокая доля ответов «не знаю» - 21,6 % - при определении позиции индивида в социальной структуре региона связана с особенностями идентификации личности в качестве в системе социального окружения. Если на местном сообществе идентификации себя в качестве жителя имеет высокую степень, так же как и на уровне страны в целом, но уже идентификация в качестве гражданина, то на уровне края такое отождествление несколько ослаблено.

Важным моментом при определении социального положения человека в социальной системе является изучение уровня и структуры его потребления. Данный показатель является одним из критериев отнесения человека к социальному слою и характеризуется, например, П.Бурдые как некий инструмент воспроизводства социальных классов и статусов, поскольку «структуры условий существования (высокий/низкий, богатый/бедный и т.д.) предстают как фундаментальные принципы структурирования и восприятия практик»¹.

При среднем уровне ежемесячного дохода в 2016 году в 22440 рублей население Ставропольского края расходовало 18838 рублей, при этом в структуре расходов преобладает приобретение продуктов питания – 35,7 % всех расходов, оплата услуг – 28,3 %, покупка непродовольственных товаров - 34,2 %, алкоголя – 1,8 %. Респонденты, указывая уровень своих доходов, отмечает, что у значительной части – 35,4 % доходы с трудом перекрывают необходимые нужды (Таблица 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы могли охарактеризовать свое материальное положение?»

Вариант ответа	% ответивших
Денежных средств не хватает на повседневные затраты	16,5
На повседневные затраты уходит вся зарплата	18,9
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднена	21,9
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов денег не хватает	28,3
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	10,5
Практически ни в чем себе не отказываем	3,9
Всего	100

Вплотную к этой категории примыкает довольно значительная группа респондентов – 21,9 %, с доходами, позволяющими удовлетворить повседневные расходы, но для покупки одежды средств у данной категории не хватает. При суммировании этих категорий обнаруживается, что 57,3 % респондентов в структуре

¹ Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С.25-49.

расходов никаких иных потребительских практик кроме повседневных (питание, оплата обязательных платежей) не позволяют. Тем самым, данную категорию опрошенных нельзя отнести выше нижнего слоя в социальной иерархии. Население использует в основном условно-бесплатные сервисы для развлечения, предоставляемые местной властью, посещение музеев, цирков, театров хотя бы один раз за последний год отметили 42,0 %, 35,8 %, 42,8 % опрошенных соответственно. Незначительно и посещение кинотеатров: только 57,3 % респондентов хотя бы один раз за последний год посетили подобное учреждение. Кроме цены (в среднем 200-300 рублей за один билет), посещение кинотеатров требует и определенных затрат времени, что влияет на возрастное распределение зрителей.

Анализ статистической информации ясно показывает изменение долей расходов населения Ставропольского края, принадлежащих к разным группам по уровню дохода (Рисунок 1).

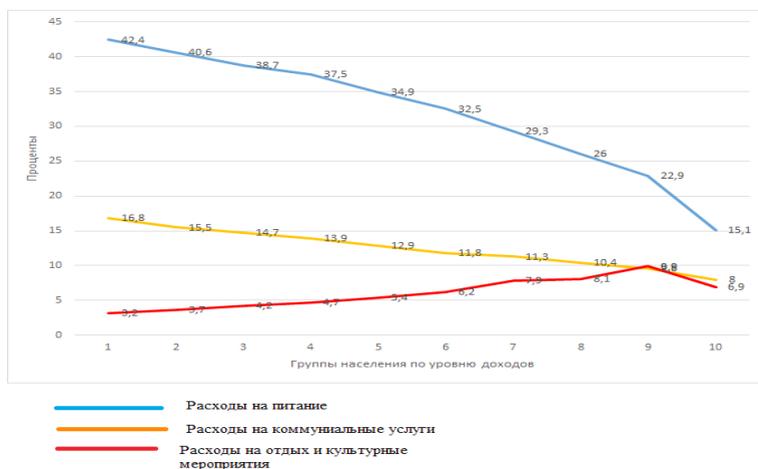

Рисунок 1. Изменение структуры расходов населения, принадлежащих к 10-процентным группам по уровню дохода

Как видим, получение высокого дохода (следовательно, нахождение на более высокой ступени в социальной иерархии) значительно трансформирует структуру потребительских расходов, оказываясь в непосредственной связи с образом жизни.

Таким образом, сравнительный анализ, проведенный на основе исследования статистической информации и результатов социологического опроса показывает, что население Ставропольского края недостаточно объективно оценивает свои позиции в социальной иерархии. По нашему мнению, до 60 % населения реально может быть отнесено к нижним слоям населения, из которых только четвертая часть может быть охарактеризована в качестве беднейшего. Представителями высших слоев региона как по уровню дохода, так и

по потребительским практикам могут считаться не более 4 % жителей Ставрополя, остальные занимают промежуточное положение. При этом прослойка, именуемая в социологии как «российский средний класс», по нашим расчетам, будет составлять 20-25 %. Тенденции изменения социальной структуры будут зависеть, прежде всего, от региональных процессов в сфере социально-экономического развития и уже во вторую очередь – от ситуации в стране в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3.
2. Гидденс Э. Социология. М., 1999.
3. Значительный рост доли работников с высоким заработком происходит только в добывающих регионах и финансовых центрах. Оценка среднего класса в России. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/791> (дата обращения: 08.09.2018)
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2004.
6. Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм - метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3.
7. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Под общ. ред.: Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой. М.: Academia. 2013.
8. Тарлавский В. Средний класс: быть или казаться? URL: <http://www.eg-online.ru/article/258688/> (дата обращения: 10.09.2018).
9. Федеральная служба государственной статистики URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 08.09.2018).
10. Gontmakher E. S., Ross C. The Middle Class and Democratisation in Russia // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. No. 2.

REFERENCES

1. Burde P. Razlichenie: socialnayakritikasuzhdeniya [*Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*] // Ekonomicheskayasociologiya. 2005. T. 6. № 3.
2. Giddens EH. Sociologiya [*Sociology*]. M., 1999.
3. Znachitel'nyjrostdolirabotnikovs vysokimzarabotkomproiskhoditolkovo dobyvayushchihregionahfinansovyhcentrah. Ocenkasrednegoklas-sa v Rossii [A significant increase in the share of high-wage workers occurs only in the mining regions and financial centers. Assessment of the middle class in Russia]. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/791> (Available at: 08.09.2018).
4. Inghart R., Velcel K. Modernizaciya, kulturnyeizmeneniyaidemokratiya: Posledovatel'nostchelovecheskogorazvitiya [*Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development*]. M., 2011.
5. Ionin L.G. Sociologiyakultury: put v novoetysyacheletie [*Sociology of culture: the way to the new millennium*]. M., 2004.
6. Lapin N.I. Antroposociokulturnyjehvolucionizm - metateoreticheskijprincipizucheniyasobshchestvlyudej [*Anthroposocio-cultural evolutionism - the metatheoretical principle of the study of human communities*] // Sociologicheskiesledovaniya. 2018. № 3. S. 3-14.
7. ProblemysociokulturnojmodernizaciiregionovRossii [*Problems of sociocultural modernization of the regions of Russia*] / Pod obshch. red.: N. I. Lapina i L. A. Belyaevoj. M.: Academia. 2013.
8. Tarlavskij V. Sredniiklass: bytilikazatsya? [*Middle Class: To Be or To Seem?*] URL: <http://www.eg-online.ru/article/258688/> (Available at: 10.09.2018).
9. Federal State Statistics Service (In Russ.) URL: <http://www.gks.ru/> (Available at: 08.09.2018).

ЛУШНИКОВ
Дмитрий Александрович
доктор социологических наук,
профессор, заведующий
кафедрой социологии Северо-
Кавказского федерального
университета

keremet2000@mail.ru

LUSHNIKOV
Dmitry Alexandrovich
Grand PhD in Sociological sci-
ences,
Professor, Head of the Depart-
ment of Sociology, North Cauca-
sus Federal
University, Stavropol, Russia
keremet2000@mail.ru

Дегуманизация и демонизация как механизмы формирования образа врага в кампаниях по негативному информационному воздействию¹ / Dehumanization and demonization as mechanisms of forming the image of the enemy in campaigns on negative information impact

Аннотация:

Статья посвящена интерпретации понятий «дегуманизация» и «демонизация», рассматриваемых как механизмы формирования образа врага в кампаниях по негативному информационному воздействию. Данные понятия рассматриваются в логике общего и частного, поскольку демонизация интерпретируется двойственно и как синоним формирования образа врага как такового и как частность в рамках процесса дегуманизации.

Поскольку интерпретации демонизации сходятся на том, что она отличается от дегуманизации по механизму, содержанию процесса, утверждается необходимость употребления термина «демоническая дегуманизация», наряду с дегуманизацией анималистической и механической, что снимет двойственность интерпретации понятия «демонизация» в научной лексике. Установленные различия в интерпретации позволяют утверждать частность демонизации по отношению к дегуманизации, виды которой различаются по направленности изменения образа оппонента в эволюционную цепочку: животное – демон – робот.

Ключевые слова

Дегуманизация; демонизация; моральное исключение; моральный конфликт; анималистическая дегуманизация; механическая дегуманизация; инфрагуманизация; деперсонификация.

Abstract

The article is devoted to the interpretation of the concepts of “dehumanization” and “demonization”, considered as the mechanisms of formation of the image of the enemy in the campaigns of negative information impact. These concepts are considered in the logic of General and partic-

¹ *Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ «Негативное информационное воздействие на религиозное сознание с использованием виртуальных масс-медиа и сетевых сообществ», № 16-03-00398-ОГН.

ular, since demonization is interpreted ambiguously and as a synonym for the formation of the image of the enemy as such and as a particular in the process of dehumanization.

Since the interpretations of demonization agree that it differs from dehumanization by the mechanism, the content of the process, the necessity of using the term “demonic dehumanization”, along with dehumanization of animalistic and mechanical, which will remove the duality of the interpretation of the concept of “demonization” in scientific vocabulary. The established differences in interpretation allow us to assert the specificity of demonization in relation to dehumanization, the types of which differ in the direction of changing the image of the opponent in the evolutionary chain: animal – demon – robot.

Keywords

Dehumanization; demonization; moral exclusion; moral conflict; animalistic dehumanization; mechanical dehumanization; integumentary; de-personification.

В современном западном социально-гуманитарном знании при рассмотрении теории и практики формирования образа врага используются понятия «дегуманизация» и «демонизация». Предполагается, что вопросы их соотношения, разграничения как отдельных понятий или некоторого соподчинения в логике общего и частного должны вызывать на свет определенную научную дискуссию, в ходе которой будут четко установлены их смысловые границы, содержание и объем каждого из указанных понятий.

Одна из наиболее распространенных в массовой культуре и экспертном знании интерпретаций демонизации заключается в использовании ее как общего понятия в универсальной редакции – как некоего синонима формирования образа врага как такового. Другая, определённым образом противоположная точка зрения видит демонизацию как частность относительно дегуманизации. Которая в свою очередь представляется общим и универсальным понятием относительно процесса формирования образа врага. Демонизация выступает в качестве частного механизма дегуманизации, предполагающего не «недочеловечность», а «нечеловечность» противника в формируемом образе врага, наделение его inferнальными, хтоническими чертами.

С. Оптоу считает, что «дегуманизация - это психологический процесс, при котором противники рассматривают друг друга как недочеловеков, не заслуживающих моральной оценки»¹. М. Майэс связывает дегуманизацию с затянущимися «моральными/ценностными конфликтами», сильные чувства ненависти и отчуждения при их протекании обуславливают увеличение психологической дистанции между группами, ведущее к «моральному исключению»². Моральное исключение, в свою очередь, интерпретируется как психологический

1 Opatow S. Aggression and Violence, in The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice, eds. M. Deutsch and P.T. Coleman. San Francisco: Jossey-Bass, 2000.

2 Maiese M. Dehumanization. Beyond Intractability. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Information Consortium, University of Colorado, Boulder. Posted: July 2003. URL: <https://www.beyondintractability.org/essay/dehumanization> (дата обращения:

процесс, при котором члены одной группы рассматривают свою группу и ее ценностно-нормативную среду как превосходящую относительно другой группы. Как следствием, так и причиной данного процесса является дегуманизация и маргинализация аутгруппы.

Н. Хаслам предлагает рассматривать дегуманизацию как повседневной социальный феномен, уходящий корнями в обычные социально-когнитивные процессы¹. Ученый выделяет две формы дегуманизации, основанные на отрицании двух «чувств человечности»: человеческой видовой уникальности и человеческой природы. В первом случае данное отрицание низводит человека до животного, отсюда Н. Хаслам выводит «анималистическую дегуманизацию». Во втором – до деперсонифицированного объекта, автомата, чему соответствует «механическая дегуманизация». С дихотомией, предложенной Н. Хасламом, солидаризируются и другие ученые-психологи, интерпретируя и верифицируя ее в своих эмпирических исследованиях. К примеру, в работе Р. Мартинеса, Р. Родригеса-Байлона и М. Мойя «Это животные или машины? Измерение дегуманизации»² в методологии эмпирического исследования также используется деление дегуманизации на две формы: 1) отрицания уникальных человеческих качеств другого, представление его животным; 2) отрицания человеческой природы другого, представление его автоматом.

Очевидно, что при «анималистической дегуманизации» в качестве основного механизма процесса выступает зооморфизация, а при «механической дегуманизации» – реификация (которую в данном случае можно интерпретировать, как овеществление посредством деперсонификации). Дегуманизация в своих интерпретациях часто сводится к механической, обозначаясь как поведение или процесс, подрывающий индивидуальность, деперсонифицирующий индивида.

Вызывает интерес тот факт, что Н. Хаслам не ограничивается межгрупповым уровнем дегуманизации, к чему склонны большинство исследователей, относящихся к социально-психологическому, социологическому и социально-антропологическому знанию. Он редуцирует дегуманизацию к внутриличностным когнитивным процессам, наблюдающимся на уровне повседневного межличностного общения.

Анималистическая и механическая дегуманизации Н. Хаслама становятся относительно распространенными объектами исследований в современных социально-гуманитарных науках. К числу фундаментальных можно отнести исследование М.Ж. Пачилли, М. Роккато, С. Паглиаро и С. Руссо отраженное в работе «От политических противников к врагам? Роль воспринимаемой нравственной дистанции в анималистической дегуманизации политической аутгруппы»³. Ученые рассматривают связи между политической идентичностью, восприятием моральной дистанции между политическими группами и вну-

1 Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review // *Personality and Social Psychology Review* 2006, Vol. 10, No. 3.

2 Martínez R., Rodríguez-Bailón, R., & Moya, M. Are they animals or machines? Measuring dehumanization // *The Spanish Journal of Psychology*, 15, Volume 15, Issue 3, November 2012.

3 Pacilli M. G., Roccato M., Pagliaro S., Russo S. From political opponents to enemies? The role of perceived moral distance in the animalistic dehumanization of the political outgroup // *Group Processes & Intergroup Relations*. Volume: 19, Issue: 3.

тригрупповой анималистической дегуманизацией. Ученые установили положительную корреляцию между внутригрупповой идентификацией и аутистической дегуманизацией, опосредованную моральной дистанцией между ингруппой и дегуманизируемой аутистической группой.

Понимание анималистических механизмов дегуманизации отражается и во множестве практических и прикладных работ, затрагивающих проблематику пропаганды в СМИ, формирования образа врага и негативного информационно-пропагандистского контента в информационных войнах и психологических операциях, дегуманизации в истории геноцида и репрессий.

Ф. Найтли и С. Кин считаются основоположниками проблематики конструирования образа врага, этот процесс они рассматривали как формирование образа «дегуманизированного другого» посредством использования анималистических метафор и образов¹.

Э. Штетер и Д. Виллсвотом в своем исследовании, посвященном конструированию образа врага канадскими СМИ в кампании против терроризма, акцентируют важность использования при дегуманизации «животных метафор» и «животных образов»².

Взгляд на дегуманизацию как следствие социального неравенства, односторонний процесс, при котором высокоранговые группы игнорируют и стигматизируют низкоранговые группы, тем самым избавляясь от моральной ответственности и легитимируя свое господство, в своем исследовании палестино-израильского конфликта как межгрупповой войны («Враг как животное: симметричная дегуманизация во время асимметричной войны») опровергают Е. Брюно и Н. Ктейли³. Ученые исследуют «явную»/«откровенную» дегуманизацию (англ. «blatantdehumanization») в асимметричном противостоянии израильтян и палестинцев и приходят к выводу о симметричности дегуманизации и агрессивности в этом очевидно асимметричном конфликте.

Исследовательский акцент на аутистических и ингрупповых аспектах дегуманизации и, как следствие, проблематике внутригрупповой идентификации, моральной аутистической дистанции и исключения, межгрупповых конфликтов, стигматизации и т.п., привел к появлению понятия «инфрагуманизация» (англ. «infracumanization»).

Термин «инфрагуманизация» введен в научный тезаурус социально-гуманитарного знания профессором Католического университета Лувена Жаком-Филиппом Лейнсом. Инфрагуманизация является частным термином по отношению к дегуманизации и являясь собой, по мнению ученого, отрицание человечности оппонентов в межгрупповых конфликтах. «Инфрагуманизация аутистических групп предполагает рассмотрение их как в меньшей степени человеческих и более звероподобных, чем ингруппа, которая воспринимается как в сущности человеческая»⁴.

1 Knightly P. The first casualty. London: Deutsch Press. 1975; Keen, S. Faces of the enemy [Video recording]. California News Reel. 1987.

2 Steuter E., Wills D. Discourses of Dehumanization: Enemy Construction and Canadian Media Complicity in the Framing of the War on Terror // Global Media Journal – Canadian Edition ISSN: 1918-5901 (English) – ISSN: 1918-591X (Français) Volume 2, Issue 2.

3 Bruneau E., & Kteily N. The enemy as animal: Symmetric dehumanization during asymmetric warfare // PLoSONE, 12(7). 2017.

4 Leyens J.-P., Demoulin S., Gaunt, R., Paladino M.P. Infra-humanization: The wall of

Ж.-Ф. Лейнс с коллегами верифицировал данное явление посредством исследования эмоциональной составляющей групповой идентификации, разделяя эмоции на уникально человеческие (ностальгия, любовь, сожаление и т.д.) и общие для людей и животных (гнев, радость, страх и т.д.). Ученые пришли к выводу о том, что люди привносят уникальные человеческие эмоции в ингруппу, а не в аутгруппу, определенным образом отказывая аутгруппам в человечности. Инфрагуманизация в большинстве своем не приводит к дегуманизации других, сознательному лишению их человечности и представляет собой естественное для индивида/группы следствие действия механизма групповой идентификации, завышающего оценку ингруппы и внутригрупповой среды относительно аутгрупп.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что интерпретации дегуманизации как явления и как процесса затрагивают разные уровни социальной реальности. На макроуровне это политически организованные и контролируемые властью действия, направленные против других стран, больших социальных групп и отдельных меньшинств. На мезоуровне это действия одних институтов, групп и общностей внутри одного общества относительно других, инфрагуманизация (дифференциация ингруппа – аутгруппа) на уровне институтов, социальных организаций, больших социальных общностей и групп. На микроуровне социальной организации это инфрагуманизация (дифференциация ингруппа – аутгруппа) на уровне малых групп, а также дегуманизация как когнитивный внутриличностный процесс (Н. Хаслам) и наше эволюционно-биологическое понимание дегуманизации как производного явления относительно генетических программ межвидовой и внутривидовой дифференциации.

Также мы можем обобщить и выделить механизмы дегуманизации, рассматриваемые в работах исследователей, относящихся к различным отраслям социально-гуманитарного знания: 1) зооморфизация (анималистическая дегуманизация); 2) инфрагуманизация; 3) делигитимация; 4) моральное исключение; 5) объективизация/реификация (овеществление), деперсонификация (механическая дегуманизация).

Как отмечает Д. Спенсер: «Термин демонизация похож на дегуманизацию тем, что противник представляется нечеловеком, но не потому, что он является животным, он демон, воплощение зла. Хотя эти процессы могут использоваться сами по себе, они часто используются в сочетании друг с другом»¹.

На уровне многочисленных прикладных исследований демонизацию склонны интерпретировать как определенную пропагандистскую риторическую тактику (практику, технику и т.п.) размывания образа оппонента ассоциацией. Д. Спенсер определяет ее как тактику, использующуюся не только для морального оправдания убийств, но и предлагающую убийце способ эмоциональной и психологической защиты от вины.

Так для Д. Роуэлла демонизация это: «...пропагандистская техника, которая пропагандирует идею о том, что противник злобный

group differences // Social Issues and Policy Review, 1 (1), 2007.

¹ Spencer D. M. Dehumanization and Demonization of the «Enemy». URL: <https://sites.google.com/site/dustiespencer/dehumanization-and-demonization-of-the-enemy> (дата обращения: 19.09.2018).

агрессор»¹. Ученый пишет о «государственных пропагандистских моделях», использующих «методы демонической вражды».

Г. Т. Консерва в своей работе «Методы пропаганды» обозначает демонизацию, как: «Самый старый трюк пропагандиста – демонизировать и дегуманизировать ненавистных других и сформировать образ врага»². М. Бхатия утверждает, что в процессе демонизации «...изображение врага злонамеренным и отталкивающим создает чувства, которые облегчают убийства»³.

Н. Алон и Х. Омер в работе «Психология демонизации» интерпретируют ее как «...отношение к другим людям, как к демонам, то есть неестественным и злым существам»⁴. Исследователи рассматривают демонизацию не только в социально-политической сфере, но как психологи редуцируют ее на уровень внутриличностных и межличностных конфликтов, где она детерминирует симметричную эскалацию и приводит к разрушительным конфликтам с нулевой суммой.

З. Гинер-Соролла, Б. Лайднер и Е. Гастано рассматривают демонизацию как особый вид «морального мандата», который определяет другую группу как зло и оправдывает насилие и другие негативные меры. При процессе демонизации происходит моральное исключение оппонентов, формируется «особый моральный мандат», основанный на практиках осуждения. «При демонизации жертвы снимаются с морального рассмотрения и рисуются не как роботы или животные, а как злоумышленники, заслуживающие наказания и смерти»⁵.

Н. Берман обращает внимание на ряд сопутствующих демонизации понятий, а именно «контр-демонизация» и «само-демонизация»⁶, актуальных для современного политического языка и дискурса.

В случае анималистической и механической дегуманизации оппонент зооморфизируется и деперсонифицируется, в случае же демонизации уподобляется хтоническому inferнальному и злонамеренному существу Нижнего мира. Эти различия, на самом деле, позволяют утверждать частность демонизации по отношению к дегуманизации, укладывающиеся по направленности изменения образа оппонента в триаду: животное – робот – демон. Эволюционный взгляд на данную триаду выстраивает ее несколько иным образом: животное – демон – робот. Данная дифференциация, в свою очередь, позволяет утверждать необходимость рассмотрения демонизации как генеалогически более раннего относительно механической дегуманизации явления, настолько насколько в истории человечества механика более позднее явление относительно веры в хтонических

1 Rowell D. The Power of Ideas: A Political Social-Psychological Theory of Democracy, Political Development and Political Communication. Universal-Publishers. 2011.

2 Conserva H. T. Propaganda Techniques. San Francisco: 1stBooks, 2003.

3 Bhatia M. Terrorism and the Politics of Naming (Third Worlds). Routledge, 2007.

4 Alon N., & Omer H. The psychology of demonization: Promoting acceptance and reducing conflict. Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. 2006.

5 Giner-Sorolla R., Leidner B., Castano E. Dehumanization, demonization, and morality shifting: Paths to moral certainty in extremist violence. In: Hogg, Michael A. and Blaylock, Danielle L., eds. Extremism and the psychology of uncertainty. The Claremont Symposium on Applied Social Psychology. Wiley-Blackwell, 2011.

6 Berman N. The Devil's party: the discourse of demonisation in a fracturing world. London Review of International Law, Volume 6, Issue 1, 1 March 2018.

существ. Можно утверждать уместность употребления нового термина «демоническая дегуманизация», наряду с дегуманизацией анималистической и механической.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

1. Alon N., & Omer H. The psychology of demonization: Promoting acceptance and reducing conflict. Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2006.
2. Berman N. The Devil's party: the discourse of demonisation in a fracturing world. *London Review of International Law*, Volume 6, Issue 1, 1 March 2018.
3. Bhatia M. *Terrorism and the Politics of Naming (Third Worlds)*. Routledge, 2007.
4. Bruneau E., & Kteily N. The enemy as animal: Symmetric dehumanization during asymmetric warfare // *PLoS ONE*, 12(7). 2017.
5. Conserva H. T. *Propaganda Techniques*. San Francisco: 1stBooks, 2003.
6. Giner-Sorolla R., Leidner B., Castano E. Dehumanization, demonization, and morality shifting: Paths to moral certainty in extremist violence. In: Hogg, Michael A. and Blaylock, Danielle L., eds. *Extremism and the psychology of uncertainty*. The Claremont Symposium on Applied Social Psychology. Wiley-Blackwell, 2011.
7. Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review // *Personality and Social Psychology Review* 2006, Vol. 10, No. 3.
8. Knightly P. *The first casualty*. London: Deutsch Press. 1975; Keen, S. *Faces of the enemy* [Video recording]. California News Reel. 1987.
9. Leyens J.-P., Demoulin S., Gaunt, R., Paladino M.P. Infra-humanization: The wall of group differences // *Social Issues and Policy Review*, 1 (1). 2007.
10. Maiese M. Dehumanization. Beyond Intractability. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Information Consortium, University of Colorado, Boulder. Posted: July 2003. URL: <https://www.beyondintractability.org/essay/dehumanization> (дата обращения: 19.09.2018).
11. Martínez R., Rodríguez-Bailón, R., & Moya, M. Are they animals or machines? Measuring dehumanization // *The Spanish Journal of Psychology*, 15, Volume 15, Issue 3, November 2012.
12. Opatow S. Aggression and Violence, in *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*, eds. M. Deutsch and P.T. Coleman. San Francisco: Jossey-Bass, 2000.
13. Pacilli M. G., Rocco M., Pagliaro S., Russo S. From political opponents to enemies? The role of perceived moral distance in the animalistic dehumanization of the political outgroup // *Group Processes & Intergroup Relations*. Volume: 19, Issue: 3.
14. Rowell D. *The Power of Ideas: A Political Social-Psychological Theory of Democracy, Political Development and Political Communication*. Universal-Publishers. 2011.
15. Spencer D. M. Dehumanization and Demonization of the «Enemy». URL: <https://sites.google.com/site/dustiespencer/dehumanization-and-demonization-of-the-enemy> (дата обращения: 19.09.2018).
16. Steuter E., Wills D. *Discourses of Dehumanization: Enemy Construction and Canadian Media Complicity in the Framing of the War on Terror* // *Global Media Journal - Canadian Edition* ISSN: 1918-5901 (English) - ISSN: 1918-591X (Français) Volume 2, Issue 2.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

POINT OF VIEW

ЗУБКОВ

Сергей Александрович
доктор философских наук,
профессор Российского
университета транспорта,
Москва, Россия
info@журналпоиск.рф

ZUBKOV

Sergey Aleksandrovich
doctor of philosophy, Professor,
Russian University of transport,
Moscow, Russia
info@журналпоиск.рф

Глобальные профсоюзы в рядах международного экологического движения/ Global trade unions in the international environmental movement

Аннотация

На примере Международной федерации транспорта в статье анализируется опыт природоохранной деятельности глобальных профсоюзов. Раскрывается их место в рядах современного общественного движения. Дается характеристика их вкладу в борьбу за сохранение окружающей среды. Применяются общенаучные методы, включая системный и структурно-функциональный подходы, а также общелогические методы, включая дедукцию и индукцию, сравнительный анализ. Научная новизна статьи заключается в выявлении специфики подходов представителей глобальных профсоюзов к решению экологических проблем человечества и анализе достигнутых ими при этом результатов.

Ключевые слова

Экологические проблемы человечества; общественное экологическое движение; глобальные федерации профсоюзов; Международная федерация транспорта; зеленые рабочие места; стратегия устойчивого развития транспорта.

Abstract

The article analyzes the experience of environmental activities of global trade unions on the example of The international transport Federation. Their place in the ranks of the modern social movement is revealed. The characteristic of their contribution to the struggle for the preservation of the environment is given. General scientific methods are used, including systemic and structural-functional approaches, as well as General logical methods, including deduction and induction, comparative analysis. The scientific novelty of the article is to identify the specifics of the approaches of representatives of global trade unions to solving environmental problems of mankind and the analysis of the results achieved by them.

Keywords

Environmental problems of mankind; public environmental movement; global trade Union federations; international transport Federation; green jobs; sustainable transport development strategy.

Одно из центральных мест в современном мировом политическом процессе занимает экологическое движение, в котором участвуют правительства суверенных государств, межправительственные органы, а также неправительственные организации. От идеи защиты локальных (эталонных) участков нетронутой природы оно эволюционировало в сторону защиты всей среды обитания человечества. Главная цель экологического движения – предотвращение глобального экологического кризиса. Его представители выступают против различных форм загрязнения окружающей среды, за закрытие вредных производств, за совершенствование природоохранного законодательства.

Большой вклад в решение экологических проблем вносит ООН. В июне 1992г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио – де – Жанейро (Бразилия) была принята «Конвенция о биологическом разнообразии», которая требует от всех государств сохранения биоразнообразия и устойчивого использования всех биологических ресурсов. Эта конвенция положена в основу региональных и национальных стратегий сохранения животного и растительного мира, целостности экосистем и биосферы Земли.¹

Все больший размах приобретает общественное экологическое движение, которое представляют как «зеленые» организации, специализирующиеся на климатической проблематике, так и организации, которые проявляют интерес к экологическим проблемам, а также включают в свою основную деятельность природоохранные мероприятия. Во вторую группу входит Международная Федерация Транспорта (МФТ), которая является одной из ведущих глобальных федераций профсоюзов и объединяет в своих рядах 700 национальных транспортных профсоюзов, представляющих около 4,7 миллиона трудящихся из 150 стран мира.²

Экологические проблемы начали привлекать внимание некоторых отраслевых секций и региональных отделений МФТ в начале 2000-х годов. На 41-м Конгрессе МФТ в 2006 г. Секция работников гражданской авиации приняла рабочий документ, в котором указывался подход Секции к снижению выделения парниковых газов гражданской авиацией. С июля 2007 г. Секция моряков стала участвовать в Рабочей группе Международной морской организации (ИМО) по снижению выбросов в атмосферу в судоходстве. Кроме того, Европейская Федерация Транспорта (ЕФТ) включилась в проект Профсоюзного представления о проблеме устойчивого транспорта (TRUST), в рамках которого рассматривается влияние транспорта на изменения климата.

В условиях кризиса изменения климата, вызванного, в том числе и транспортной эмиссией, на Конгрессе в Мехико в 2010 г. было выработано новое стратегическое направление деятельности организаций МФТ, содержанием которой является борьба за устойчивое развитие

1 См.: Конвенция о биологическом разнообразии. Рио – де – Жанейро, 5 июня 1992 г. // <http://www.cawater-info.net/library/rus/bio.pdf>

2 См.: 43-й Конгресс МФТ, София 2014 // www.itfcongress2014.org

транспорта. Для транспорта наиболее перспективная стратегия сокращения эмиссии основана на принципе «Сократить-изменить-улучшить» (RSI). Этот принцип исходит из суровой реальности, заключающейся в том, что природа установленных наукой сокращений эмиссии потребует фундаментальных изменений в текущей системе глобализованного производства, которая опирается на глобальные цепочки снабжения, низкие транспортные затраты и дешевый труд (сократить), изменения методов перемещения товаров и людей, включая использование транспортных технологий с низкой эмиссией углерода и дальнейшее развитие систем общественного транспорта (изменить), а также новых методов и технологий, обеспечивающих эффективность использования энергии всеми видами транспорта (улучшить). Эта работа должна опираться на ясные стратегии, учитывающие ее влияние на условия труда и занятость.

Настоятельная необходимость заниматься изменением климата лишний раз подтверждает потребность в долгосрочном подходе к стратегии промышленного развития, в том числе и на транспорте. Он должен включать в себя инвестиции, включая и государственные инвестиции, более экологичные технологии, содействие переходу с использования личных автомобилей на общественный транспорт, принятие политики устойчивого развития транспорта, а также более жесткое государственное регулирование, чтобы обеспечивалось соблюдение экологических и социальных стандартов.

МФТ должна стремиться к сотрудничеству с другими озабоченными вопросами изменения климата организациями, чьи интересы и методы работы совпадают с ее собственными. МФТ должна быть частью широкого международного движения за социальную справедливость.

В процессе реализации своей экологической стратегии МФТ стремится содействовать развитию межправительственного сотрудничества в вопросах сохранения окружающей среды в целях обеспечения такого порядка, при котором меры по развитию устойчивого транспорта, будут учитываться в процессе принятия решений в рамках крупнейших глобальных и региональных институтов.

Авиационные профсоюзы МФТ проводят активную работу в ИКАО¹, добиваясь включения задач по сокращению эмиссии в новые международные глобальные соглашения в гражданской авиации, которые разрабатываются и заключаются членами этой специализированной организации ООН.

На 38-ой сессии Ассамблеи ИКАО, проводившей работу в сентябре 2013 г., делегация МФТ внесла предложения относительно качества воздуха в салоне, загрязнения окружающей среды аэропортами и системы безопасности детей на борту самолета, которые нашли поддержку со стороны государств-членов ИКАО. Этому, во-многом, способствовало то, что национальные организации авиационных профсоюзов осуществляли активную информационную работу с теми членами правительств своих стран, кто уполномочен был вести переговоры в ходе заседаний ИКАО, и смогли заручиться их поддерж-

¹ ИКАО (от англ. ICAO — International Civil Aviation Organization) — специализированное учреждение ООН, устанавливающее международные нормы гражданской авиации и координирующее её развитие с целью повышения безопасности и эффективности.

кой.¹ Помощь в этой работе им оказала МФТ, которая в 2012 г. открыла веб-сайт по проблеме качества воздуха в салоне, где профсоюзы имели возможность скачивать пропагандистские материалы и знакомиться с результатами исследований, проводимых МФТ, которые убедительно доказывали наличие резкого и повсеместного роста распространения стресса и усталости среди работников гражданской авиации.²

Авиационные профсоюзы МФТ продвигают свои предложения по решению экологических проблем и созданию зеленых рабочих мест, осуществляя свою экспертную деятельность в рабочих группах ИКАО. К таким структурам относится, в частности, Рабочая группа ИКАО по вопросам безопасности в салоне воздушного судна (ICSG). Важным результатом работы ICSG является переиздание в 2014 г. справочника «Руководство по обучению кабинных экипажей мерам обеспечения безопасности», в которую внесли свой вклад также эксперты МФТ по безопасности в салоне.³

Первостепенное внимание МФТ уделяет конференциям Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, известных как COP (Conference of Parties – COP). МФТ принимают участие в них в качестве наблюдателя, что дает ей право :

- принимать участие в открытых заседаниях и выступать на них (представители МФТ получают слово после выступления сторон);
- получать доступ к документации конференции;
- распространять письменные заявления;
- заниматься информационно-просветительской работой и проводить неформальные дискуссии со сторонами конференции благодаря доступу к местам проведения заседаний.

Продвижение своих экологических инициатив на конференциях COP МФТ осуществляет совместно с МКП и другими глобальными федерациями профсоюзов. Так, в преддверии конференции COP-21, которая проходила в Париже в декабре 2015 г. около 250 участников, в том числе представители МФТ собрались в Париже на профсоюзный саммит МКП для того, чтобы обсудить свои требования. Представитель МФТ Асбьорн Валь из комитета по городскому транспорту представил заявление, в котором говорилось, что настало время максимально использовать потенциал устойчиво развивающегося транспорта на основе модели «Сократить-изменить-улучшить». В этой модели особая роль принадлежит общественному транспорту. Значительное расширение его сетей может способствовать сохранению колебания температуры на Земле в пределах 2оС.⁴

Свою позицию МФТ продолжила отстаивать на конференции COP-23, которая проходила в Бонне (Германия) 6-17 ноября 2017 г.. Совместно с Международной ассоциацией работников общественного

1 См.: Авиационные профсоюзы МФТ начали лоббирование в связи с «серьезными проблемами», <http://admin.itfglobal.org/ru/news-events/news/2013/12.09.2013> г.

2 См.: Отчет МФТ Конгрессу о проделанной в 2010-2014 гг. работе, с.32 ,http://utaf.lv/fileadmin/user_upload/DOC/ITF_congress_Sofia_RU/14Ru43cReportonActivities.pdf

3 См.: Отчет МФТ Конгрессу о проделанной в 2010-2014 гг. работе, с.32 ,http://utaf.lv/fileadmin/user_upload/DOC/ITF_congress_Sofia_RU/14Ru43cReportonActivities.pdf

4 Профсоюзы намечают план действий для сохранения климата Земли в преддверии конференции COP21 // <http://www.itfglobal.org/ru/news-events/news/2015/17.09.2015>

транспорта (UITP) МФТ подготовила обращение к участникам конференции, в котором содержались аргументы в пользу того, что решение климатических проблем посредством более широкого распространения сетей общественного транспорта - это крупнейшая экономическая возможность 21-го века. Подготовленный МФТ и UITP плакат с таким обращением распространялся среди делегатов конференции и размещался в Бонне на остановках электрического транспорта.¹

Объединенные усилия МФТ и других глобальных профсоюзов при решении экологических проблем также направлены на то, чтобы управление накопительным пенсионным фондом трудящихся, которое осуществляется пенсионными фондами, отвечало интересам наемных работников. По расчетам МФТ этот фонд составляет 84% мирового ВВП, то есть, 32 триллиона долларов США. Организацию данной работы проводит Комитет по капиталу трудящихся (CWC). Он создан благодаря совместным усилиям МКП и консультационного профсоюзного комитета TUAC при ОЭСР и развивает диалог между профсоюзами и попечителями пенсионных фондов, которые решают, как инвестировать накопленные работниками средства. В ходе диалога профсоюзы добиваются от этих организаций соблюдения самых высоких социальных и экологических стандартов.²

В качестве примера, может служить рассмотрение практики трудовых отношений в американской компании по логистике Экс-Пи-Оу на совещании Комитета CWC, которое проходило в Берлине 25.09.2017 г. с участием 80 делегатов из 15 стран. При обсуждении данного вопроса Президент МФТ Пэдди Крамлин привел убедительные факты, характеризующие антипрофсоюзную и антирабочую тактику Экс-Пи-Оу, которая вызвала острое недовольство трудящихся. Он призвал пенсионный фонд Orbis Investment Management, являющийся крупнейшим акционером компании, принять все меры для устранения трудового конфликта.³

МФТ участвует в инициативе «Профсоюзы за энергетическую демократию (TUED)», которая возникла в 2013 году и стремится сделать энергетические ресурсы безопасными для климата, а также учесть права рабочих.⁴ В рамках инициативы TUED проводится кампания «Один миллион рабочих мест, благодаря сохранению климата», активными участниками которой являются Объединенные профсоюзы африканских рабочих. Они участвовали в разрешении конфликта между компанией Eskom, являющейся энергетическим монополистом в Южной Африке и властями, которые приняли решение о том, что на энергетический рынок будут допущены частные компании, производящие возобновляемую энергию. В ответ Eskom заявила о намерении уволить до 40 тысяч рабочих.

¹ МФТ озвучила требования трудящихся на глобальных переговорах об изменении климата Земли // <http://admin.itfglobal.org/ru/news-events/news/2017/,16.11.2017>

² См.: Как используется ваша пенсия? Что такое капитал трудящихся? <http://www.itfglobal.org/ru/news-events/news/2015/,11.09.2015>

³ См.: Профсоюзные инвесторы предупреждают о практике компании Экс-Пи-Оу (XPO) <http://www.itfglobal.org/ru/news-events/news/2017/,25.09.2017>

⁴ См.: Профсоюзы за энергетическую демократию, <http://www.itfglobal.org/ru/cross-sectoral-work/>, 17.12.2017

Вмешавшись в этот конфликт, профсоюзы предложили план справедливого перехода к внедрению новых технологий, реализация которого позволит сохранить рабочие места. При этом они опирались на результаты своего исследования, которое доказало, что возобновляемая энергетика даст к 2030 году в Южной Африке 150 тысяч новых рабочих мест.¹

МФТ стремится к тому, чтобы его позиция в вопросах защиты окружающей среды была известна в широких общественных кругах, а голос ее представителей звучал на митингах и манифестациях, которые проводятся в рамках экологического движения.

Многочисленные акции сторонников защиты окружающей среды прошли 21 сентября 2014 г. накануне открытия саммита ООН «Изменение климата Земли». 650 тысячам человек из разных стран мира вышли на улицы, чтобы призвать руководителей государств к более решительным действиям в деле сохранения климата Земли.

В рядах 400 тыс. человек, прошедших маршем по Нью-Йорку, находились более 700 представителей профсоюза АТУ - членской организации МФТ из США. У них в руках были транспаранты с призывом защитить общественный транспорт. Один из руководителей МФТ Дэвид Хансен Миллер, выступая перед участниками марша, сказал, что это событие является «... беспрецедентной возможностью потребовать создания такого глобального миропорядка, который будет служить людям и планете. Мы надеемся, что у мировых лидеров хватит мужества, чтобы начать действовать».²

Меры МФТ, направленные на реализацию экологической стратегии, включают в себя внедрение всеобъемлющей образовательной программы по изменению климата, чтобы расширить осведомленность и укрепить профсоюзы в борьбе за устойчивый транспорт с низкой эмиссией углерода.

В ее рамках в период 2012-2014 гг. для транспортных профсоюзов был разработан пилотный курс дистанционной подготовки преподавателей по проблеме климата и блог МФТ для размещения новой информации и аналитических материалов по проблемам защиты окружающей среды.³ Началось издание 24-х информационных бюллетеней о справедливом решении проблемы климата, материалы которых профсоюзы могут использовать, адаптируя их к собственной работе.

Были проведены региональные образовательные семинары в Африке, Латинской Америке, Азии, АТР и в странах бассейна Карибского моря, а также национальные семинары в Малави, Уганде и Таиланде. На национальном образовательном семинаре в Таиланде, который проходил с 20 по 22 августа 2013 г. членские организации МФТ из восьми профсоюзов транспортников рассматривали влияние и причины изменения климата и ту роль, которую транспортники могут сыграть в борьбе за устойчивое развитие транспорта. В ходе

1 См.: Переход к новой энергетике и рабочие места, <https://below2.ru/about/6.11.2017>

2 См.: Профсоюзы присоединяются к глобальным призывам сохранить климат Земли, itfclimatejustice.org/ru/news.../25.09.2014

3 Отчет МФТ Конгрессу о проделанной в 2010-2014 гг. работе // utaf.lv/fileadmin/user_upload/DOC/ITF_congress.../14Ru43cReportonActivities.pdf, с.10

дискуссии с представителями правительства участники семинара смогли узнать о планах государства в отношении устойчивого развития транспорта. Обсуждались вопросы создания «зеленых» рабочих мест, и потенциальная угроза приватизации железных дорог. Семинар финансировали шведские профсоюзы LO и TCO через свой секретариат по международному профсоюзному сотрудничеству в рамках программы работы МФТ по изменению климата.¹

Реализация стратегии МФТ в отношении изменяющегося климата идет рука об руку с кампанией «Наш общественный транспорт». Ее осуществление направлено на то, чтобы защитить общественный транспорт, создавая в этом секторе сильные профсоюзы и разрабатывая альтернативную модель общественного транспорта, основанную на государственной собственности, государственных инвестициях, безопасных рабочих местах и правах работников.

Мероприятия в защиту общественного транспорта выступают неотъемлемой частью Дней действий, которые ежегодно организует МФТ. Среди них можно отметить акцию, которая проходила 5 октября 2015 г., когда активисты МФТ встречались с пассажирами автобусов и поездов и выясняли их мнение о роли общественного транспорта в защите окружающей среды. С согласия граждан их беседы с профактивистами записывались на видеокамеру и фиксировались на фото. Материалы размещались в Интернете, чтобы повысить информированность и осведомленность пользователей сети по всему миру о преимуществах общественного транспорта. Сделанные 5 октября 2015 г. фото были использованы делегацией МФТ, участвовавшей в конференции COP-21 в Париже, на профсоюзных и общественных мероприятиях. В акции, проходившей под девизом: «5 причин, 5 фото», приняли участие около 30 национальных ассоциаций профсоюзов автодорожников и железнодорожников, представляющих интересы транспортников от Аргентины до Зимбабве.²

Активное участие в кампании по защите общественного транспорта принимает женская секция МФТ. Заметным ее вкладом стала организация рабочей встречи женщин-транспортников МФТ, на которой обсуждались вопросы развития политики в области общественного транспорта, способствующей обеспечению гендерного равенства и содействию борьбе с изменением климата.

Встреча проходила в Марракеше в ноябре 2017 г. и в ней приняло участие 250 профсоюзных активисток из различных стран мира. Одним из результатов этого мероприятия стало заявление в адрес государств-участников конференции COP-23, которая проходила одновременно в Бонне. В заявлении содержался ряд требований к современным правительствам, включающим в себя:

- необходимость масштабного и эффективного расширения общественного транспорта в глобальном масштабе;
- поощрение и поддержка экологических, социальных и

1 Профсоюзы Таиланда намерены работать в связи с изменением климата

<http://www.itfglobal.org/ru/news-events/news/2013/august/thai-unions-challenge-climate-change/>, 30.08.2013

2 См.: День действий в защиту климата, <http://admin.itfglobal.org/ru/cross-sectoral-work/climate-justice/in-focus/climate-action-day/>,

экономических выгод от общественного транспорта;

- сотрудничество с профсоюзными организациями, в том числе с представителями женщин, в принятии решений, связанных с политикой в области общественного транспорта, включая достойную и безопасную работу и обеспечение равных трудовых прав мужчин и женщин.¹

Составной частью кампании в защиту общественного транспорта является борьба МФТ с бизнес-моделью сетевой транспортной компании Uber, подрывающей требования, установленные для защиты пассажиров и участников движения с целью обеспечения безопасных, рациональных и устойчивых транспортных систем.

Успешным шагом в этой борьбе стало то, что членские профсоюзы МФТ, Unia, SEV и швейцарский профсоюз средств массовой информации и связи предотвратили сотрудничество Uber со швейцарской национальной железнодорожной компанией SBB, намеревавшейся включить Uber в свое приложение планирования поездок. Профсоюзы призывают компанию Swiss Post способствовать удалению Uber из текущих приложений своей дочерней компании Postauto AG.

16 июня 2017 г. Генеральный секретарь МФТ Стив Коттон обратился с письмом к председателю Uber Гаррету Кэмпбу, в котором заявил «Uber - сетевая транспортная компания, и водители являются ее сотрудниками. Это честные труженики, мужчины и женщины, которые имеют право на минимальную заработную плату, социальную защиту и прочие гарантированные сотрудникам льготы. Они имеют неотъемлемое право на свободу ассоциаций и коллективные переговоры».²

В ходе проведения кампании «Наш общественный транспорт» МФТ большое значение придает социальному партнерству. В 2013 г. федерация подписала меморандум о взаимопонимании с MCOT³, который поддерживает ее идею распространения общественного транспорта как главной движущей силы устойчивого роста, защиты рабочих мест и окружающей среды. Обе организации договорились о совместном представительстве интересов общественного транспорта на международном уровне, при разработке рекомендаций по профессиональному обучению и гарантиям занятости штатным сотрудникам.

В процессе совместной работы представители профсоюзов и пассажирских организаций создали рабочую группу по разработке альтернативной политики общественного транспорта, благоприятной как для пассажиров, так и для сотрудников. В апреле 2017 г. эта группа провела первое заседание в Вашингтоне, на котором присутствовали активисты из четырнадцати профсоюзов. Участники

¹ См.: На рабочей встрече женщин-транспортников МФТ прозвучали призывы к развитию общественного транспорта для борьбы с изменением климата, <http://www.itfglobal.org/ru/news-events/news/2017/07/11/2017>

² См.: МФТ призывает Uber воспользоваться шансом для реформы, www.itfglobal.org/ru/news-events/news/2017/21.06.2017

³ MCOT, фр. Union Internationale des Transports Publics, UITP) — крупная международная организация, объединяющая более 1400 городских и региональных компаний — транспортных операторов городских и пригородных пассажирских перевозок, производителей подвижного состава и исследовательских организаций из более чем 96 стран мира всех континентов // <http://www.uitp.org/>

заседания провели анализ политики Всемирного банка в отношении общественного транспорта и рассмотрели возможности оптимизации контактных сетей в международных компаниях. Группа познакомилась с откликами пассажиров и работников общественного транспорта Вашингтона, представившими видеоролики с пожеланиями улучшения организации его работы.¹

Подписанное соглашение дает МФТ возможность участия в мероприятиях, которые организует МСОТ. На конференции МСОТ проходившей в Монреале с 15 по 17 мая 2017 г., в котором приняли участие 2500 делегатов из 84 стран, активисты МФТ познакомили работодателей общественного транспорта с мнениями работников этого сектора. В ходе саммита представители МФТ и МСОТ обсудили возможности пропаганды передового опыта корпоративной гендерной политики и наметили кандидатуры тех работодателей и профсоюзных активистов, которые готовы к воплощению этой инициативы.²

Проведенный анализ природоохранной деятельности МФТ позволяет сделать вывод о том, что глобальные профсоюзы активно включились в общественное экологическое движение, возглавляемое ООН. Объединенные усилия МФТ и других глобальных профсоюзов при решении экологических проблем направлены на то, чтобы осуществлять свою экспертную деятельность в рабочих группах ООН, продвигая предложения по созданию зеленых рабочих мест. Первостепенное внимание мировые профсоюзы уделяют конференциям Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (СОР). Они также стремятся к тому, чтобы позиция объединенного рабочего движения в вопросах защиты окружающей среды была известна в широких общественных кругах, а голос его представителей звучал на митингах и манифестациях, которые проводятся в рамках экологического движения.

1 См.: Профсоюзы выстраивают глобальную политику общественного транспорта, <http://www.itfglobal.org/ru/news-events/news/2017/04.04.2017>

2 См.: Профсоюзы МФТ представляют интересы трудящихся на саммите общественного транспорта, <http://www.itfglobal.org/ru/news-events/news/2017/22.05.2017>

НАШИ НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ (ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ)

К своему 50-летию Институт социологии РАН выпустил ряд публикаций по актуальным проблемам российского общества. В их числе очередное издание «Социологическая мозаика»¹, которое продолжает серию книг под этим названием, выпущенных в свет в 2013 и 2014 годах, приуроченных к 45-летию юбилею Института социологии РАН. По содержанию новое издание представляет совершенно оригинальные тексты, в основе которых лежит поиск ответов на социологические методы познания реальной российской действительности.

Каждый из авторов вносит свой вклад в развитие социологической науки, но вместе с тем, их работы объединяет стремление показать современный уровень социологического знания, попытка обосновать новые творческие подходы в исследовании актуальных проблем отечественной социологии. Это отражается, включением в научный оборот новых понятий, абстрагировав их от активного употребления в смежных науках (А.В.Дмитриев), в описаниях такой стороны коллективного портрета как пожилые люди, их поведения, сущности интересов, осмысления жизненного пути и анализе проблем «третьего возраста» (В.Н. Иванов)

Значительный интерес представляет раздел «Социология жизни: поиск ответа на научные и общественные вызовы» (Ж.Т. Тощенко), где на ряду социологического осмысления философской категории «смысл», автор касается животрепещущей проблемы поиска методологии социологического знания.

Рассуждениям авторов присущ свежий взгляд, собственный стиль изложения, острота поставленных вопросов, В работе пытливый читатель найдет и примеры социологических обобщений, и анализ оценочных суждений, и формулировку методолого-методических задач, а так же отдельные описания и авторские интерпретации современной социальной реальности.

Книга содержит в себе значительный информативный материал, обобщение опыта эмпирических исследований, серьезный историографический анализ отечественной и зарубежной литературы. В конечном итоге данная работа нацеливает читателя на поиск инновационных подходов в социологии, показывая её безграничные возможности в исследовании сути человеческой жизни.

В заключении на стр. 131-132 один из авторов монографии (В.Н. Иванов) публикует, в свойственной ему манере поэтическую рекомендацию автору рецензии, которая не может быть мной не замечена. Поэт Иванов пишет:

Мой друг, пора «нырнуть в проблемы»,
О наших буднях написать,
А все «лирические» темы

¹ Социологическая мозаика – 2018 : монография/ А.В. Дмитриев, В.Н.Иванов, Ж.Т.Тощенко; предисловие М.К. Горшков. – Москва: КНОРУС, 2018.-242 с.

Спокойно могут подождать.
Я говорил тебе не раз:
Нам не до лирики сейчас,
Смело надо в жизнь входить,
Понять, что есть , и то, что было
И нашу власть «расшевелить»,
Чтобы она «мышей ловила».
С глубоким уважением и чувством признательности мой ответ:
Поэт заметил лирику мою –
Мне это лестно,
Сказал зачем писать галиматью
И , дескать, лирики не место,
Что лирика? Ведь это страсть,
Что помогает нам «нырнуть в проблемы»
И нашу душу закалять,
Готовясь к переменам.
И только тот, кто тверд душой
«Поймет, что есть и то, что было»,
А лирика нужна порой,
Что б наше сердце не остыло.

Нет сомнения в том, что новое издание «Социологическая мозаика – 2018» будет встречена научной общественностью с огромным интересом, а поднятые в ней проблемы послужат началом к творческому осмыслению всего происходящего в нашем обществе.

А. Маршак

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ¹

«Юридическая наука в XXI веке»: круглый стол № 8 – вопросы теории и практики. Последний день приема материалов – 30 ноября 2018 года. Состоится 30 ноября 2018 года в г. Шахты Ростовской области.

Международная научно-практическая конференция «Современные концепции науки будущего». Последний срок подачи материалов для участия - 13 ноября 2018 г.

Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы инновационного развития современной экономики». Представление документов в оргкомитет конференции до 20 ноября 2018 г. (включительно).

XVIII Международная научно-практическая конференция «Российская наука в современном мире». Материалы для участия в конференции принимаются до 15 ноября 2018 года включительно.

XVII Международная научно-практическая конференция «Advances in Science and Technology». Завершение срока приема материалов - 30 ноября 2018 г.

XVIII Международная научно-практическая конференция «EurasiaScience». Окончание приема материалов - 15 декабря 2018 г.

Международная научно-практическая конференция «Новая промышленная революция в зеркале современной науки». Статьи принимаются до 4 декабря 2018 г.

Международный научно-практический электронный журнал «Форум молодых ученых». Вы можете прислать статью в наш Журнал, мы ее опубликуем в течение 3-х дней в текущем номере. Раз в месяц формируется pdf-версия журнала.

¹ Подробности на сайте: <http://www.kon-ferenc.ru>.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Материалы для публикации в журнале «П.О.И.С.К» необходимо предоставлять в редакцию в бумажной виде и электронном виде, или отправлять на адрес электронной почты (info@журналпоиск.рф) двумя файлами: текст статьи в WORD и отсканированную рецензии в PDF.

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. **Все знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

В текстовом документе перед статьей обязательно должны быть:

– авторская справка на русском языке, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень и электронный адрес;

– аннотация объемом 10—15 строк на русском и английском языках;

– список 3—4 ключевых слов на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

Статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, к публикации не принимаются.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя

обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук).

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Научные статьи подписчиков журнала имеют приоритетное право публикации. Отвергнутые редколлегией статьи автору не возвращаются. Однако, по запросу автора, ему отправляется мотивированный отказ.

Регламент прохождения рецензирования статей:

В соответствии с Уставом научного и социокультурного журнала «П.О.И.С.К.» все статьи, поступившие в журнал, сопровождаются двумя научными рецензиями специалистов в данной области знания.

Первичная рецензия предоставляется автором статьи совместно с текстом публикации. Рецензентом для аспиранта может являться его научный руководитель. Кроме того, рецензентом поступившего в редакцию материала может выступать специалист по данной проблеме. В рецензии должны содержаться общие оценки материала, его соответствие современному научному уровню поднимаемой проблемы, вклад автора и оценка его личной интерпретации, а также его видения изложенного материала. В конце рецензии необходимо указать наличие рекомендации к печати. Рецензент фиксирует свой отзыв подписью, заверенной в установленном порядке, а также указывает место своей работы и занимаемую должность, контактный телефон и электронный адрес.

Получив авторский материал с положительной рецензией, редакция журнала выносит его на повторное рецензирование (обсуждение) на редакционной коллегии. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

После обсуждения принимается коллективное решение о публикации, либо об отказе в публикации данного материала. Обсуждение и решение редакционной коллегии протоколируется в установленном Уставом журнала порядке и хранится в его архиве.

При проведении рецензирования учитывается, что все статьи публикуются в авторской редакции.

Рецензии на статьи, получившие положительное решение к публикации хранятся в редакции журнала в течение 5 лет. Редакция обязуется направить копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Данный регламент утвержден на заседании редколлегии журнала «П.О.И.С.К.»

<http://журналпоиск.pф>

RULES OF PUBLICATION:

Materials for publication in the journal "P.O.I.S.K" must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. **The manuscript should not exceed 10-12 pages.** Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. **All signs** that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. **The formulas** and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. **Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations** are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. **A numbered bibliography should not exceed 1 pp.** (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10-15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a

review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

Regulations passing peer review articles:

In accordance with the Charter of the scientific and socio-cultural magazine «P.O.I.S.K.» all the articles received by the magazine, accompanied by two scientific review experts in the field of knowledge.

Initial review provided by the author together with the text of the publication. Reviewer for graduate students may be his supervisor. In addition, the reviewer Received material can act expert on this issue. The review must contain the overall rate of the material, its compliance state of scientific progress raises issues, the contribution of the author and the evaluation of his personal interpretation, as well as his vision of the material. At the end of the review must specify the presence of the recommendations for printing. Reviewer captures a review signature, duly certified, as well as indicate their place of work and position, contact telephone number and email address.

Having copyrighted material with positive reviews, Editorial Board makes it for re-review (discussion) on the editorial board. After discussion, it adopted a collective decision to publish, or to refuse the publication of this material. Discussion and decision of the Editorial Board shall be recorded in the log procedure established by the Charter and stored in its archive.

In conducting the review takes into account that all the articles published in the original edition.

Reviews of the article, received a positive decision for publication in the magazine are stored for 5 years. Revision shall send copies of the reviews in the Ministry of Education and Science when requested.

<http://журналпоиск.pdf>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 5 (70)
Сентябрь - Октябрь 2018 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский Университет Транспорта»

Издатель

РУТ (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210 от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: +7 (499) 394-30-48

Для простых почтовых отправлений: 127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф
Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф